

РУССКАЯ ИСТОРИЯ

ВАЛЕРИЙ
ШАМБАРОВ

ДЕНЬ
НАРОДНОГО

Валерий Евгеньевич Шамбаров
День народного единства. Преодоление смуты
Серия «Русская история»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=10018177

*День народного единства. Преодоление смуты/ Валерий Евгеньевич Шамбаров: Алгоритм;
Москва; 2014
ISBN 978-5-4438-0943-4*

Аннотация

В начале XVII Россия погибала. Смуты, месиво гражданских войн, рухнула вся система государственной власти, города и области делили между собой интервенты. Спасли страну не только воинские подвиги. Русские люди сумели преодолеть раздиравшие их политические противоречия, объединиться – и стали непобедимыми. Это единение позволило отразить всех врагов, быстро преодолеть последствия грандиозной катастрофы, снова вывести Россию в число ведущих мировых держав.

В издательстве «Алгоритм» в прошлые годы вышли книги известного писателя Валерия Шамбарова «За веру, царя и Отечество» и «Последняя битва императоров» об истории Первой мировой войны. В частности, в них уделяется большое внимание геноциду армян в Османской империи в 1915 г. К столетию этой чудовищной трагедии издательство рассматривает вопрос о создании отдельной книги, посвященной данному вопросу.

Содержание

От автора	4
Становление цивилизаций	6
Европа раскалывается	15
Россия и Европа	25
Россия и Азия	34
Падение в смуту	43
Царь Василий Шуйский	52
Интервенция	61
Россия в хаосе	69
«Бей поганых!»	78
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Валерий Шамбаров

День народного единства. Преодоление смуты

От автора

Семнадцатый век... Наверное, самый романтический век. В прямом смысле. Ведь именно тогда жили и действовали герои самых популярных романов, будораживших воображение многих поколений молодежи. Звенели шпаги мушкетеров. Плели хитрые сети политических интриг Ришелье, Мазарини и Кромвель. Под «Веселым Роджером» гуляли по морям прототипы капитана Блада, Флинта и Сильвера. В шотландских горах бунтовал неукротимый Роб Рой. Сражались за свободу приятели Тиля Уленшпигеля. Отплясывали краковяк и рубились с врагами соратники пана Володыевского. Томился в тюрьме таинственный узник «Железная маска». Раскатывали по свету авантюристски наподобие Анжелики. А в американских лесах раскуривали с вождями трубки мира первые «следопыты»...

Что ж, мы уже привыкли судить о прошлом по романам и кинофильмам. Но вот только о России XVII столетия почему-то ничего подобного не создавалось. А если что и создавалось, то откроешь – и читать неохота. Какой-то сплошной «мрак Средневековья», даже непонятно становится: как же люди-то могли существовать в таких условиях? Но в отношении этого столетия нас и учебники истории отнюдь не балуют. Взять хотя бы царствование Михаила Федоровича, современника тех же мушкетеров и «уленшпигелей», – и мы обнаружим в учебниках... пустое место. Будто ничего серьезного на Руси не происходило, и она так и лежала в темноте, рабстве и невежестве, лениво почесываясь и ожидая, когда же кто-нибудь придет, «просветит» ее и преобразует, прорубит ей «окна в Европу».

Хотя первых! государь из династии Романовых правил 32 года, это была целая эпоха. И, как показывают факты, эпоха весьма бурная и энергичная, насыщенная важными событиями. После кошмарных опустошений и развала Смуты Россия практически «с нуля» сумела восстановить разрушенное хозяйство. Укрепляла и совершенствовала оригинальные и эффективные структуры гражданского управления. Развивала экономическую базу и начала строить национальную промышленность. Достигла расцвета своей самобытной культуры. Значительно расширила свои пределы, дойдя на востоке до Тихого океана и границ Китая, на юге сделав огромный шаг в «Дикое Поле», прочно воссоединившись с донским казачеством, надежно утвердив позиции на Северном Кавказе. И отметим, что все успехи достигались еще на своей собственной, национальной основе, на базе собственных традиций, без ломок, «перестроек» и огульного подражательства чужеземцам. Но выясняется, что и без этого наша страна обладала огромным авторитетом на международной арене, поддерживала тесные связи со многими государствами, играла заметную роль и в европейской, и в азиатской политике. Умела дружить с иноземцами, не через «окна», а через широко открытые «двери» вела с ними масштабную торговлю.

Зато уж если ее задевали – то не взыщите. Тут уж звучал клич «Бей поганых!». В эпоху Михаила Федоровича России пришлось вести три только «официальных», крупных войны. А войны необъявленные, пограничные конфликты и набеги хищных соседей никто и не считал, они шли постоянно, из года в год. Но отбивались, одолевали врагов. И держава набирала все большую силу... Это было время мудрых политиков, ничуть не уступавших Ришелье и Кромвелю, талантливых полководцев, не уступавших Валленштайну и Тюренну, первоот-

крывателей, не уступавших Тасману и Гудзону, замечательных художников, зодчих, дипломатов, лихих и умелых воинов. Мы не знаем их? Но это не их, а наша вина.

Честно говоря, я заинтересовался эпохой Михаила Федоровича как раз из-за того, что она представляет собой некое «белое пятно» в нашем образовании и сложившихся представлениях о прошлом. Вот и стало любопытно: как же там люди жили, к чему стремились, какие проблемы решали? А когда копнул материалы и пошел вдруг неожиданные для меня самого «открытия», то и решил познакомить с ними читателя. А то как-то даже нехорошо получается. Как же нас с вами будут уважать другие народы, если мы сами себя и своей истории не уважаем?

Становление цивилизаций

Вы случайно не задумывались о том, что современные методики преподавания истории обладают рядом любопытных особенностей? Отдельно изучается история «всемирная» и отдельно – история России. То есть получаются как бы две отдельные и почти не связанные канвы. Причем и «всемирная» история касается в основном Западной Европы – события в других частях света даются лишь вскользь, между делом. Возникли эти особенности отнюдь не случайно. Суть в том, что европейские «гуманисты», мыслители эпохи Возрождения и Просвещения, создали концепцию «линейной» истории, протянув нитку «прогресса» от древнего Ближнего Востока к Древней Греции, Древнему Риму, а от него – к европейской цивилизации. Что породило теорию «европоцентризма», объявлявшую все прочие народы «варварскими» и «неисторическими», способными в лучшем случае перенимать достижения культуры от Запада.

Ну а наши отечественные профессора XIX в. сами были ярыми западниками, обуянными комплексами «национальной неполноценности», поэтому приняли данную теорию с распростертыми объятиями. И историю собственной страны скромненько расположили особнячком, в сторонке. А в качестве главного критерия достижений России повсюду расставили указатели – мол, в такие-то периоды она от Запада отставала, а в такие-то, глядишь, и «догоняла». Вот и получилось, что русским как будто делать было больше нечего, кроме как с Европой в догонялки играть.

Но в XX в. теории европоцентризма затрещали по всем швам... Да и вообще нетрудно понять, что подобный подход может дать картину слишком уж искаженную. И поэтому, хотя я пишу книгу о России, но предпочел показывать ее на фоне того, что делалось в других государствах. Это позволит и более наглядно представить сам «дух эпохи», и проследить взаимосвязи событий в разных странах. И увидеть, где и впрямь в чем-то отставали, а где, может быть, просто шли по другому пути. Ведь русская и западноевропейская цивилизации формировались в разных условиях, почти независимо друг от друга.

Чтобы осознать их разницу, сложившуюся к XVII в., целесообразно сперва отступить назад во времени и хотя бы бегло взглянуть на мир XIV–XVI вв. В Европе это время знаменовалось эпохой Возрождения и Великих открытий. Впрочем, тут мы невольно попадаем под «гипноз названий». Стоит лишь прозвучать словам «эпоха Возрождения», как в сознании возникает некий прекрасный мир художников, ученых, мыслителей. А Великие открытия, конечно же, ассоциируются с отважными капитанами и отчаянными моряками, обуянными географическим азартом и наносящими на карты контуры неведомых берегов, населенных дикарями...

На самом же деле Европа этой поры представляла собой невеселое зрелище. На Балканах догнивала некогда великая Византийская империя. Умирала она тяжело и страшно. Погрязла в интригах и коррупции, и когда в 1204 г. небольшое, всего 20 тыс., войско крестоносцев напало на Константинополь, выяснилось, что адмиралы разворовали и распродали собственный флот, армии нет, а из полумиллионного населения города никто и не подумал браться за оружие. А над ограбленными уцелевшими жителями, бегущими из столицы, соплеменники смеялись и издевались, поскольку ненавидели богатый Константинополь, высасывавший соки из провинции.

Латинская империя, созданная на Балканах крестоносцами, продержалась недолго. Против грабителей все же сорганизовались и вышибли. Но и Византия не воскресла, распавшись на независимые и полунезависимые области.

Греки, болгары и сербы резались друг с другом и между собой. Национальные богатства утекали в карманы венецианских и генуэзских купцов – греческие правители попали в

полную финансовую зависимость от них. А в Малой Азии усиливались турки-османы, которых византийские властители за неимением войск сами приглашали поучаствовать в междоусобицах и войнах с соседями. Никакого турецкого «завоевания» империи фактически не было. Османы просто занимали земли, опустошенные во внутриимперских драках, и селились на них. На свои окраины императоры давно плюнули. И крестьяне, разоряемые налогами, но не получающие ни малейшей защиты от набегов соседей, добровольно переходили в ислам и становились турками. А дворяне переходили к ним на службу, сохраняя веру, — османы в этот период относились к православным лояльно. Наконец от всей империи остались лишь Константинополь и несколько клочков на Балканском полуострове и островах, причем цари уже вынуждены были платить дань турецким султанам.

Карта Западной Европы была также не похожа на нынешнюю. На месте Германии существовало около 350 государств.

На месте Италии — 15 «больших» и множество микроскопических. На месте Великобритании — 4, на месте Франции — полдюжины. И французы, англичане, шотландцы, бургундцы, бретонцы сцепились в это время в Столетней войне, которая велась методами, далекими от наших понятий о «цивилизованности». Англичане спалили Жанну д'Арк, торговали знатными пленными, а незнатным выпускали кишки. Французы вели себя аналогично, юный Людовик XI после побед пировал, любуясь на то, как слуги колотушками проламывают черепа пленникам-англичанам. На Пиренеях горцы-христиане из Португалии, Кастилии, Наварры, Каталонии, Валенсии, Арагона с переменным успехом пытались отвоевать богатые равнины, населенные мусульманами.

Среди этого хаоса в плане материального благополучия выделились два региона: Германия и Италия. Германские императоры постоянно нуждались в деньгах для борьбы против собственных вассалов, а их вассалы — для борьбы против императоров и друг друга. Поэтому те и другие продавали вольности и привилегии подвластным городам, превращавшимся в ремесленные и купеческие центры. Ряд городов объединился в мощный союз — Ганзу, монополизировавший торговлю в Северном и Балтийском морях. А приток богатств в Италию начался со времен Крестовых походов, когда Венеция, Генуя, Пиза занялись морскими перевозками между Европой и Ближним Востоком. Основали там базы, опутали сетями разлагающуюся Византию. Львиная доля добычи, награбленной крестоносцами, осела в итальянских городах. А вдобавок итальянцы монополизировали транзит через Средиземное море, важнейший узел коммуникаций той эпохи. Венецианцам принадлежали Крит, Кипр, ряд Эгейских Островов, фактории в Египте. Генуэзцам — Корсика, Галата под боком у Константинополя, в Причерноморье — Тана (Азов), Судея (Судак), Кафа (Феодосия).

Через Италию пошли основные потоки международной торговли. От них перепадало и местным властителям, и папам римским, которым пересылалась еще и соответствующая мзда от других католических государств. Здесь пересеклись и культурные влияния арабского Востока и Византии. Да и в самой Италии находили древнеримские статуи, мозаики, развалины зданий, рукописи. Приток капиталов и эти влияния как раз и стали основой «Возрождения». Богачам хотелось жить покрасивее, и эталоном для подражания они сделали Древний Рим. Сам термин «возрождение» вошел в обиход от льстецов — в Средние века было принято говорить об упадке по сравнению с Римской империей, теперь же стали утверждать, будто ее величие возрождается, сравнивая тех или иных магнатов с цезарями и августами. Оные магнаты швыряли деньги на строительство дворцов, украшение их статуями и картинами. А спрос на искусство позволил выдвинуться и развиваться талантам.

Но стоит учитывать, что гениев в эту эпоху было всего несколько десятков. И со всеобщим процветанием «Возрождение» не имело ничего общего. Итальянские государства ожесточенно дрались между собой, шли войны между гвельфами и гибеллинами (сторонниками приоритета пап римских или германских императоров), между «черными» и

«белыми» гвельфами (аристократией и купцами-нуворишами), бунты черни. Сжигались города, победители варварски истребляли побежденных. И большая часть шедевров, созданных в эпоху Возрождения, тогда же и погибла. А на материально-технической базе Италии приток богатств и придворная роскошь совершенно не сказались. Здешние воротилы предпочитали быть только перекупщиками и финансистами, а деньги чаще вкладывали в предприятия Германии, это было безопаснее, чем на родине. По той же причине многие итальянские мастера уезжали в другие страны.

Ну а в духовном плане казалось, что эпоха Возрождения действительно «возродила» времена разложения Древнего Рима. Тяга к наслаждениям и богатство сломали нравственные устои Средневековья. «Декамерон» заменил людям Библию. Разница между знатными дамами и проститутками определялась только их ценой. Вельможи хвастались количеством побочных детей (рекордсменом был Никколо д'Эсте – более 300). Пресыщаясь обычными излишествами, входили во вкус извращений, и миланский герцог Галеацци Сфорца после обеда любовался на разыгрываемые перед ним сцены содомии. Но главным следствием этого упадка стало разрушение католической церкви. Ее особенностью, сложившейся исторически, была значительная «мирская» составляющая. В раздробленной Европе и папы, и многие архиепископы и епископы были суверенными правителями своих владений. А бенефиции (пожалования) монастырей и церковных должностей рассматривались в первую очередь с точки зрения доходов.

Из-за этого церковь периодически переживала кризисы, которые удавалось преодолевать, но соблазны Возрождения оказались для нее слишком сильными. Сохранились декреты пап и епископов, открытым текстом запрещавшие священнослужителям держать мясные лавки, кабаки и публичные дома, призывавшие их прекратить блуд и пьянство. Однако проку было мало, поскольку главным рассадником гниения стал сам Рим. Появлялись такие монстры, как папа Сикст IV – взяточник, гомосексуалист и убийца. Лоренцо Медичи называл Рим «отхожим местом, объединившим все пороки», а Петрарка писал: «Достаточно увидеть Рим, чтобы потерять веру».

Не замедлили появиться «первые ласточки» раскола. О необходимости реформ церкви заговорил англичанин Уиклиф, потом чех Ян Гус. Его, ничтоже сумняшеся, осудили и сожгли, но казнь популярного проповедника вызвала восстание во всей Чехии. После нескольких десятилетий войн чехов удалось замирить с огромным трудом, признав их права на особенности богослужения. Но никаких выводов из случившегося римское духовенство не сделало. А если и предпринимало шаги по укреплению веры, то они сами по себе напоминали извращения. В 1484 г. вышла булла папы Иннокентия VIII «*Summis desiderantes*», давшая старт жуткой «охоте на ведьм». И в 1487 г. видные богословы и инквизиторы Шпренгер и Инститорис опубликовали «Молот ведьм» – фундаментальное юридическое, теологическое и практическое руководство по отлову и уничтожению «колдуний», которое сразу стало бестселлером, выдержав за 9 лет 9 изданий. По Европе запыхали костры... Это, учтите, не «мрак Средневековья», это как раз эпоха Возрождения!

Впрочем, Возрождение все еще оставалось сугубо итальянским феноменом. В других странах расцветом искусств еще не пахло. Турки осваивались на Балканах, покорили болгар, сербов, разгромили крестоносную армию. Наконец решили покончить и с автономией торчавшего посреди их владений Константинополя. В надежде на помощь византийский император Иоанн VIII и патриарх Иосиф обратились к папе Евгению V, соглашаясь (уже не в первый раз) подчинить православную церковь католической. И в 1439 г. была заключена Флорентийская уния. Ни к чему хорошему это не привело. О том, до чего докатилось католичество, православный мир знал, и ни в Константинополе, ни в других странах большинство православных унию не приняли. Да и Византия никакой помощи так и не получила, Запад ради нее пальцем о палец не ударил. В 1453 г. Константинополь пал. Защищали его только

наемники и моряки-иностранцы. А из сотен тысяч горожан на оборону вышли лишь 5 тыс. Остальные предпочли сидеть по домам и ждать, когда их вырежут или продадут в рабство.

Англия, завершив Столетнюю войну, тут же ухнула в мясорубку междоусобиц Алой и Белой роз, в которой перебило друг дружку почти все дворянство. А Франция вступила в не менее свирепые войны с Бургундией и Бретанью, где поголовное истребление жителей взятых городов было отнюдь не редкостью.

В войнах на Пиренеях первой очистила свою территорию от мавров Португалия – бедная страна рыбаков, горцев-пастухов и воинственных дворян-фидалго. Потом до XV в. она отражала попытки Кастилии подчинить ее. Но, когда с соседями замирились, бойцы-дворяне остались без дела и средств к существованию. И Португалия сделала основой государственной политики пиратство. От мусульман она переняла столь полезные вещи, как компас, астролябия, географические карты, искусство строить каравеллы – небольшие, 50–80 т водоизмещением, но уже позволявшие выходить в открытое море. И начались нападения на Сеуту, Танжер, Марокко. То привозили добычу, то получали отпор. Пока, выискивая менее защищенные места, вдруг не проскочили полосу североафриканских арабских государств – и обнаружили, что сопротивление ослабло... Третий сын короля Жуана I Энрике Мореплаватель на трон претендовать не мог и реализовал себя, создав морской «орден Иисуса» для борьбы с иноверцами. Добился, чтобы орден благословили папы римские – разумеется, не бесплатно. Но португальцы выиграли больше, получив от Рима монополию на плавания у западных берегов Африки. А любого чужака, заплывавшего туда, хватали и казнили как «еретика», нарушившего папскую волю.

Однако давайте взглянем пошире на огромный мир, еще не «открытый» европейцами. И увидим, что неведомые им края вовсе не были «дикими» и неосвоенными. В Америке существовали древние цивилизации ацтеков, инков, майя, муисков, арауканов и др. Цивилизации эти были жестокими, практиковали человеческие жертвоприношения, у некоторых народов единичные, у инков – сотни людей, у ацтеков – десятков тысяч, что сочеталось с ритуальным каннибализмом. Но и культурные достижения были значительными. Индейцы имели несколько видов письменности, религиозную и историческую литературу, строили большие города с водопроводом и канализацией, храмы, создавали скульптуры и прекрасные ювелирные изделия, на высочайшем уровне находились астрономия и медицина.

В Африке процветало множество обширных и могущественных государств: Эфиопия, Мали, Сонгаи, Борну, Моей, Ойо, Бенин, Нуле, Конго, Луба, Розви, Угадугу, Ятенга. По восточному берегу угнездились мусульманские султанаты Софала, Килва, Занзибар, Момбаса, Мogaдишо. Вовсю велась трансафриканская торговля. Славились многолюдные города Тимбукту, Араван, Уалату, Гао, Дхло-Дхло, Кхаме, города-государства хауса, а грандиозные развалины Великого Зимбабве до сих пор поражают туристов размерами и архитектурой.

Южную часть полуострова Индостан занимала огромная империя Виджаянагар, а Индонезию и Малайский полуостров – империя Маджапахит, создавшая большой флот, развитое законодательство и богатейшую культуру – литературу, музыку, философию, поэзию, театр масок, театр теней вайянг. Не менее высокая культура существовала на Филиппинах – местные мусульманские и индуистские княжества имели свою письменность, почти все население, включая женщин, было грамотным. Был накоплен колоссальный багаж научной и художественной литературы – многие тысячи бамбуковых свитков, книг из коры и пальмовых листьев. В Китае достигла максимального расцвета и могущества империя Мин. А Япония вступила в полосу междоусобиц – «период воюющих государств». В Индокитае жили своей жизнью сильные королевства Лансанг («Миллион слонов»), Сиам, Аннам, Таунгу. О какой-либо «отсталости» от Европы в здешних краях вообще говорить не приходилось. Архитектура, скульптура, живопись, литература, философия дали бы фору любой «эпохе

Возрождения». Индусы, китайцы и арабы хорошо знали огнестрельное оружие. А Индийский океан был «Средиземным морем» Востока, оживленным перекрестком морских трасс, которые бороздили китайские, арабские, индийские, малайские корабли. И еще какие! Были суда по 400 т водоизмещением, бравшие на борт до 2 тыс. пассажиров. Китайцы и малайцы были нередкими гостями в Африке и Персидском заливе, арабы – в Китае, Филиппины поддерживали дипломатические отношения с Ближним Востоком и Турцией.

Португальцы же постепенно утвердились на островах – Канарских, Азорских, Зеленого мыса, а на африканском берегу основывали фактории, по дешевке выменивали золото, слоновую кость, рабов. Но самыми ценными товарами, шедшими в Европу с Востока, считались шелк и пряности. И не только в качестве привозных изысков. Шелковая одежда в ту пору была единственным средством избавиться от вшей. А без пряностей, в первую очередь перца, при тогдашних технологиях было невозможно заготавливать впрок мясо. И стоило то и другое чрезвычайно дорого. Однако эти товары поставлялись через Средиземное море, «приватизированное» итальянцами. А потом турки разгромили итальянские базы, развернули агрессию на Сирию и Египет, и торговые пути нарушились. Цены на пряности круто скакнули вверх. И португальцы настойчиво искали другой путь на Восток, вокруг Африки. В 1486 г. Бартоломео Диаш обогнул мыс Доброй Надежды...

Идею гегуэца Колумба о поисках западной дороги в Индию Португалия отвергла, это могло нарушить ее монополию. Но в это время благодаря браку Фердинанда Арагонского и Изабеллы Кастильской произошло объединение Испании. И войны Реконкисты покатались к завершению, под ударами погибал последний оплот мавров – Гранада. Испанцы тоже были народом воинов, крутых и суровых. Более высокую мусульманскую культуру они в меньшей степени унаследовали, а в большей разрушили, изгоняя и обращая в рабство побежденных. Свирепствовал генерал-инквизитор Торквемада, за 18 лет отправив на костры более 10 тыс. «еретиков» и выкрестов из евреев и мусульман, заподозренных в тайной приверженности прежним верованиям. И когда Колумб обратился к Фердинанду и Изабелле, находившимся на вершине успехов, их его предложение заинтересовало. В 1492 г., как известно, состоялось открытие Америки, принятой за Индию.

Но возникли недоразумения между Испанией и Португалией – как быть с монополией «ордена Иисуса»? За разрешением спора стороны обратились к папе Александру VI Борджиа. Личностью он был весьма импозантной. В молодости, сожительствуя с некой Еленой Ванотци, предпочел ее дочь Розу и вместе с ней отправил мамашу на тот свет. Прижил с Розой детишек Франческо, Чезаре и Лукрецию, подвизался у святого престола и выбился в кардиналы. А затем, не поскупившись на взятки, пролез и в папы, – скажем, престарелому венецианскому кардиналу за голос при избрании дал 5 тыс. золотых и на ночь свою 12-летнюю дочь. Сыновьям потом дал герцогства и кардинальские титулы, а Лукреция стала любовницей и отца, и братьев, причем Чезаре из ревности убил Франческо. Мамаша Роза благоразумно отошла в сторонку, а отец, сын и дочь зажили втроем благополучной семейкой.

Чезаре командовал папской армией, огнем и мечом сколачивая в Италии собственное королевство. Для пополнения средств папа и его детки практиковали убийства, конфискуя имущество жертв. Отравили трех кардиналов, нескольких вельмож, Лукрецию четырежды выдавали замуж – двух мужей убили, присоединив их владения, третий догадался сам бежать. Развлечения себе придумывали соответствующие, вроде случки лошадей во дворе Ватикана или охот, где участники «свободно предавались порывам плоти». Любили хорошо поставленные казни. Скажем, некую Корсетту уличили в связи с мавром, провели по Риму в пышной процессии, ее нагишом, а мавра в женском платье с задранной подолом, связали вместе и сожгли. В другой раз Чезаре велел огородить площадь Св. Петра, загнал туда толпу пленных, в том числе женщин и детей, гонялся за ними на коне с мечом и рубил. А настоя-

теля монастыря Сан-Марко Савонаролу, обличавшего папские безобразия, казнили вообще кощунственно – распяли на кресте, а внизу разожгли костер и поджарили.

На пирах, проходивших с участием кардиналов, устраивались пляски «благородных блудниц» и конюхов в чем мать родила, голые дамы ползали на четвереньках, подбирая ртом брошенные им каштаны. А Лукреции отец разрешал участвовать в управлении церковью, читать конфиденциальные доклады и принимать по ним решения. Как-то для потехи позволил даже председательствовать на коллегии кардиналов, где она появилась, по словам современника, в костюме «афинской гетеры, состоящем из прозрачной муслиновой накидки на чреслах, с обнаженной грудью». И как раз этот «святой человек», Александр VI, получив мзду как от испанцев, так и от португальцев, разрешил тяжбу между ними очень просто. Взял да и поделил весь земной шар по «папскому меридиану», лежащему в 100 лигах (ок. 500 км) западнее островов Зеленого мыса. Все, что западнее, пусть берут испанцы, а восточнее – португальцы. Правда, те остались недовольны, потребовали пересмотра и в 1494 г. в Тордесильясе заключили новый договор – меридиан сдвинули на 370 лиг (1850 км) к западу от островов Зеленого мыса. Что также было утверждено папой – ему-то какая разница?

В 1497 г. морские успехи испанцев подстегнули португальского короля Мануэля Счастливого отправить экспедицию Васко да Гамы, которая, обогнув мыс Доброй Надежды, «открыла» густонаселенные и весьма развитые страны. Сперва отметилась погромом и грабежом в белокаменных городах и портах Мозамбика, захватив моряков и пытками выведывая путь в Индию. То же самое произошло в султанате Момбаса. Но в Малинди, враждовавшем с Момбасой, португальцев встретили радушно, султан снабдил их продовольствием и дал лоцмана, знаменитого в арабском мире мореплавателя Ахмеда ибн Маджида, автора многих трудов по навигации. Тот и привел корабли в главный индийский порт Каликут (на западном берегу Индостана, не путать с Калькуттой). Истово помолившись в храме Вишну, коего он принял за Адама (как, кстати, и посетивший Индию на четверть века раньше Афанасий Никитин), Васко да Гама нанес визит правителю-заморину и получил разрешение торговать.

Но, когда португальцы выгрузили в порту подарки для заморина – куски ткани, оливковое масло, вино, – местные чиновники были шокированы. Сказали, что таких ничтожных даров никто правителю не подносит. Купцы от привезенных товаров тоже отказались. Оказалось, что по здешним меркам европейцы просто нищие, им на изобильных индийских рынках торговать совершенно нечем! В это время с моряками дошли и сведения о их бесчинствах в Африке. Заморин из вежливости все же велел за казенный счет купить груз португальцев, но приказал им покинуть порт. И тогда взбешенный да Гама стал захватывать корабли в индийских водах, поголовно убивая экипажи. Возвращение в Португалию с награбленными богатствами стало триумфом.

По тому же маршруту пошла целая эскадра Кабрала. Но уклонилась к западу и открыла Бразилию, так что сдвиг «папского меридиана» со 100 на 370 лиг пришелся кстати, новая земля вошла в португальскую зону. А следующая эскадра прорвалась в Индийский океан. О завоевании здешних держав пока не могло быть и речи, но португальцы задумали захватить море. Основали базу в г. Кочин, враждовавшем с Каликутом, и учредили постоянный патруль, безжалостно топивший любые суда. В их числе «адмирал Индии» Васко да Гама уничтожил, например, корабль, шедший из Аравии с 700 пассажирами и годичной выручкой от торговли. Всех загнали в трюм и подожгли. В отчаянии люди проломили палубу, женщины, взывая к жалости, поднимали на руках детей. Да Гама ударил по ним из пушек, а плавающих в воде добивали копьями.

Каликут бомбардировали из орудий, захватив в гавани 800 моряков, отрубили им руки и ноги и сожгли. А послам заморина отрезали уши и носы и пришили собачьи. Это был целенаправленный террор с целью внушить ужас и навязать свою волю. Португальцев-то было

немного. Но пушки у них были лучше индийских, а каравеллы более быстрыми и маневренными, чем океанские суда индусов и арабов. Главным же преимуществом европейцев стала наглость. В процветающих странах с веками сложившимися отношениями и связями никто не ждал, что к ним может вот так ворваться горстка чужаков и начать крушить все и вся. Властители оказались не готовы к отпору. Некоторые сочли, что выгоднее покориться, таким португальцы за плату выдавали специальные пропуска на мореходство. И организовывали базы. Вмешавшись в междоусобицу в Килве, посадили на престол своего ставленника. Возникли форты в Софале, Мозамбике.

Заклучив союз с местными пиратами, разрушили Момбасу, захватили арабские крепости на Аравийском море. В 1510 г. со второй попытки взяли индийский порт Гоа, вырезав без различия пола и возраста все мусульманское население. И учредили тут столицу своего вице-королевства. Индонезийская империя Маджапахит в это время стала распадаться из-за вражды между мусульманами и индуистами. И португальцы ударили на отколовшуюся от нее Малакку. Огромный город, перекресток арабской, индийской и китайской торговли, был разрушен, жители перебиты. А Португалия установила контроль над проливом – каждый корабль, следующий из Индийского океана в Тихий и обратно, обязан был заходить в Малакку для уплаты пошлины под страхом потопления и казни экипажа. В 1514 г. был захвачен другой перекресток торговли – Ормуз в Персидском заливе.

Китайские моряки от своих берегов европейцев отбили. Зато те достигли вожаемых Островов пряностей – Молуккского архипелага (о-ва Банда, Тернате, Тидоре и Амбоин). Воспользовались враждой султанов Тернате и Тидоре и закрепились на Амбоине. Таким образом Португалия с населением 1 млн. за 20 лет захватила под контроль весь Индийский океан. А ведь многие здешние производители уже традиционно были ориентированы на внешний рынок, без торговли существовать не могли. И пришельцы стали диктовать свои условия, скупая товары по бросовым ценам.

Испанцы в это же время «осваивали» Америку. Колумб, став генерал-губернатором открытых им стран, для привлечения переселенцев ввел систему «репарти-менто» – раздавал земли вместе с индейцами в полную собственность владельцев. Индейцам это, конечно, не нравилось, они восставали, а их за это истребляли. Так, на о. Эспаньола (Гаити) специально для охоты за индейцами завезли множество собак. Загнали в непригодные для жизни места и выморили голодом до единого человека. В итоге таких действий население Вест-Индских островов, насчитывавшее около 1 млн., за полвека исчезло, сюда стали завозить рабов. Этим занялись генуэзцы, урвавшие монополию на работорговлю у испанского короля.

Постепенно проникли и на материк. Там, где испанцы получали единодушный отпор – например, во владениях карибов, утвердиться они не смогли. Но крупные империи оказались куда более уязвимыми. Когда 800 солдат склочника и сифилитика Кортеса осаждали Мехико-Теночтитлан, на их стороне сражалось 200-тысячное войско союзных тотонаков, тлашкаланцев, чолульцев, которым надоели владычество ацтеков, поборы и ритуальные «войны цветов» с массовыми жертвоприношениями. А когда неграмотный бывший свинопас Писарро на нескольких лодчонках отправился вдоль южноамериканских берегов и наткнулся на огромный порт Тумбес, в империи инков как раз полыхала гражданская война, принц Атауальпа сверг своего сводного брата Уаскара.

Отряд из 177 испанцев Атауальпа допустил к себе беспрепятственно. Чего ему было бояться с 50-тысячной армией? Но при личной встрече в Кахамарке Писарро вероломно захватил его в заложники, перебив безоружную свиту. Назначил выкуп – наполнить большой зал золотом, а другую комнату дважды серебром. Но и после этого императора не отпустили. Устроили над ним «суд» (естественно, по испанским законам). Обвинили в «узурпации власти», «подстрекательстве к мятежу», «злоупотреблении доходами короны», многоженстве и идолопоклонстве и прикончили. И в чем испанцам повезло – это в том, что

империя инков была до крайности централизованным, многонациональным государством. Собственно, инки были не просто господствующей нацией, из них состоял костяк администрации. Но Атауальпа, будучи бастардом, после прихода к власти учинил массовое истребление чистокровных инков, вплоть до женщин и детей. А когда конкистадоры убили его самого и его приближенных, империя оказалась обезглавленной и парализованной.

Одни провинции подчинились испанцам, как бы занявшим место уничтоженной высшей касты. А тех, кто сопротивлялся, покоряли с помощью подчинившихся. Покоряли с исключительной жестокостью. И грабили все подряд, переплавляя в слитки великолепные ювелирные изделия и произведения искусства вроде садов храма Коринанга, где растения и животные были сделаны из золота и серебра в натуральную величину: Слухи о чрезвычайных зверствах в Америке дошли до Мадрида, и в Перу был послан вице-король Бласко Нуньес Вела. Но конкистадоры его убили и... передрались между собой. Банды Писарро, Альмагро, Карбахалья сцепились из-за старшинства и добычи. Альмагро взяли в плен и «по приговору суда» перерезали ему глотку. Его сын убил Франсиско Писарро. Гонсало Писарро, сводный брат завоевателя, разбил и казнил Альмагро-младшего. Наконец, прибыл второй вице-король, де Гаско, с войсками. Рядовые бандиты струхнули, начали перебегать к нему. Предводителей поймали, Гонсало Писарро был обезглавлен, Карбахаль колесован и четвертован.

В процесс дележки мира пробовали влезть и другие. Кабот, венецианец на британской службе, открыл о. Ньюфаундленд, приняв его за Китай. Но, несмотря на ошибку, объявил «Китай» владением Англии! Французы с этим не согласились, и флорентиец на их службе, Веррацано, провозгласил земли от Флориды до Ньюфаундленда «Новой Францией». Однако испанцы не менее строго, чем португальцы, следили, чтобы в их «половину мира» не проникали посторонние – корабли конфисковывали, а экипажи ждала смерть. Бороться с ними на морях у французов и англичан была еще кишка тонка, но они наворачивали свое другими способами. С благословения французского короля Жак Анго из Дьеппа стал формировать отряды пиратов, которые и захватили в 1523 г. сокровища ацтеков, а в 1537 г. – инков...

Во всей истории Великих открытий представляется наиболее удивительным, что даже те современные авторы, которые откровенно освещают подробности европейской экспансии, считают долгом сделать реверанс «заслугам» и «героизму» испанских и португальских «первооткрывателей». Вот и спрашивается: в чем же, собственно, они выражались? Если вору вздумалось обокрасть богатую квартиру, но для этого пришлось с огромным риском карабкаться на десятый этаж и драться с хозяевами, можно ли сей подвиг ставить ему в заслугу и считать героическим? Получается – можно... А в результате из Америки, Азии и Африки хлынули такие потоки богатств, что и не снились прежней Европе. И как раз они-то создали финансовые излишки, обеспечившие дальнейший расцвет эпохи Возрождения. И образовали фундамент всей нынешней западной цивилизации.

Становление русской цивилизации шло иным путем. Если материальные богатства, накопленные Византией, утекли на Запад, то Москва унаследовала ее главное духовное богатство – православие. В период, которого мы коснулись в этой главе, на Руси воссияла слава св. Сергия Радонежского и отзвенели мечи Куликовской битвы. При Василии I великое княжение Владимирское стало наследственным достоянием московских князей, под их власть перешли Нижегородские и Суздальские земли. При Василии II Темном прокатилась по стране междоусобица с Шемякой. А при Иване III Русь сбросила остатки зависимости от ордынских ханов и превратилась в мощное централизованное государство, вобравшее в себя Новгород, Тверь, Пермь, Вятку. При Василии III умы волновал спор между «иосифлянами» и «несвяжателями», были присоединены Псков, Рязань, Смоленск, Чернигов. Как Ивану III, так и Василию III папы римские предлагали королевские короны в обмен на переход в като-

личество, а германские императоры – в обмен на военный союз. Но перспективы войти в описанное выше «европейское сообщество» русских совершенно не соблазнили.

Европа раскалывается

Чтобы понять расклад политических сил, сложившийся в Европе, нужно еще коснуться таких явлений, как Реформация и Контрреформация. В начале XVI в. турецкие завоевания и португальские «открытия» вызвали смещение торговых путей, что подорвало итальянский транзит в Средиземноморье. Но крупные банкиры смогли пережить этот кризис, оперируя ранее накопленными богатствами. Первенствовали в данном отношении флорентийцы – семейства Медичи, Сакетти, Барберини. Их состояния сколачивались разными путями. Скажем, основатель дома Медичи Козимо ограбил папу Иоанна XXIII, в миру известного как пират Бальтазар Косса. Когда над ним сгустились тучи, он передал богатства на хранение Козимо, а когда папу низложили, тот их не вернул. Зато сына Козимо флорентийцы уже звали «отцом отечества». Эти банкирские дома распространили влияние на всю Европу, их должниками было большинство монархов. Финансисты захватили и такую «кормушку», как «святой престол», из их семей выходили теперь кардиналы, епископы, папы. И, несмотря на упадок хозяйства Италии, расцвет ее культуры продолжался. Папы Лев X Медичи, Климент VII Медичи окружали себя роскошью, привлекали скульпторов и художников.

Но в религиозной сфере подобный расцвет сказался катастрофически. Допустим, как относиться к изображениям святых, если моделями для них становились проститутки и чьи-то содержанки? При Александре VI ряд святых был написан с Лукреции Борджиа и Розы Ваноцци, с ее лицом была нарисована Мадонна в базилике Св. Петра в Риме. Рафаэль при росписях Ватикана изобразил самую дорогую куртизанку Империю, подружку нескольких кардиналов. А знаменитую «Сикстинскую мадонну», как и еще десятка два мадонн и святых, писал с Маргариты Луги, более известной по кличке Форнарина, которая славилась крайним беспутством, а самого Рафаэля свела в могилу гипертрофированной похотью. Там, где сюжеты Священного Писания оказывались слишком скромными для заказчиков, на выручку приходила антика. Кстати, восхищаясь сейчас в музеях шедеврами Возрождения, мы забываем, что в свое время львиная доля этих картин и статуй выполняла функции... вульгарной порнографии. Разве что не массового, а индивидуального производства. Вельможу, покупающего картины, интересовали в первую очередь телесные прелести «венер» и «аполлонов», а мастерство художника ценилось лишь тем, чтобы прелести получше получились.

В высших слоях общества устои веры разрушались, какая уж тут вера? Кардинал Белларmino философски шутил – мол, поскольку среди пап встречается немало злодеев, то сам факт существования католической церкви есть чудо. Веру оставляли в удел «темному» простонародью. А ее вакантное место стал заполнять культ разума. Как раз с этим связано появление мыслителей-«гуманистов», начавших подменять христианские ценности системой эгоцентризма. Вместо «схоластики» – цитирования и комментирования принятых на веру церковных трудов прошлого – приоритет отдавался собственным логическим построениям. Субъективным, но «изящным». И оправдывающим стройными доказательствами образ жизни знати.

Но для подобного образа жизни Риму требовались и огромные средства – их приток от средиземноморской торговли иссяк, а банкиры опустошать свои кошельки не стремились. И изыскивались другие источники. В связи со строительством собора Св. Петра по Европе потекли продавцы индульгенций. Изначальный их смысл – после покаяния грешника заметить ему епитимью уплатой определенной суммы. Но теперь индульгенции стали продавать как товар, отпускающий все грехи, прошлые и будущие. Утверждалось, будто «папа волен затворять двери ада и отворять двери в рай». В «Книге податей Римского двора» была даже установлена специальная «такса святого престола» на любой грех. Так, отпущение священ-

нослужителю за распутство, «будь то с монахинями внутри или вне стен его монастыря или же с родственниками и ближними или же с девицами», стоило 36 турнуа и 9 дукатов. А если еще требовалось отпущение «за извращение и за прегрешение против естества», то вдвое больше.

Неудивительно, что люди стали возмущаться. И в 1517 г. профессор богословия Виттенбергского университета Мартин Лютер огласил свои «95 тезисов», выступая против индульгенций, коррупции и разложения в церкви. Сперва он вовсе не думал о расколе, но получил огромную поддержку населения. И когда папа отлучил его, а император объявил вне закона, он уже счел себя в силе принять вызов, разработав собственное учение. Лютер был человеком с «комплексами», давно переживал, что не может достичь праведности. И пришел вдруг к выводу, что Христос уже спас всех христиан своим пришествием. И спасены будут все, верующие в Него, независимо от их земных дел. Откуда вытекало следствие, что не нужны сама церковная организация, священство, монастыри. Это очень заинтересовало германских купцов, увидевших возможность не отстегивать десятину в церковный карман, а еще больше – нищих князей, косящихся на церковные богатства и земли. И, когда Шпейерский рейхстаг под председательством императора проголосовал за нетерпимое отношение к лютеранству, 6 князей и 14 городов подписали протест, откуда и пошел термин «протестанты».

Первые плоды Реформации стали кошмарными. Толпы лютеран грабили монастыри, храмы, изгоняя и убивая священников. Уничтожались статуи, иконы, картины. Учение, что все люди уже спасены Христом, а значит, все можно, обернулось разгулом насилия и разбоя. А раз Лютер встал на путь логического домисливания религии, нашлись и люди, продолжившие это домисливание. Стали плодиться секты вплоть до анабаптистов, пытавшихся строить «царство Божие» по своему разумению и отвергавших любую власть – если не нужна церковная, то светская и подавно. На таких обрушились и католики, и лютеране, и в Германии разразились крестьянские войны. Сектантов истребляли поголовно. В Цюберне единовременно казнили 18 тыс. А герцог Вильгельм Баварский строил пленных анабаптистов и давал выбор: «Кто отречется, будет обезглавлен, кто не отречется, будет сожжен».

Главным защитником католицизма был Карл Габсбург. Внук императора Максимилиана I, он в результате хитросплетений династических браков в 1516 г. стал королем Испании Карлом I, а через три года унаследовал и трон деда под именем Карла V. Германская империя объединилась с Испанией. Возникло государство, над которым «не заходит солнце». Казалось бы, для такого монарха раздавить реформатов не составляло труда. Но не тут-то было! В это же время Карлу пришлось воевать еще и с турками, развернувшими наступление на Центральную Европу, с французами и... с папой римским.

Потому что для соединения разных частей своей «всемирной империи» Карлу представлялось удобным подчинить Италию. Но на нее и накопленные итальянцами богатства раскатала губу и Франция. А папа, любивший житейские удовольствия, предпочел союз с ней суровым испанцам. Дрались круто. Папа Климент VII в отместку происпанскому семейству Колонна стер с лица земли 14 их селений, вырезав всех жителей вплоть до младенцев. А Карл двинул свою армию, которая в 1527 г. взяла Рим, грабила и потрошила его 9 месяцев, пока оккупантов не выгнали волна венерических болезней и чума от массы разлагающихся трупов – из 200 тыс. жителей в Риме уцелели 50 тыс. Но перелома в войне это не принесло. Французы в 1535 г. заключили против Габсбургов союз с Турцией, получив взамен право беспошлинной торговли на Востоке. Немецкие же князья-протестанты помогать императору отказывались, утверждая, что «паписты хуже турок».

Тем временем в Европе возникали новые центры Реформации. Если Лютер отвергал все, что, по его мнению, противоречило Священному Писанию, то в Швейцарии Цвингли создал еще более радикальное учение, принимая только то, что прямо подтверждается Писа-

нием. Развил его теории Жак Кальвин. Он утвердил идею предопределения. Дескать, одни люди заведомо предназначены Богом к спасению, а другие заведомо осуждены. А отличить «избранных» очень просто – одни богатеют, другие нищенствуют. Материальное богатство и было признано критерием любви Господа к тому или иному человеку. А долг «неизбранной» черни – повиноваться «избранным». Утверждалось, что, если человек имел возможность урвать деньги и упустил ее, это тяжкий грех, он отверг дар Бога. А тратиться на пустяки и развлечения – разбазаривание дара Бога. Поэтому из жизни изгонялось все «лишнее»: искусство, музыка, танцы. Кальвин учил, что надо предавать смерти даже ребенка, если в нем «говорит дьявол» – дух непослушания, веселости, легкомыслия. Вместо церкви был учрежден «национальный синод» – консистория пасторов, имевших право в любое время дня и ночи зайти в каждый дом, отслеживая «праведность» жизни.

Кальвинизм интересен еще и тем, что стал родоначальником современного либерализма, породив теорию «общественного договора» между властью и народом. Ссылаясь на библейские тексты об избрании царей Израилевых по воле Бога, кальвинисты приходили к выводу, что раз основатели династий были избраны народом, то и являются они всего лишь слугами народа. И обязаны править в рамках изначального «договора», охраняя права и вольности «общества». Иначе они – тираны, и их свержение или убийство не только допускается, но и становится обязанностью подданных. Но только «народ» подразумевался отнюдь не буквально. Имелись в виду лишь «избранные». Французский теоретик кальвинизма Юний Брут прямо указывал: «Когда мы говорим о народе, то подразумеваем под этим словом не весь народ, а лишь его представителей – герцогов, принцев, оптиматов, нобилей и вообще всех деятелей на государственном поприще». И как раз эти «представители» должны были оценивать действия властей и диктовать им свою волю. Словом, кальвинизм стал идеологией олигархии – аристократической или купеческой (точно так же, как нынешний либерализм – идеология промышленной и финансовой олигархии).

Центром Реформации стала и Англия, хотя ее реформы не имели ничего общего с протестантскими идеями. Просто король Генрих VIII был весьма женолюбивым. И решил жениться на придворной даме Анне Болейн, для чего требовалось развестись с надоевшей ему Екатериной Арагонской. А она была родственницей Карла V, от которого папа только что получил трепку. И разрешения на развод не дал. Генрих обиделся, и по его приказу в 1532 г. парламент принял закон, предписывающий духовенству не предпринимать ничего неугодного королю. Папа отлучил Генриха от церкви. А британский парламент в ответ провозгласил короля «единственным верховным земным главой церкви». Ну а как не проголосуешь, жить-то хочется! Канцлер Томас Мор и епископ Фишер пробовали возражать – и без голов остались. (Это было то, в чем нынче видят «многовековые традиции британской демократии».)

Правда, сам предлог конфликта вскоре исчез. Анна Болейн Генриху тоже надоела, и он ее казнил (конечно же, по единогласному приговору парламента). Но быть главой церкви оказалось удобно, теперь король уже, невзирая ни на кого, вступал в браки, разводился, отправлял отставных жен в заточение или на плаху. И англиканская церковь осталась самостоятельной, с католическим обрядом, но богослужением на родном языке и подчинением не папе, а королю. А впасть в более глубокие умствования Генрих своим подданным не позволял, приказывая вешать рядом католика и протестанта, одного как «паписта», другого как «еретика». И, чтобы вообще исключить поводы к вольнодумству, под страхом смерти запретил англичанам читать Библию.

Но после того, как император «вразумил» папу и объединил с ним усилия, стала набирать обороты Контрреформация. В 1541 г. была реорганизована инквизиция. В Риме угнездился ее верховный трибунал, комиссары рассылались в разные страны. Вводился запрет печатать любые сочинения без дозволения инквизиции. А в 1549 г. папа Павел III утвердил

Индекс запрещенных книг. Смертная казнь предусматривалась не только за их авторство, но и за издание, чтение, хранение, распространение. И за недоносительство об этом. Наряду с карательными мерами проводились профилактические. Был созван Тридентский собор, вскрывший недостатки церковной жизни и выработавший программу «лечения»: исправление нравов служителей, развитие католического просвещения, миссионерская деятельность, привлечение к пропаганде культуры и искусства.

Важным орудием Контрреформации стал орден иезуитов, основанный бывшим офицером Лойолой. Кроме традиционных монашеских обетов – безбрачия и нестяжания, иезуиты давали еще и обет беспрекословного послушания папе и руководству ордена. Разрешалось пребывание его членов в миру, они должны были распространять и отстаивать влияние католической церкви любыми путями. Готовились квалифицированные проповедники. Иезуиты не гнушались черной работы, служили примером самоотверженности в моменты бедствий, эпидемий. Они начали создавать сеть лучших по тому времени учебных заведений, да еще и бесплатных. Но особенностью ордена стало и то, что в своей деятельности он допускал столь несовместимый с христианством прием, как... ложь. Под лозунгом «цель оправдывает средства». Кстати, термин «Контрреформация» появился позже, а авторы этого процесса называли его Католическая Реформа. То есть она тоже стала разновидностью Реформации. И мы видим, что и впрямь воссоздавалась уже другая церковь, опирающаяся, как и протестанты, не на устои веры, а на силу разума. Но старающаяся делать это более умело и внедрять более искусные доказательства своей правоты.

Судьба Реформации в различных странах была разной. Лютеранство торжествовало в Германии и Скандинавии. Князья-протестанты, объединившись в Шмалькальденскую лигу, на уступки не шли, отвергали любые компромиссы, и в 1546 г. в Германии вспыхнула религиозная война. Протекала она с переменным успехом, и, выдохшись, стороны заключили в 1555 г. Аугсбургское соглашение, выражавшееся формулой «*cuius regio, ejus religio*» – «чья власть, того и вера». Какую религию исповедует князь или король, той пусть придерживаются и его подданные. Как нетрудно понять, от самого понятия «вера» в данном контексте уже мало что осталось. Она превратилась в понятие не столько духовное, сколько политическое.

Император Карл V в этой борьбе надорвался. Хотя французов из Италии он выгнал, захватил Сицилию, Сардинию, юг Апеннинского полуострова, Миланское герцогство, но в планах «всемирной империи» разочаровался, да и Испания бунтовала и возмущалась, поскольку все войны в Европе велись ее силами и за ее счет. В 1556 г. Карл отрекся от престола и ушел в монастырь, поделив владения. Корона императора досталась его брату Фердинанду, а сыну Филиппу II отошли Испания, Италия и «бургундское наследство» – Нидерланды, Фландрия, Артуа и Франш-Конте (восточная Бургундия). Так образовались две ветви Габсбургов – австрийская и испанская.

В Англии после смерти многоженца Генриха VIII королем стал его юный сын Эдуард VI, который под влиянием советников пошел на уступки протестантам. Но в 1553 г. он умер, и на престол оказалось 4 претендентки. Дочери Генриха от разных матерей – Мария, Елизавета и Джейн и внучка его сестры Мария Стюарт, королева Шотландии. Эдуард назначил преемницей 16-летнюю Джейн. Но более опытная 37-летняя Мария уже через несколько дней свергла сестренку и приказала обезглавить ее. Она была дочерью короля от Екатерины Арагонской и пыталась реставрировать католицизм, за 5 лет казнила 2 тыс. протестантов и оппозиционеров, заслужив прозвище Кровавой. Свою вторую сестру, Елизавету, тоже собиравалась казнить, и та, сидя в Тауэре, уже заказала себе платье с открытой шеей и репетировала, как ей поизящнее класть голову на плаху. Но осуществить это Мария не успела. Вспыхнул мятеж. Отправившись подавлять его, она скоропостижно скончалась. И удивлен-

ную Елизавету вместо эшафота возвели на трон. Где она, в противовес предшественнице, объявила себя покровительницей протестантов всей Европы.

Во Франции Реформация имела свою специфику. Здесь к гугенотам (кальвинистам) под флагом теорий «общественного договора» и защиты «исконных свобод» примкнуло много дворян и аристократов. А купцы и горожане, заинтересованные в обуздании дворянской анархии и укреплении королевской власти, составили массы католиков. По сути, пошла борьба не религиозных, а политических партий, сторонников децентрализации и централизации. В 1559 г. на турнире погиб король Генрих II, у власти оказалась его вдова, флорентийка Екатерина Медичи, со своими детьми – Франциском, Карлом, Генрихом, еще одним Франциском и Маргаритой. Екатерину очень трудно было назвать католичкой, она окружала себя магами и астрологами, вроде Гаурина, Дукале, Кардано, Джунктине, Нострадамуса, а ее любимого колдуна Риджиери официально обвинили в некромантии и человеческих жертвоприношениях, но королева сделала его аббатом монастыря Сен-Мар. А ее детишки в играх ездили по городу, нарядившись епископами и водя за собой шутовскую процессию в монашеских одеждах.

И католическую партию возглавил не инфантильный король Франциск II, а герцог Франсуа де Гиз и его родственник кардинал Лотарингский, которых Екатерина ненавидела, поскольку они были выдвигенцами фаворитки покойного мужа. С ослаблением центральной власти противостояние прорвалось наружу. Гугеноты попытались похитить короля в замке Амбуаз. Но об этом узнали, схватили несколько сот человек и без суда вешали, топили и рубили головы, на что, как пишут современники, «очень любила смотреть женская часть двора». Потом де Гиз со свитой напал на молельный дом гугенотов в Васси, перебив 74 человека. И понеслось... По всей стране католики принялись резать и грабить гугенотов, а гугеноты – католиков. Ожесточение было крайним. В Каркасоне с гугенотов заживо сдирали кожу, распиливали пополам, в Блуа и Турени католических священников секли до смерти, посыпая раны солью и поливая уксусом.

Испания в этот период продолжала покорение Америки. На юге одолела арауканов и подчинила Чили. На севере экспедиция Коронадо достигла пустынь Аризоны, подравшись с индейцами навахо и апачами. А на Юкатане испанцы обнаружили полтора десятка городов-государств майя, враждовавших между собой. Тем не менее покорить их удалось лишь после 30 лет борьбы. Провинциал ордена францисканцев Диего де Ланда описывал, как при подавлении восстаний европейцы «совершали неслыханные жестокости, отрубая носы, кисти рук и ног, груди у женщин, бросая их в глубокие лагуны с тыквами, привязанными к ногам, нанося удары шпагой детям, которые не шли также быстро, как их матери. Если те, которых вели на шейной цепи, ослабевали и не шли, как другие, им отрубали голову посреди других, чтобы не задерживаться, развязывая их». Но и сам де Ланда стал в истории Америки страшной фигурой. Возглавляя инквизицию и борясь с остатками язычества, он подверг нечеловеческим истязаниям свыше 6 тыс. мужчин и женщин, а в 1562 г. собрал по Юкатану и Гватемале все книги и рукописи майя, статуи, ритуальные предметы и устроил аутодафе – история и культура древней цивилизации сгорели в один день.

Из Америки испанская колонизация шагнула на Филиппины. И вскоре от здешней высокой культуры тоже не осталось следа. Китайских купцов и моряков изгнали, а большую китайскую колонию на о. Лусон вырезали, уничтожив 25 тыс. человек Новых успехов достигли и португальцы. Добивались своего разными методами: не мытьем, так катаньем. В Японии основали факторию в обмен на помощь в междоусобицах.

В Китае получили порт Макао за взятки чиновникам. В Эфиопии горцы-христиане воевали с равнинными мусульманами – португальцы помогли христианам победить, предоставив пушки. И внедрились. Султанаты Восточной Африки Мафик, Пемба, Момбаса, Аму целиком зависели от морской торговли и поэтому подчинились европейцам, центром их вла-

дений стала тут крепость Лоренцо-Маркес. В Конго царь Нзинга Мбеба попросил помощи, чтобы отбиться от соседей. Португальцы согласились – в обмен на крещение и признание вассалитета.

Что же касается «европейской культуры», то миссионер Франциск Ксавье, побывавший на Молуккских островах, писал, что знакомство туземцев с португальским языком ограничивается спряжением глагола «грабить», причем «местные жители проявляют огромную изобретательность, производя все новые слова от этого глагола». Действительно, из колоний выкачивались колоссальные суммы. За столетие в Европу было ввезено золота столько же, а серебра вдвое больше, чем накопилось там за все прошлые века. Хотя ни Мадриду, ни Лиссабону впрок это не пошло. В Испании приток драгметаллов породил чудовищную инфляцию, цены скакнули в 4–5 раз. Крестьяне, ремесленники, дворяне разорялись, а выигрывали торгаши. Но испанцы не были торгашами! Дворянству вообще запрещалось заниматься купеческими и иными промыслами. А торговля находилась в руках нидерландцев. Из учебников истории мы усвоили, будто Нидерландская революция свергла чужеземный гнет, установила капиталистические отношения, что и открыло возможности для процветания и обогащения страны. А факты показывают – ничего подобного! Всегда и во всех странах процесс шел наоборот. Сперва – обогащение купцов и олигархов, а уж потом они начинают рваться к власти, чтобы обеспечить себе дополнительные «свободы».

Нидерланды являлись самой густонаселенной областью Европы. На небольшом пространстве тут сгрудились 300 городов и 6,5 тыс. деревень с 2,5 млн. жителей. Место было важным перекрестком торговых путей – и по Рейну в глубь Германии, и морских – во Францию, Англию, на север. Города входили в Ганзу, вели торговлю с Прибалтикой и Россией. Развивались суконные, ткацкие, литейные мастерские. Но основное обогащение обеспечило нидерландцам включение в состав Испанской империи! Для них открылись запрещенные для других пути в Новый Свет. Нидерланды были «вотчиной» Карла V, он там вырос, окружал себя фламандскими советниками, обеспечивавшими льготы и выгоды землякам. В Америке сражались испанские солдаты, а награбленное ими перевозилось нидерландскими кораблями и утекало в руки нидерландских купцов. Их торговый флот вышел на первое место в мире. Португальцы торговать тоже не умели, все восточные товары у них считались монополией короля – и пряности оптом сбывались на биржу в Антверпен. Выручка опять доставалась нидерландцам.

О национальном гнете и вовсе не приходилось говорить: против испанцев ни разу не восставали ни Артуа, ни Франш-Конте – люди там жили не в пример лучше, чем в родной по языку Франции. Нидерландские провинции обладали внутренним самоуправлением, сами устанавливали законы и размеры налогов. Но настал момент, когда набравшие силу банкиры и купцы захотели «порулить». Кальвинистская теория «избранности» богатых здешним воротилам понравилась. И без налогов королю лучше бы совсем обойтись. А чернь, как и в Германии, заразилась анабаптизмом. В 1566 г. начались массовые беспорядки, было варварски разгромлено 5,5 тыс. церквей и монастырей. Причем наживались опять деляги, скупая по дешевке награбленные ценности.

Однако испанцы в вопросах религии шутить не любили. В Нидерландах была учреждена инквизиция, наместником туда назначили сурового полководца герцога Альбу. Показались казни – Альба вообще называл голландцев «недосожженными еретиками». В ответ полыхнуло восстание. Руководителем-штатгальтером протестанты избрали принца Вильгельма Нассауского, владельца княжества Оранж. Отряды «гезов» (оборванцев) Альба быстро разгромил, но «морских гезов» ликвидировать не удавалось, они базировались в Англии и на небольших судах совершали вылазки на материк. Филипп II попробовал действовать «пряником». Отозвал Альбу, упразднил инквизицию. Не помогло, восстание разлилось снова. Вильгельм Оранский заключил союз с Англией, пообещав ей Голландию и

Зеландию, и с Францией, пообещав ей Артуа и Фландрию. Правда, это напугало южные провинции. Не желая попасть под власть французских королей, они стали искать соглашения с испанцами. Но северные штаты, Голландия, Зеландия, Утрехт и Фрисландия, объединились в Утрехтскую унию и провозгласили суверенитет.

Во Франции в это время продолжалась резня. Религиозной принципиальностью лидеров и не пахло. Предводители гугенотов принц Конде, король Наварры Антуан Бурбон, Монморанси оказывались то в одном, то в другом лагере. Активно вмешивались иностранцы. Католиков финансировала Испания, гугенотов – Англия. Екатерина Медичи, изображаемая в литературе как некий «демон в юбке», на самом деле была недалекой и неумной бабенкой. Сама запутывалась в собственных интригах. Когда католики одерживали верх, вдруг заключала мир, абы досадить Гизам. Но протестанты от уступок нагтели, и война возобновлялась. Подрастали и весьма «своеобразные» детки Екатерины. Садист Карл любил вид крови, резал собак и душил птиц. Бисексуалы Генрих и Франциск рядились в дамские платья, окружали себя отрядами «миньонов» («милашек»). Маргарита, будущая «королева Марго», сперва стала любовницей братьев, потом принялась забавляться со всеми подряд вплоть до погонщиков мулов и придворных дам. Ввела в обычай, чтобы фрейлины целовали ей не руку, а грудь, а любимым ее приемом было пригласить человека как бы по делу, но он попадал в темную комнату, где горело сто свечей, а на простыни из черной тафты возлежала обнаженная Марго. Периодически мамаша и король Карл IX учили сумасбродку, избивая за запертými дверями.

У Екатерины возник проект восстановить мир в стране и одновременно уgomонить дочку, выдав ее за Генриха Бурбона, сына погибшего Наваррского короля. Но сама же королева-мать испугалась понаехавших на свадьбу протестантов, боялась их влияния на Карла IX – и метнулась к Гизам. Грянула Варфоломеевская ночь, когда в Париже только до полудня убили 2 тыс. человек, а потом по другим городам до 30 тыс. Филипп II Испанский в своем послании горячо приветствовал столь «энергичный способ, использованный для избавления от мятежных подданных», а папа Григорий XIII устроил в Риме иллюминацию, велел выбить памятную медаль и настаивал на полном истреблении оставшихся еретиков. Но гугеноты снова взялись за оружие...

В выигрыше была Англия. Гугеноты за помощь подарили ей Гавр. В аграрную отсталую страну эмигранты-протестанты принесли лучшие технологии: фламандцы – изготовления сукна, немцы – добычи руды и обработки металлов, французы – выделки шелковых и трикотажных изделий. Кстати, хотя правление Елизаветы принято считать «золотым веком» Англии, это была одна из самых жестоких правительниц. В религиозных вопросах ввела «Акт о единообразии», за переход из реформатства в католичество полагалась смертная казнь. Был принят закон, грозивший смертью всякому, «кто назовет королеву еретичкой» или будет приписывать ее права на корону «другому лицу». Это «лицо» тоже попало в ее руки – Мария Стюарт, бежавшая из Шотландии от мятежа подданных. Елизавета помуржила ее в заключении и казнила. Не только как претендентку на престол, но и из зависти – Мария была красивее ее. Казнь отпраздновали в Лондоне ликованием, с боем колоколов и потешными огнями, а королева на ближайшем рауте появилась в драгоценностях, снятых с мертвой соперницы.

При Елизавете достиг максимального размаха процесс «огораживания». Шерсть была выгодным экспортным товаром, и землевладельцы захватывали общинные пустоши, сгоняли арендаторов с земли, превращая ее в пастбища. Результатом стали массы нищих, и Елизавета ужесточила законы против бродяжничества. Безработный поступал в полное распоряжение любого, кто о нем донесет. Хозяин имел право наказывать работников плетью, за побег осуждали на пожизненное рабство и клеймили, выжигая на щеке «S» (раб). За второй побег – клеймо на вторую щеку. За третий вешали. Впрочем, беглый или уклоняющийся от

найма мог прокормиться только воровством, а за это вешали сразу. По всей Англии каждый базарный день публика собиралась поглазеть, как будут вздергивать очередную партию бродяг, воров и воровок. Всего же за время правления Елизаветы было казнено 90 тыс. человек.

При ней завершилось покорение Ирландии. Ее объявили собственностью британской короны уже давно, а ирландцев причислили к «дикарям», сгоняли с земель или отдавали в рабство англичанам. Но они не покорялись, и война там шла постоянно. Когда же лорд Эссекс, любовник Елизаветы, уверенный в своем могуществе, взял на себя инициативу заключить с ирландцами компромиссный мир, королева сняла его со всех постов, а потом и казнила. А наместником назначила Маунтджоя, который так «усмирил» Ирландию, что потом гордо докладывал: «Вашему величеству не над чем повелевать в этой стране, как только над трупами и кучами пепла».

Почему же ее век прославили как «золотой»? Потому что состоятельным гражданам (которые потом и прославили) она позволяла делать все что вздумается. Не вмешивалась в дела парламента. Смотрела сквозь пальцы на нарушения законов и указов против огораживания. Принудительно обязав трудиться всех людей от 20 до 60 лет, обеспечила приток дешевой рабочей силы для мануфактур. А антииспанская политика способствовала развитию пиратства. Главной базой «джентльменов удачи» стал Плимут. Здешние негоцианты были пайщиками пиратов и скупали награбленное. Склады были забиты ценнейшими товарами, а вблизи порта можно было дешево купить кольца, серьги, камзолы и дамские платья со следами крови. На пиратстве кормились сотни комиссионеров, хозяев кабаков и борделей. Процветала и торговля людьми. В Дувре был рынок, где продавали испанцев, за знатного идалго с возможностью получить выкуп платили до 100 фунтов. И если мелких воришек вешали за украденный носовой платок, то пиратов уважали, они получали дворянство и важные назначения. Дрейк, Хоукинс, Рэли считались «национальными героями». Среди пайщиков их предприятий была сама Елизавета, и в ее царствование пираты принесли стране доход в 12 млн. фунтов.

Португалия в данный период, раскидав самых энергичных людей по всему миру, надорвала свои силы. И в 1581 г., в период династического кризиса, Филипп II двинул армию Альбы на Лиссабон, прибрав соседнее государство к рукам. Испания стала единственной «мировой империей». Но сладить с Голландией ей не удавалось. Там, правда, от руки иезуитского наемного убийцы пал Вильгельм Оранский. Однако нидерландцы избрали штатгальтером Морица Оранского, совершившего революцию в военном деле. Чтобы ополчение из горожан и крестьян могло противостоять профессиональной рыцарской коннице и наемникам, он половину пехоты вооружил мушкетами, половину – длинными пиками. Выставленные впереди строя переносные рогатки и копья пикинеров не давали врагу врубиться в ряды, а под их прикрытием мушкетеры вели огонь, построившись в 5–8 шеренг. Шеренга давала залп и отходила назад для перезарядки. Оранский разделил войско на роты по 150–200 человек, 10 рот сводились в полк – что позволяло легко манипулировать подразделениями. А чтобы солдаты при этом не нарушили строй, их стали учить ходить в ногу. Ополченская конница тоже не могла на равных драться с дворянами – и Оранский создал легкую кавалерию. Вместо полного комплекта лат она носила лишь шлемы и кирасы, а вместо копий и мечей каждый имел пару пистолетов и палаши. Такое войско стало одерживать победы.

Наконец испанцы пришли к выводу, что без пресечения английской помощи повстанцев не раздавить, да и безобразия пиратов их достали. И Филипп II в 1588 г. объявил войну Британии. Сформировал огромный флот – Непобедимую армаду. Она должна была взять в Дюнкерке десант и произвести высадку в Англии. Но основой британского флота стали те же пираты. Маневренные отряды их легких судов начали клевать армаду непрерывными наскоками, нанесли ей большие потери, не пустили в Дюнкерк и оттеснили в Северное море.

Обратно через Ла-Манш испанцы прорываться не рискнули, решили вернуться в обход, и буря у берегов Шотландии довершила катастрофу.

А во Франции творилось нечто несусветное. Все прежние лидеры погибли. Гугенотов возглавил Генрих Бурбон. Потом сбежал от брата-короля Генриха III и матушки Екатерины принц Франциск, перейдя к протестантам, – ему захотелось занять трон. Потом из Парижа сбежала Марго, сперва к мужу, а затем выступила предводительницей самостоятельной армии. И Екатерина Медичи с королем пошли на мир с Бурбоном, чтобы разгромить и отловить эту доставшую всех особу. Между тем подданным надоело, что их король отплясывает в костюме амазонки на «балах нимф» и «маскарадах гермафродитов», и они создали Католическую Лигу, ориентирующуюся на Испанию и Генриха де Гиза. В волнениях и передрагах умерли принц Франциск, Екатерина Медичи, а Гиза король пригласил в гости и убил. Возмущенный Париж восстал. Генрих III удрал и объединился с Генрихом Бурбоном, но при осаде столицы его пырнул ножом фанатичный монах, оборвав династию Валуа.

Религиозные войны продолжались 30 лет, доведя Францию до полного хаоса. В стране действовали 5 или 6 правительств, воевал на ее территории уже не пойми кто. В Париже и других городах по приглашению католиков угнездились испанские гарнизоны, на стороне Лиги сражались лотарингские наемники, на стороне гугенотов – немецкие. Те и другие грабили и истребляли всех подряд без различия веры. Хозяйство было совершенно разрушено, и тех, кого не вырезали, косил голод. Но всеобщее бедствие и бесчинства чужеземцев привели к тому, что народ начал спланиваться вокруг ближайшего наследника погибшей династии, Генриха Бурбона. В 1593 г. он устранил главное препятствие к своему признанию. Произнес сакраментальное «Париж стоит мессы», очередной раз перекинулся в католицизм и стал королем Генрихом IV. А гугенотов удовлетворил Нантским эдиктом. Протестанты не только получили свободу богослужения, а еще и стали «государством в государстве» – им отдавалось 200 крепостей, дозволялось иметь самоуправление и свою армию.

Контрреформация аукнулась и в странах, вообще не имевших отношения к католицизму. Иезуитский орден считал, что, раз папа потерял множество паствы в Европе, надо дать ему новую, и чем больше, тем лучше. Проекты доходили до власти над всем миром. Территорию земли поделили на «провинции», объединявшиеся в более крупные «ассистенции». А их руководители-ассистенты подчинялись генералу ордена. И один из генералов хвастал в своем римском кабинете: «Из этой комнаты я управляю Парижем, не только Парижем, но и Китаем, не только Китаем, но и всем миром, и никто не знает, как это делается». А делалось это так: в католических «провинциях» иезуиты старались попасть в духовники к королям и вельможам, влияя на политику, в протестантских выступали шпионами, а в Азии и Африке становились миссионерами.

Многие погибали, другие добивались «успехов». Скажем, очень энергичный миссионер Ксавье за 10 лет проехал 52 страны и окрестил... около миллиона «язычников». Хотя не знал их языков, а они, конечно, не понимали латынь. В общем, пришел «белый человек», что-то там поколдовал и дальше пошел. Из Японии иезуитов выгнал правитель Хидэеси, поняв, что дело это не религиозное, а политическое. Но в Китае миссионер Маттео Риччи, обнаружив, что христианское учение несколько не интересует китайцев, сумел внедрить своих собратьев хитростью. Изучил язык, культуру и прикинулся поклонником Конфуция. Предложил организовать техническую помощь – научить европейским методам литья пушек и другим знаниям. И в Китай стали слать иезуитов-специалистов: механиков, математиков, астрономов, которых и принимали там сугубо как специалистов. Ну а «элементы проповеди» иезуиты якобы вплетали в профессиональные инструкции и беседы, о чем гордо рапортовали.

Еще дальше зашло в Индии, где иезуит Нобили обрелся наголо, стал одеваться и питаться, как брамины, постиг их учение. И они признали в нем «обладателя девяноста

шести совершенств истинного мудреца», он стал «своим», стараясь втиснуть начала христианства в проповеди классического индуизма. За ним последовала целая плеяда иезуитов, становившихся браминами и факирами. А их миссионерство сводилось к тому, что к идолам, коим они звали народ поклониться, приделывался малозаметный крестик. Но опять в Рим шли рапорта о потрясающих успехах...

Россия и Европа

Ближайшими европейскими соседями средневековой Руси были страны Скандинавии, Ливонский орден, Речь Посполитая и казачьи области. После того как древнее Киевское государство распалось и было добито татарами, «собрание» его земель пошло из нескольких центров. Два русских лидера, Александр Невский и Даниил Галицкий, выбрали разную политику. Александр подчинился Орде и при ее содействии отбил католический натиск на Западе. А Даниил решил опереться на помощь Запада против Орды, принял от папы королевскую корону, однако никакой поддержки не получил, был разгромлен татарами, а в XIV в. надорвавшую силу Червонную Русь – Галицию и Волынь – легко захватила Польша. Третьим «центром кристаллизации» стала Литва. Многие русские князья, чтобы защититься от татар, присоединялись к ней добровольно. И в то время как Иван Калита и его наследники приращивали свои владения отдельными городами, владения Гедиминовичей увеличивались стремительно, вбирая целые области, – в составе Литвы оказались Белоруссия, Подолье, Киевщина, Черниговщина, Смоленщина. Это великое княжество именовало себя Литовским и Русским, литовцы переняли более высокую культуру Киевской Руси, православное вероисповедание, государственным языком тоже стал русский.

В 1386 г. в результате брака князя Ягелло на польской наследнице Ядвиге Литва и Польша объединились в личной унии. В 1410 г., после разгрома тевтонских рыцарей, под власть польских королей попала и Пруссия. Возникла обширная и могущественная Речь Посполитая. А в ходе подавления гуситского движения принцам из рода Ягеллонов достались и короны Чехии и Венгрии. В Скандинавии в данный период тоже образовалось одно большое государство: в 1397 г. по Кальмарской унии под властью королей Дании объединились Швеция, Норвегия, Финляндия, Исландия, хотя шведская знать воспринимала подчинение болезненно и периодически проявляла сепаратистские тенденции. А Ливонский орден к концу XIV в. утратил былую агрессивность, рыцари превратились в хозяев-землевладельцев, а города вошли в состав купеческой Ганзы.

Вопреки укоренившимся представлениям, Россия никогда не была отделена от Европы непроницаемой стеной. «Фрязины» из причерноморских генуэзских колоний установили связи с Москвой еще при Иване Калите, регулярно бывали не только в столице, но даже на Печоре. А русские купцы-суроужцы, в свою очередь, ездили в генуэзские города, имели свое подворье в Константинополе. Через Новгород действовал канал торговли с Германией. При Василии II Темном в Москву стали приезжать и венецианцы, а Рим попытался подчинить Россию Флорентийской унии. Однако о разложении католицизма русским было известно, и великий князь присланного ему униатского митрополита Исидора арестовал (впрочем, не знал, что делать с таким заключенным, и устроил ему побег обратно за границу).

Издrevле было развито мореходство на Белом море. Поморы строили суда-кочи, по размерам не уступавшие каравеллам, но хорошо приспособленные для плаваний в полярных условиях. С X–XII вв. ходили на Новую Землю, не позже XV в. стали регулярно посещать Шпицберген, огибали мыс Нордкап и торговали с норвежцами и шведами, а в 1480 г. достигли Англии и с той поры бывали там неоднократно. Но отношения с Речью Посполитой вылились в многовековое противостояние, и борьба двух государств занимает не только в истории Восточной Европы, но и в мировой не менее важное место, чем борьба за Средиземноморье Рима и Карфагена. На Москву одна за другой накатывались опустошительные войны «литовщины». И исход этой борьбы в XV в. выглядел очевидным: огромная польско-литовская держава и крошечная московская, граница проходила уже за Можайском. В сторону Литвы все больше косились Тверь, Рязань, готов был передаться ей Новгород вме-

сте с обширным Севером. А развалившаяся Орда была не способна оказать помощь московским вассалам...

Правда, между двумя славянскими державами существовали две «большие разницы». Москва пошла по пути централизации власти, а Речь Посполитая – децентрализации, строго сохраняя «вольности» знати. Каждый пан становился самостоятельным князьком в своих владениях, что вело к дрязгам и междоусобицам. Второе – Русь была центром православия, а Польша стала оплотом католичества. В зависимости от «политического момента» притеснения православных подданных то усиливались, то затихали, но окончательно не прекращались никогда. И, используя эти факторы, Иван III впервые смог подвинуть границу на запад, отобрав у Литвы Вязьму и еще 20 городов.

После падения Византии и женитьбы великого князя на Софье Палеолог в российский герб был включен двуглавый орел, Москва стала считаться Третьим Римом, а Иван принял титул царя. В страну понаехало много специалистов из разгромленной Греции. Охотно ехали итальянские мастера – как уже отмечалось, жизнь в Италии была слишком нестабильной и опасной. Были установлены дипломатические отношения с Римом, Миланским герцогством, заключен оборонительный союз с императором Фридрихом III. Иван III предпринял и первую войну за выход в Балтику. Дело в том, что Новгород хотя и являлся членом Ганзы, но неполноценным. Как вы, вероятно, уже успели заметить, европейские купцы той эпохи отнюдь не склонны были допускать свободной конкуренции, всегда стремясь только к монополии. И, посещая нашу страну, русских на собственные рынки не допускали. Сохранились многочисленные жалобы на убийства и ограбления новгородских купцов, рискнувших отправиться на Запад, а их товары потом открыто продавались в Любеке.

Сперва Иван основал Ивангород, предполагавшийся как город-порт в противовес немецкой Нарве. Не тут-то было. Конкуренты грабили и топили русские суда, купцов в Ревеле (Таллине) сжигали и варили в котлах. Тогда Иван изгнал ганзейцев из Новгорода и начал войну, заключив союз с Данией, тоже недовольной засильем Ганзы на Балтике, – это была первая война России в коалиции с западной державой. А союзницей Ганзы стала Швеция, очередной раз отпавшая от Дании. В ходе боевых действий русские атаковали Финляндию, эскадра поморских кораблей под командованием князей Ушатых обогнула Кольский полуостров, захватила три шведских судна и высадила десант, приведший «под государеву руку» Лапландию. Шведы в ответ разгромили Ивангород. Борьба кончилась «вничью», поскольку Швеция сочла за лучшее покориться датскому королю, и он вышел из войны. Но в итоге установились регулярные отношения с Данией, русские стали торговать в Скандинавии, а в Москве иностранцы отмечали немецких, скандинавских, польских, венгерских купцов.

При Василии III стали привлекать и иноземных военных специалистов, в столице возникла Немецкая слобода, носившая характерное название «Налейки» – в то время европейцы пили куда круче, чем русские. Василий продолжил успешные войны с поляками, отобрав у них Смоленск, Чернигов, Северскую землю. Расширялись дипломатические контакты с германским императором, папой. Хотя в Риме их воспринимали весьма однобоко, и, например, вежливые послания Василия к Клименту VII поняли так, будто царь уже признает над собой власть римского первосвященника.

Конечно, русские порядки и обычаи отличались от западных. Но надо помнить, что в то время до «унификации» Европы было далеко, и остальные государства тоже были не похожи друг на друга. В той же Ливонии яркой спецификой являлось резкое национальное неравенство. Господствующей нацией были немцы, а эстонцев и латышей не принимали ни в цехи ремесленников, ни в торговые гильдии. Всей землей владели тоже немцы, и крепостное право было самым жестоким в Европе. В 1518 г. здешние правители и юристы провели кодификацию законодательства, взяв за основу римское право. Но при этом пошли по

пути прямых аналогий и крестьян приравняли... к римским рабам. Прибалтика стала единственным регионом Европы, где широко практиковалась розничная торговля крестьянами – цена человека составляла 40–70 марок, за специалиста или красивую девушку платили 100. Хозяин обладал неограниченной юрисдикцией над крестьянами вплоть до «права первой ночи» и смертной казни. Так, за кражу улья в первый раз полагались розги, во второй – отсечение головы.

Швеция в 1523 г. все же отделилась от Дании, и в Скандинавии стало две державы: Дания, включавшая Норвегию, и Швеция, включавшая Финляндию. Обе страны стали непримиримыми соперницами. Обе были вовлечены в Реформацию, приняв лютеранство, и благодаря этому усилились, поскольку к государству перешли церковные богатства и земли (а они составляли 35 % обрабатываемых территорий). Обе привлекали специалистов-эмигрантов из Нидерландов и Германии, предоставляя им освобождение от налогов и прочие льготы, что способствовало возникновению промышленности. Но мануфактуры тут были не частными, а королевскими – в основном работали на армию. Воспользовавшись ослаблением немцев в религиозных войнах, датчане победили Ганзу, она покатила к упадку. А Швеция была богата природными ресурсами, усиленно развивала горное дело и металлургию, вышла на первое место в Европе по производству и экспорту железа и меди. Хотя это вызвало перекося в экономике. Дефицитом здесь были, к примеру, ткани. В итоге наживались голландцы, поставляя их в Швецию и скупая металл.

Датские и шведские крестьяне считались лично свободными, но трудились на государственной или дворянской земле. К тому же в Дании, как и в Англии, развернулся процесс «огораживания», и за вторую половину XVI в. доля крестьян-собственников уменьшилась с 20 до 6 %. Норвегия и Финляндия в составе этих государств формально считались равноправными частями, на деле занимая «второсортное» положение. Государственными языками были языки метрополий, в администрацию назначались, соответственно, датчане или шведы. И финнам под шведами жилось много хуже, чем норвежцам под датчанами. Налоги были выше, а вдобавок финны были не только подданными, но и зависимыми от короля людьми, наподобие государственных крепостных. Они служили основным источником рекрутских наборов. Многие бежали, и как раз финны вместе со швейцарцами и шотландцами составляли в Европе большую долю бродячих солдат-наемников.

А спецификой Речи Посполитой были ее «свободы». Здесь, собственно, реализовалось то, за что ратовали французские поборники теорий «общественного договора», – всевластие знати. Короли утратили собственность на львиную долю земель, прикармливая аристократов наградами. Не имели ни реальной силы, ни денег, ни своей армии и вынуждены были идти на поводу у знати и поддакивать решениям сейма, где заседали те же аристократы, ограничивая власть монархов и вынося постановления, выгодные им самим. Герберштейн, посетивший Польшу в 1520-х гг., констатировал: «Они не только пользуются неумеренной свободой, но и злоупотребляют ею».

Как и в теориях «общественного договора», свобода отнюдь не касалась основной массы населения. Историки, часто цитирующие язвительную критику шляхты насчет «рабских» порядков в России, обычно не приводят или искажают ответы русских. А отвечали всегда одно: таких «свобод», как у вас, нам и даром не надо. Польская «демократия» вылилась в абсолютный беспредел знати. У нас почему-то принято писать только о «монголо-татарском иге», молчаливо подразумевая, будто русским землям, попавшим под власть культурных западных соседей, больше повезло. Но вот как описывает порядки в Литве Герберштейн: «Народ жалок и угнетен тяжелым рабством. Ибо если кто в сопровождении слуг входит в жилище какого-нибудь поселянина, то ему можно безнаказанно творить что угодно, грабить и забирать необходимые для житейского употребления вещи и даже жестоко побить поселянина... Со времен Витовта вплоть до наших дней они пребывают в настолько суровом раб-

стве, что если кто будет случайно осужден на смерть, то он обязан по приказу господина казнить сам себя и собственноручно себя повесить. Если же он случайно откажется исполнить это, то его жестоко высекут, бесчеловечно истерзают и тем не менее повесят... Если судья или назначенный для разбора дела начальник пригрозит виновному в случае его замедления или только скажет ему: «Спеши, господин гневается», несчастный, опасаясь жесточайших ударов, оканчивает жизнь петлею».

В 1566 г. был принят Статут, согласно коему право владеть землей признавалось только за шляхтой. Простолюдины, как крепостные, так и свободные, могли иметь лишь движимое имущество, а землю должны были арендовать у землевладельца. При этом попадая под его полную административную и юридическую власть – любой шляхтич обладал правом суда и расправы в своих имениях. Но вдобавок господину требовались средства для «шляхетского» образа жизни, балов, пиров, охот. И подати были огромными. Крестьянин каждый год отдавал 10 % – не от дохода, а от всего имущества. Плюс еще другие поборы – очковое (с ульев), рогатое (со скота), ставщина (за ловлю рыбы), спасное (за выпас скота), желудное (за сбор желудей), сухомельщина (за помол), дудок (при рождении ребенка), поемщизна (при заключении брака).

Иезуит Скарга возмущался: «Нет государства, где бы подданные и земледельцы были так угнетены, как у нас, под беспредельной властью шляхты. Разгневанный владелец или королевский староста не только отнимает у бедного хлопа все, что у него есть, но и самого убьет, когда захочет и как захочет, и за то ни от кого дурного слова не потерпит». В 1569 г. была заключена Люблинская уния, по которой Литва утратила прежнюю автономию. Речь Посполитая превратилась в единый организм уже не только с одним королем, но и с одним сеймом, общими финансами. Только главнокомандующих осталось два – коронный гетман и литовский гетман. Причем южнорусские области – Киевщина, Брацлавщина, Подолия, Волынь – перешли из-под литовской юрисдикции под непосредственное управление Польши. Хотя на бумаге при этом гарантировалось сохранение прежнего языка, веры и обычаев, но бумага в Польше ничего не значила, паны были фактически неподсудны.

Особо стоит коснуться казачьих областей, долгое время сохранявших независимость. Этническое ядро казаков составило древнее оседлое население Подонья и Поднепровья. На Дону, возможно, это были крещеные хазары. На Днепре киевские князья селили союзных торков и берендеев. Вероятно, смешивались с ними и касоги (кашаки) – черкесы, населявшие в свое время Кубань и русскую Тмутаракань в Приазовье. Все это предположительно основывалось на созвучии «казаки – кашаки» или на том, что русские источники порой называют казаков «козары», а слово «черкасы» относили как к ним, так и к черкесам. Но во всяком случае археология прослеживает непрерывно оседлые поселения на Дону с VII–IX вв., а в XIII в. персидский географ Гудад ал Алэм называет Приазовье «Землей Касак». В древние времена казаки приняли православие, успели «обрусеть». Жили по своим законам и обычаям. Высшим органом власти был общий круг, вся администрация была выборной – атаманы (в Поднепровье гетманы), есаулы, писари. Кража, убийство, предательство карались смертью. Путешественники отмечали значительную свободу женщин, чистоту жилищ, опрятность, почтение к старшим. И высочайшие боевые качества. Оружием учились владеть с детства. Для казака было вполне обычным попасть пулей в монету, которую другой держал между пальцами поднятой руки.

Утверждение, будто казачество пополнялось за счет беглых крестьян, верно лишь наполовину. В России крепостного права еще не существовало, крестьяне могли свободно уйти куда хочешь в Юрьев день. А на юге, в условиях постоянной опасности со стороны степняков, крестьянам было делать нечего – они если и перебирались на «вольные» земли, то на восток, в Поволжье. На Дону, по старинному закону, земледелием вообще запрещалось заниматься под страхом смерти. Потому что, привязавшись к земле, хозяйство стало

бы легко уязвимым для кочевников. И донские казаки пополнялись в основном беглецами из татарского плена или добровольцами, но принимали далеко не всех, а только по решению круга, для чего требовалось пожить на Дону, проявить и зарекомендовать себя.

На Днепре обстояло иначе. По сравнению с панским произволом татарская опасность меркла, сюда вовсю бежали крестьяне из внутренних районов Речи Посполитой, многие «оказачивались», другие селились и хозяйствовали под защитой казацких сабель. И прием в казаки тут был куда более широким – принимали всех желающих вплоть до «ляхов» и татар, если человек принимал православие и обещал биться с «басурманами». Кавалеристами тогдашние казаки не были. Воевали пешими и на лодках, совершая постоянные набеги на турок и татар. Обычно каждый казак брал в поход по 2 ружья, с одного борта вели беглый огонь по неприятелю, а сидевшие с другого борта перезаряжали оружие. При войне на суше казаки славились мастерством быстро возводить «острожки», ставить «гуляй-городки» и из-под прикрытия укреплений точно так же поражали врага сильным огнем.

Донцы жили в городках (станицами в то время назывались отряды, а не населенные пункты) – столицей казачества был городок Раздоры (ныне Раздорская). Промышляли скотоводством, охотой, рыбной ловлей. А при нападениях врага имели возможность укрыться в густых придонских зарослях. Центрами днепровских казаков стали Черкасск, Канев, Чигирин, а главной базой – Запорожская Сечь в лабиринте днепровских островов и плавней. Говорили: «Велький Луг – батько, а Сичь – маты, там треба житы, там треба и вмираты». Здесь установились порядки «лыцарского братства». Жили в общих кошах-казармах, женщины в Сечь не допускались, и за блуд били киями. Поэтому даже жены казаков жили в других селениях. Видать, по этой причине и пили здесь круче, чем на Дону, – пропить все до нитки считалось особой удачей. Впрочем, в походах под страхом смерти устанавливался «сухой закон».

Первыми казаков стали использовать поляки. Децентрализация и отсутствие средств не позволяли королям для защиты от татар возводить пограничные укрепления и прикрывать их дежурными войсками, как это делала Москва. И в 1506 г. магнат русского происхождения Ляндскоронский организовал для этого отряды казаков, приняв звание их гетмана. Вскоре за успехи в войне с турками Сигизмунд I даровал казачеству «вольность и землю выше и ниже порогов по обеим сторонам Днепра». Потому что никому из дворян эти земли, постоянно находящиеся под угрозой набегов, были и даром не нужны. Но подданство королю оставалось относительным. Запорожцы сами принимали решения о походах, независимо от того, ведет ли войну Речь Посполитая. Нападали на Крым, Малую Азию, несколько раз усаживали самозванцев на престол Молдавии.

Донцы признали власть Москвы при Иване Грозном. Сохранили при этом полную автономию, но по приказу царя посылали на войну отряды, за что получали «государево жалованье» деньгами, хлебом, боеприпасами и право беспошлинной торговли в пограничных городах. Несмотря на разное подданство, днепровские и донские казаки считали себя «побратимами», устраивали совместные операции. И турецкие послы не раз жаловались польскому королю не только на набеги, но и на то, что его подданные-казаки мешают татарам грабить владения Москвы, предупреждая донцов о движении орды.

Впрочем, тут надо еще сделать пояснение, что слово «казак» имело в XVI–XVII вв. несколько значений. На Руси «природные» казаки часто нанимались на военную службу, и этот термин распространился на любых вольных ратников. Иногда для уточнения добавлялось: «служилые казаки», «городовые казаки», что означало просто солдата-пехотинца. Матросов на речных судах называли «кормовые казаки». Но и любая вооруженная вольница вплоть до разбойников тоже величала себя казаками. А в официальных документах уточнялось, что это «воровские казаки». Ну а в Речи Посполитой слово «казак» стало обозначать целое сословие вольных землепашцев и воинов. Потому что по здешним законам не

быть казаком – значило превратиться в панского «хлопа», иной альтернативы польское право не предусматривало. Коснемся, кстати, и термина «Украина». Сами украинцы тогда называли себя не иначе как «русские». А слово «Украина» употреблялось в прямом значении – окраина. И в документах того времени фигурировали Польская Украина, Русская Украина, Сибирская Украина, Слободская Украина. Но, чтобы не вносить путаницы и не затруднять читателя, я в данной работе буду употреблять термины «Украина» и «украинцы» в их нынешнем смысле.

При Иване Грозном Россия установила прочные контакты с еще одной державой. Англичане решили искать «Северо-Восточный проход» через Арктику, чтобы добраться до богатых стран Азии в обход испанских и португальских владений. В 1553 г. Мария Кровавая организовала экспедицию Уиллоби. Два корабля погибли, а третий, Ченслера, был занесен в Белое море, спасен поморами, и... англичане «открыли» Россию. Дада, в некоторых источниках так и указывается, что нашу с вами страну тоже «открыли» отважные британские моряки! Забывая о том, что русские «открыли» Англию на 70 лет раньше. Но в это время выходы через Балтику опять закупорили ливонцы и шведы, и царь принял англичан очень радушно, даровал им большие привилегии, и в 1655 г. в Англии была создана «Московская компания» – кстати, это был вообще первый прорыв британской торговли на внешние рынки. Королева Елизавета отношения упрочила, вела переписку с царем. Как уже отмечалось, она и сама была дамой весьма «грозной». И, между прочим, когда англичанин Флетчер издал книгу, критикующую российскую «тиранию» в противовес «британским вольностям», произведение запретили, а тираж конфисковали и сожгли. Елизавета сочла, что под маской правления Ивана автор изобразил сатиру на ее собственные порядки.

Грозный начал вторую войну за выход в Балтику, опять в союзе с Данией. Сумел сокрушить Ливонский орден, но победы были парализованы вмешательством Швеции и Польши. Русские периодически добивались успехов, временно заняли часть Белоруссии. Однако внутреннее разрушение страны опричниной, затяжной характер войны на несколько фронтов, удары в спину крымцев свели достижения на нет. Хотя и у поляков возникли свои проблемы. В 1572 г. умер король Сигизмунд-Август, пресеклась династия Ягеллонов. Знать совсем распоясалась. Сейм решил сделать пост короля выборным и затеял торг с претендентами – кто пообещает большие «вольности».

Выиграла столь яркая особа, как Екатерина Медичи, потратившая массу средств на подкуп избирателей в пользу ее сына Генриха. А главное, он даровал полякам «Генриховы артикулы», по которым на сейме каждый депутат получил право *«liberum veto»*. Достаточно было одному гаркнуть: «Не позволям!» – и решение не проходило. Любопытно отметить, что польские послы, прибывшие в Париж, были поражены абсолютной необразованностью и невежеством французского двора. Зато французы воротили нос от поляков – писали, что это «темный народ» и «дикари». Ну да Генрих показал им культуру! Не провел толком ни одного совещания с министрами, ни одного заседания государственного совета, а когда в Париже умер его брат Карл IX, Генрих сбежал от своих подданных, попутно украв драгоценности польской короны, и стал королем Франции.

Правда, в следующий раз повезло больше, королем избрали отличного полководца Стефана Батория. Он выиграл войну с русскими – остановить его смогли только под стенами Пскова. Баторий привлек на регулярную службу и казаков. Ввел реестр, определяющий их число в 6 тыс., – им платилось жалованье, гетман и вся старшина утверждались королем. Войску вручили государственные атрибуты: булаву, знамя, бунчук и войсковую печать. Но «Генриховы артикулы» остались в силе. И теперь шляхта могла провалить любую инициативу короля, а он не мог никого задеть, если не хотел нажить неприятностей. Хотя, в общем-то, мелкая шляхта уже и не котировалась – она за подачки составляла «оршаки» магнатов,

продавая им сабли и голоса на сеймах. Магнаты имели свои крепости, отряды, сносились с иностранными государствами, из них состоял весь государственный аппарат.

Таких панов называли «корольками». Скарга писал, что хотя сеймовые послы, избравшиеся от шляхты на местных сеймиках, действовали «будто бы по приказанию всей братии, в самом же деле корольки наши делают и творят от имени братии то, о чем братия никогда не думала; братия бессмысленным криком на все соглашается, сама не замечая собственного своего вреда». Управы на магнатов не было никакой. Они могли поддержать короля, а могли и не поддержать. Бывало так, что король вел войну, а Речь Посполитая не вела – сейм проголосовал против. А если все же воевали, то паны являлись с полками вассалов, действовали как хотели и уезжали когда хотели. Цапались и друг с другом, совершая взаимные «наезды».

Россия в результате поражений утратила выход к Балтийскому морю через устье Невы, а Прибалтику поделили три государства. Полякам досталась Лифляндия (Латвия), Дания удержала Ревель и Моонзундский архипелаг, а шведы захватили остальную Ливонию (Эстонию) и русские земли, примыкающие к Финскому заливу. Но в присоединенных ливонских областях все государства сохранили крепостнические порядки и «вольности» немецких дворян и купцов. А Россия в это время стала одним из объектов... Контрреформации. Как раз тогда мнимые успехи иезуитов в Китае, Индии, Африке кружили головы римской курии. И на основе рассказней о русской «тирании» возник грандиозный проект обращения «Московии», предполагающий, что такую страну привести под власть папы будет очень легко – достаточно обратиться к царю, а народ автоматически подчинится ему.

И когда Иван Грозный обратился в Рим относительно посредничества в заключении мира с поляками, к нему поехал один из высших иерархов иезуитского ордена Антонио Поссевино. Конечно, ничего из этого не вышло. Царь был себе на уме. Принял легата хорошо, предоставил посредничать в переговорах, многократно беседовал, но, когда тот коснулся своей главной цели, поднял его на смех, назвав папу «волком», чем немало смутил Поссевино. В остальном же Иван связей с Западом не прерывал, племянницу Марию выдал за датского принца Магнуса, которого пытался сделать «ливонским королем», да и сам подумывал в девятый раз жениться на британской принцессе Марии Гастингс. Однако Рим с тех пор проектов подчинения России не оставлял и пристально отслеживал процессы в стране.

Это облегчалось тем, что важным центром Контрреформации стала Польша. Там в 1587 г. был избран на престол шведский принц Сигизмунд III Ваза, хотя и выходец из лютеранской страны, но ярый католик. Ближайшим его советником стал папский нунций, страну наводнили иезуиты. Заработала их цензура. Публично сжигались сотни книг – сочинения Коперника, историка Мартына Вельского и др. Современник писал: «Лучшей забавой иезуитов было сжигать древние польские рукописи». Развернулись преследования ученых Краковского университета. Но применялись и более тонкие методы – в одной лишь Литве открылось 12 иезуитских школ. Принимали туда всех, и протестантов, и православных, причем вовсе не перевербовывая их в католичество. Считалось, что зерна, зароненные учителями, должны подействовать исподволь, ненавязчиво.

Сигизмунд решил покончить и с казачьими свободами. От его имени было издано постановление сейма: «Государственные сословия обратили наше внимание. на то обстоятельство, что ни государство, ни частные лица не извлекают никаких доходов из обширных, лежащих впусте наших владений на украинском пограничье за Белой Церковью. Дабы тамошние земли не оставались пустыми и приносили какую-нибудь пользу, мы на основании предоставленного нам всеми сословиями права будем раздавать эти пустыни по нашему усмотрению в вечное владение лицам шляхетского происхождения за заслуги перед нами и Речью Посполитой». Области, отвоеванные и удержанные доблестью казаков, получали новых хозяев и тот же статус и тяготы, что и внутренние районы Польши.

На Руси после Ивана престол достался его сыну Федору, а фактическим правителем стал шурин царя Борис Годунов.

Страна оправилась от террора, отдохнула от прошлых войн, реорганизовала армию. И в 1590 г. вновь ударила по шведам, одержав полную победу. По Тевзинскому договору Россия вернула выход к Финскому заливу, получила право торговли на Балтике, наши купцы появились на рынках Копенгагена, Стокгольма, германских городов. Кстати, в этой войне отличился двоюродный брат царя по материнской линии – Федор Никитич Романов, который станет потом родоначальником новой династии. Но это случится позже, а тогда Федор Никитич был лихим рубакой, непревзойденным наездником и считался первым щеголем на Москве. Когда хотели польстить чьему-либо красивому костюму, говорили: «Он точно Федор Никитич!» Но проявил он себя и неплохим полководцем. Участвовал в нескольких походах, исполнял должность псковского наместника, командуя войсками на ливонском направлении, а завершил войну воеводой полка правой руки (второй по рангу пост в русской армии).

Привилегии, данные Грозным его любимцам-англичанам, были при Федоре урезаны. Благо в северных портах появились еще и голландцы, тоже начавшие широкую торговлю с русскими. Охотно приезжали служить военные, был сформирован 5-тысячный корпус из иностранцев. В Россию эмигрировали от польских притеснений многие лифляндские дворяне. Правда, одно время казалось, что с Запада сгущаются тучи. В 1592 г. Сигизмунд III унаследовал и шведский престол после смерти отца Юхана. Два могущественных государства объединились в личной унии! Но король оказался никудышным политиком. Целиком попал под влияние папы и Габсбургов, подчинив государственные интересы римским и имперским. В угоду им ввязался в неудачную войну с Турцией, помогал императору подавлять мятежных венгров.

А внутри страны ужесточил борьбу за католицизм. В условиях дворянских «вольностей» протестантские учения в Речи Посполитой нашли много сторонников. Были аристократы, исповедующие лютеранство, кальвинизм, арианскую ересь, отрицавшую Св. Троицу. Но особенностью польской Контрреформации стало то, что подобное «диссидентство» знати оставалось вполне допустимым, вписывающимся в рамки тех же «свобод». А борьба развернулась против... православия, не имеющего к Реформации ни малейшего отношения. Иезуиты сумели обработать Луцкого епископа, и от его имени была инициирована кампания по подчинению Православной Церкви папе. Сигизмунд издал соответствующий универсал, и в 1596 г. в Бресте был созван собор. Представленные на нем священнослужители разделились на две партии, заседавшие отдельно и вынесшие противоположные решения. Одна, во главе с Киевским митрополитом Рагозой, постановила признать соединение церквей, лишить сана епископов, не признавших унии, и прокляла их вместе со сторонниками. Другая постановила лишить сана Рагозу с приспешниками, просить короля не чинить насилия в делах веры и разрешить послать своих делегатов на сейм.

Разумеется, Сигизмунд поддержал первую партию. Начались захваты имущества Православной Церкви и погромы униатами неподчинившихся храмов. Доходило до того, что луцкий староста Симашко ввел особый налог на посещение церквей православными, а в Страстную субботу и Св. Воскресенье устроил в притворе храма танцы, приказывал гайдукам стрелять в иконы. В ответ на закабаление казачьих областей и притеснения веры вспыхнули восстания. Сперва – Косинского, погибшего в бою, потом – Наливайко. Мятеж подавили, Наливайко и его полковников, Лободу и Мазепу, схватили и изжарили в Варшаве в медном быке, специально предназначенном для мучительных казней. Но религиозная нетерпимость Сигизмунда не пошла ему впрок. Встревожились шведы: как бы он не стал реставрировать католицизм у них, – и в 1599 г. совершили переворот, возведя на трон его дядю, Карла IX. С этого момента Польша и Швеция стали смертельными врагами.

В общем, король перессорился со всеми. И с турками, и со шведами. И с русскими – но в положении, в котором он оказался, вынужден был в 1600 г. подтвердить с Москвой прежнее перемирие еще на 20 лет. Поссорился он и с подданными. Шляхту раздражали постоянные проколы во внешней политике. А на Украине продолжались восстания – в Добровнице, Остре, Брацлаве, Корсуни. Сейм издал постановление «О своеволии Украины», предписывающее «беспощадные кары» за любые «эксцессы». И Сигизмунд решил окончательно прижать казачество, запретив продавать простонародью оружие и сведя реестр к 1 тыс. человек. Были направлены войска для разорения Сечи и особые урядники, обязанные следить, чтобы крестьяне «не бегали в казаки».

Для защиты веры в Речи Посполитой стали возникать православные братства: Львовское, Виленское, Киевское, Могилевское. Они открывали собственные школы в противовес иезуитским, организовывали типографии для выпуска религиозной литературы, брали под защиту гонимых священников, готовили кадры для православной пропаганды. Эти братства действовали в контакте с правительством и Церковью России, при их активной поддержке. Из Москвы финансировалось печатание книг, строительство храмов. Поэтому проекты подчинения Руси Риму становились еще более насущными. За них теперь цеплялась проблема торжества унии в Польше. Да и православные церкви балканских стран, покоренных турками, сильно зависели от материального и дипломатического покровительства царя.

И усилия в данном направлении предпринимались неоднократно. К Федору Иоанновичу папа Климент VIII направил прелата Комулео, иллирийского славянина, изучившего русский язык. Целью посольства было склонить русских к войне с Турцией в союзе с Габсбургами, и Москву даже соглашались признать «Третьим Римом», обещали ей отдать Константинополь, подсказывали, что присоединение «единоплеменных и единоверных» славянских народов Балкан – не только право, но и «прямое назначение» Москвы. Но вот только для этого... надо бы признать церковную власть папы, который обеспечит все победы и вознаградит царя императорской короной. В 1601 г. с аналогичными целями послы Рима Коста и Миранда отправились якобы транзитом через Россию в Персию и подъезжали с переговорами к Борису Годунову. Успеха не было. И иезуиты в своих донесениях сетовали: «И при таком изобилии духовной рыбы (т. е. потенциальных обращенных) нельзя протянуть рук, чтобы взять ее...»; «О, если бы наши отцы с самого начала пришли в эту страну не под своим, а под чужим именем! Многое тогда было бы в лучшем положении». Вскоре такая возможность им представилась.

Россия и Азия

Азиатскими соседями Руси являлись Османская империя, Персия, страны Средней Азии, сибирские и степные народы. Впрочем, Турция была государством не только азиатским, но и европейским и африканским. Это была молодая и очень энергичная держава. Первой в Европе она создала регулярную пехоту – корпус янычар, куда набирались мальчишки из покоренных христианских стран, обращенные в ислам. Их служба неплохо оплачивалась, корпус был не только войском, но и особым братством. Присягу они давали друг другу на мисочке соли, Коране и мече. Роль знамен выполняли большие котлы, где они готовили общую еду, и полковника звали «чорбаджи» – кашевар. Идеологическую подготовку вели дервиши из ордена Бекташа (впервые благословившего янычар и давшего им название «ени чери» – «новое войско»). Профессиональная пехота дополнялась отличной поместной конницей-спаги. Вся территория страны делилась на санджаки – знамена, и санджак-бей командовал полком. А спаги, получавшие в лен землю с крестьянами, должны были служить и выставлять конных латников-джебели – 1 бойца с 3–5 тыс. акче дохода.

На войну приводили свои отряды и вассальные князья. Турки на первых порах проявляли значительную веротерпимость, иноверцам дозволялось свободно исповедовать свои обряды, налог на них был небольшим, а в автономных княжествах не взимался. Многие греки, сербы, валахи предпочитали власть султанов католическим королям, доблестно сражаясь против них в составе османских армий. И евреи, изгнанные из Испании, переселились сюда, принеся значительные капиталы. Турки были хорошими организаторами. Завоевав Константинополь, заново отстроили его – в последний период греческого владычества город пришел в ужасное состояние, обширные районы лежали в развалинах или превратились в пустыри, древние храмы, дворцы, монументальные сооружения растаскивались на стройматериалы.

В 1474–1475 гг. империя нанесла удар на север. Покорила Крымское ханство – один из осколков Золотой орды, захватила генуэзские колонии Азов, Кафу-Феодосию, Сугдею-Судак. Кроме них, в Причерноморье возникли и другие турецкие города – Аккерман, Бендеры, Очаков, Керчь, Анапа, Темрюк. В торговле Россия от замены генуэзцев турками нисколько не проиграла, а скорее выиграла. В 1497 г. Стамбул посетило посольство стольника Плещеева, между государствами были установлены регулярные дипломатические и торговые отношения, и в Москву потекли товары со всего Востока. В это же время Россия установила тесные контакты с Ираном. На него нажимали османы, и персы обратились к Ивану III с просьбой продавать им огнестрельное оружие. Для Москвы связь с ними тоже оказалась очень выгодной. Иран являлся одним из главных мировых производителей шелка. Но турки перекрыли ему дороги к Средиземноморью, а португальцы разрушили морскую торговлю в Персидском заливе и Индийском океане. И в Россию пошел не только шелк из Ирана, но и, транзитом через его территорию, товары из Индии.

Османская держава быстро расширялась. В 1516 г. Селим I покорил Египет, Сирию, Палестину, Аравию. В Каире правили потомки халифов-Аббасидов, и султан узурпировал их титул, став отныне духовным покровителем мусульман. В 1526 г. в битве при Мохаче Сулейман I Великолепный наголову разгромил венгерско-чешское войско. Король этих государств Владислав II Ягеллон умер, и чехи с венграми в панике обратились к императору Карлу V Габсбургу, умоляя принять их в подданство. Что понравилось далеко не всем венграм, особенно протестантам. Часть их магнатов выдвинула в короли Яноша Запольяи. И он стал править на территории, вошедшей в состав Османской империи, признав зависимость от султана. В Северной Африке турки получили поддержку пиратов, братьев Аруджа и Хайредина Барбаросса. Это были омусульманившиеся греки, пытавшиеся бороться с испанцами и

португальцами, но Арудж погиб, а Хайреддин признал власть султана. Получил титулы бея и адмирала, подкрепления и овладел Тунисом и Алжиром.

В образовавшейся империи статус разных частей значительно различался. В Болгарии, Малой Азии, Греции, Сирии были образованы пашалыки (воеводства во главе с пашами). Сюда шло турецкое переселение, проводилась исламизация этих районов. А поскольку христиане не подлежали суду шариата, судебная и в значительной мере светская власть над ними была отдана православному духовенству. Но славянским священникам турки не доверяли, со столичными греками им было легче договориться и держать их под контролем. И те, пользуясь поддержкой султанов, взяли курс на «эллинизацию» церкви, что вызывало недовольство славян. В общем, принцип «разделяй и властвуй» работал четко.

Сербии сперва оставили автономию, а когда сочли, что без дружин ее князей можно обойтись, тоже учредили там пашалык. Но некоторые страны – Ливан, Молдавия, Валахия, отколовшаяся от Венгрии Трансильвания, Крым – автономию сохранили. Они лишь платили некоторую дань, их правители утверждались султаном и по его приказу выставляли войска. Ну а в Триполи, Тунисе и Алжире пашалыки стали чисто номинальными. Реальная власть там принадлежала янычарским и пиратским начальникам. Они помогали султанам флотом, но в остальном жили вполне самостоятельно. Общее управление империей осуществлялось великим визирем, и название его канцелярии «Великая Порта» стало синонимом названия Турции.

Законы и обычаи, принятые в империи, во многом отличались от большинства европейских и азиатских государств. Родовая знать не играла особой роли, люди выдвигались по личным заслугам. (Побочным следствием этого стало явление ренегатства – многие итальянцы, французы, португальцы переходили на службу к султанам; в условиях кризиса католицизма сменить религию из материальных соображений было для них вполне логично, и они становились полноправными «турками».) От покоренных сельджукских султанатов османы переняли такие организации, как ремесленные братства. Авторитет их был огромным, каждый горожанин прежде всего принадлежал к своему профессиональному цеху. А цехи защищали права своих членов, обеспечивали взаимовыручку, кредит, имели доступ к самому высокому начальству.

Заниматься ремеслом в Турции было почетно. Считалось, что каждый уважающий себя мужчина должен иметь полезную профессию. Пример подавали сами султаны. Мухаммед I на досуге делал тетивы к лукам, Мухаммед II был садоводом, Селим I и Сулейман I – золотых дел мастерами, Мурад III изготавливал наконечники стрел, Мухаммед IV был поэтом. Разумеется, объем и качество их продукции никого не интересовали, но это поднимало престиж трудолюбия и мастерства. А идеологическое единство нации обеспечивали ордена дервишей, имевшие большое влияние и часто связанные с теми же объединениями ремесленников, – 10 % мужчин в стране имели отношение к тому или иному ордену. Государство уделяло значительное внимание системе мусульманского образования, тратило огромные средства на строительство школ- медресе и содержание квалифицированных преподавателей.

Торговлю турки считали для себя унизительным занятием, уступив ее грекам, евреям, армянам, арабам. Но это был важный источник доходов, поэтому торговля находилась под покровительством и контролем властей. Права купцов строго охранялись. Действовал торговый суд, не позволявший монополизировать рынки и регулирующий цены. Сам великий визирь являлся главным контролером мер и весов. Вместе с агой янычар и кади (судьей) он регулярно обходил рынки, и при обнаружении обманов и нарушений виновный тут же получал бастонаду по пяткам. Все это обеспечило расцвет и благосостояние империи. Но и войны на ее границах шли постоянно. Турецкий мыслитель Кочибей Гемюрджийский писал, что османское государство «саблей добыто и саблей только может быть поддержано».

Причем сил Турции хватало, чтобы воевать на три фронта. На западе – против Габсбургов, на морях – против венецианцев и испанцев, на востоке – против Ирана. Персия была державой куда более древней, она вобрала богатейшую культуру как доисламского Востока, так и арабского мира. Но здесь занимала видное положение родовая и племенная знать, грызшаяся между собой. Армия собиралась из дружин аристократов и ополчения племен. К тому же иранские шахи были шиитами и постоянно конфликтовали с подданными-суннитами. Поэтому турки отобрали у них Месопотамию, Западную Армению. Но в дальнейшем иранцы, закупая в больших количествах русские пушки и ружья, смогли остановить османский натиск. Ареной непрекращающихся сражений стало Закавказье. Грузия к этому времени распалась на Картлийское, Имеретинское, Кахетинское царства, княжества Гурия, Мингрелия, Абхазия, Самцхе-Саатабало. Армения тоже не играла самостоятельной роли, и они очутились в незавидном положении «спорного имущества», подвергаясь нашествиям обеих сторон.

России в данный период куда больше хлопот доставляла не сама Турция, а зависимое от нее Крымское ханство. Главным своим промыслом оно сделало работорговлю. За труднопроходимыми степями Дикого поля, за укреплениями Перекопа и под эгидой Порты оно чувствовало себя недосыгаемым и превратилось в настоящее разбойничье гнездо, выплескивая набеги для захвата «ясыря» и на московские, и на польские владения. Правительство Турции такому промыслу не препятствовало – оно получало 10 % добычи с каждого набега. На скупке и перепродаже живого товара наживались турецкие купцы, а причерноморские города стали центрами работорговли, рынки которых были переполнены тысячами славянских невольников и невольниц.

Русские государи вынуждены были предпринимать оборонительные меры. Каждое лето на рубеже Оки выставлялись войска. При Василии III стали строиться «засечные черты» – гигантские фортификационные сооружения, протянувшиеся от Брянска до Рязани и Шацка. По лесам и полям делались сплошные засеки, копались рвы, возводились валы с палисадами и немногими проходами. Конечно, прикрыть всю линию укреплений войсками было невозможно. Но засечные черты были серьезными препятствиями для конницы. Она уже не могла просочиться где угодно и должна была прорываться по дорогам, перекрытым крепостями, или задерживаться, форсируя засеки, – что давало выигрыш во времени и позволяло перебросить в нужное место царские отряды. Все русское порубежье жило военным бытом. Крестьяне имели оружие, население городов состояло из гарнизонных служилых. Была организована система постов, дымами и огнями дававших сигналы о набегах.

Но и эти мероприятия не давали стопроцентной защиты. И московским царям, как и польским королям, приходилось еще и откупаться от Бахчисарая ежегодными подарками, которые татары называли данью, установив таксу в 15 тыс. злотых с Москвы и Варшавы. Впрочем, и дани оказывалось недостаточно. Если сам хан отказывался от набегов, он все равно отпускал «подкормиться» своих мурз и царевичей, иначе они взбунтовались бы. При этом полякам, не имевшим оборонительных систем, доставалось сильнее, у них каждый год угоняли по 5, а то и по 50 тыс. человек. Между Россией и Крымом возникли и политические противоречия из-за влияния на Поволжье, где после распада Золотой Орды возникли Казанское и Астраханское царства. Чтобы обезопасить восточные границы, Россия несколько раз сажала на их престолы своих ставленников. Однако Бахчисарай считал прямым наследником Золотой Орды себя. Инициировал перевороты, заменяя сторонников «русской партии» родственниками крымских Гиреев, и их набеги тоже обрушивались на московские земли. На территории нынешних Ставрополя и Калмыкии кочевала Малая Ногайская Орда, а в междуречье Волги и Яика (Урала) – Большая, часто они подключались к нападениям крымцев. А Северный Кавказ представлял собой скопище разнородных национальных образований. Ближе к Черному морю жили адыги (черкесы), у которых существовало множество

родовых княжеств, то действующих вместе, то воюющих между собой. В Кабарде тоже правили микроскопическими владениями десятки князей. У них существовал обычай ежегодно выбирать старшего князя, номинального правителя всей Кабарды. Этот пост должны были занимать все князья по очереди, но на практике дело выливалось в ссоры и драки, и Кабарда разделилась на Большую и Малую (по имени правящих родов их еще называли Казиева и Шолохова). Осетию терзали религиозные проблемы. С древних времен аланы приняли христианство, но в XVI в. в связи с влиянием Турции и Крыма знать стала переходить в ислам, а крестьяне еще исповедовали прежнюю веру.

В Чечне и Ингушетии единичный человек вообще не считался «юридическим лицом». Он был всего лишь представителем своего тейпа. Даже социальная и имущественная градация не относилась к отдельным семьям. Были богатые эзди-тейпы и зависимые от них бедные лай-тейпы. Многонациональный Дагестан представлял собой россыпь крошечных государств – Тарковское шамхальство, Аварское ханство (которому подчинялся и ряд чеченских общин), Тюменское, Эндереевское княжества, Табасаранское мойсульство, Кайтагское уцмийство, Цахурское владение. Правитель, имеющий дружину в 50 всадников, считался тут уже могущественным. Войны шли постоянно, был очень распространен захват рабов – не для труда в собственном нищем хозяйстве, а для получения выкупа или перепродажи, за счет чего процветали работорговые рынки в Анапе и Дербенте.

В Средней Азии существовало несколько взаимно враждующих государств – Бухарское, Хорезмское, казахские ханства, княжества таджиков на Памире. Тут развернулась жестокая борьба за власть Шейбанидов (потомков ханов Синей Орды) и Тимуридов (потомков Тамерлана). Те и другие использовали в качестве ударной силы степную конницу, сметавшую все на своем пути, и последствия были печальными. Ирригационные системы разрушались, обширные области приходили в упадок, поля превращались в пастбища. Эти войны и иранско-турецкое противостояние привели к гибели Великого шелкового пути, издревле кормившего Среднюю Азию. В начале XVI в. Шейбаниды одолели, и последний Тимурид Бабур ушел в Индию, основав там государство Моголов. Под властью Шейбанида Абдуллы хана возвысилась Бухара – он присоединил к своим владениям Ферганскую долину, Балх, Ташкент, Самарканд, Хорезм, Бадахшан. Но затем его сменил на троне Абдулмумин, занявшийся расправами над собственными родственниками, способными претендовать на власть. А в это время стало усиливаться казахское ханство во главе с Тевеккелем. Ему подчинились Моголистан (Семиречье), кочевое Узбекское ханство, Ногайская Орда, сырдарьинские города. И начались войны между казахами и Бухарой.

На р. Яик жили казаки, выходцы с Дона. Но населенных пунктов тут было еще мало, здешнее казачество было малочисленно и слабо организовано. Предания сообщают о двух походах на Хиву – и оба были неудачными. Сибирь населяло много древних, но малочисленных народов – были народы по 7–8 тыс. человек, а были по 30–40 тыс. Общее число сибирских жителей в XVI в. исследователи оценивают в 200–300 тыс. По тундре кочевали «самоеды» – ненцы, в тайге Северного Урала и Оби обитала «югра» – остяки и вогулы (ханты и манси). На Енисее жили тунгусы и ламуты (эвенки и эвены), а южнее, в лесостепных и степных краях, – «татары». Но этот термин употреблялся не по этническому, а по языковому признаку, татарами русские называли тюркоязычные народы. И разделяли «сибирских татар» (кыпчаки, аргыны, карлуки, канглы), «енисейских татар» (котты, асане, оринцы), «кузнецких татар» (алтайцы, хакасы, шорцы). Каждый из народов делился на племена и роды во главе со своими «князьями» и жил по своим традициям. Самоеды и тунгусы занимались оленеводством, остяки и вогулы охотой, татары скотоводством. И чаще всего обитатели лесов оказывались в кыштымах (данниках) у более сильных степняков. Так, на Иртыше и Оби властвовали ханы древней Белой Орды.

За «Камень» (Уральские горы) русские проникали задолго до Ермака. Еще в 1032 г. двинский посадник Улеб предпринял поход в Карские ворота. В XII в. новгородцы во главе с Гюрятой совершили экспедицию к Обской губе. В XIV в. в устье Печоры был построен Пустозерск, и плавания на восток стали регулярными – поморы достигали Оби и Таза, Новой Земли, вели меновую торговлю с жителями. Первые походы «за Камень» московских воевод относятся к XV в. В результате признали подданство великому князю племена, жившие по Оби и Иртышу, хотя это подданство оставалось еще формальным. Но велась торговля через Пермь и Вятку. После посещения Рима послом Герасимовым в начале XVI в. в Италии появилась книга Иовия с описанием Северного Ледовитого океана, а Герберштейн, побывавший в это же время в Москве, пересказывает содержание русского «дорожника», где довольно подробно описывались западносибирские пути и народы вплоть до истоков Иртыша «из Китайского озера» (Зайсан) и гористого «Лукоморья» (Алтай).

Новый этап взаимоотношений с Востоком начался при Иване Грозном, покорившем Казань. Черкесов и кабардинцев все сильнее подминали под себя турки и татары, брали дань скотом и людьми, и в 1552 г. к царю прибыло посольство от черкесских князей Машука, Ивана Езбозлукова и Танашука с просьбой взять их землю под покровительство. В 1555 г. последовало второе посольство – черкесы «дали правду на всю землю». Процесс активизировался после присоединения Астраханского ханства. В подданство царю добровольно перешли башкиры, ногаи, хан Белой Орды Едигер. Всем им сохранили полное самоуправление, но они должны были по приказу царя выставять воинов, а сибирский царь Едигер обязался платить ежегодную дань в 1 тыс. соболей. На Северном Урале обосновались солепромышленники Строгановы, осуществлявшие и торговлю с сибиряками, уже и за Уралом возникло русское поселение – слобода Тахчеи.

В 1557 г. попросился в подданство кабардинский князь Темрюк Идаров. О том же заговорили шамхал Тарковский и князь Тюменский, но у них вспыхнула междоусобица, и дело не склеилось. А с Кабардой связи упрочились после женитьбы Грозного на дочери князя Марии Темрюковне. В 1561 г. последовало официальное ее принятие в подданство. Хотя и вассалитет Кабарды остался номинальным, в российские границы ее не включали, свою администрацию не назначали и дани не брали. Но кабардинцы и черкесы стали поступать на русскую службу – от родичей Марии Темрюковны пошли князья Черкасские. А Темрюк Идаров обратился к зятю с ходатайством построить крепость в устье Сунжи для защиты от татар и турок. Впрочем, и сам Темрюк был не безобидным ягненочком, и в 1567 г. в Москву прибыло посольство от шамхала Тарковского с просьбой защитить его от... кабардинских набегов. В обмен на подданство.

Результатом стало создание Гребенского казачьего войска. Возможно, казаки жили на Тереке и раньше, по некоторым сведениям, они участвовали в прошлых посольствах вместе с черкесами и кабардинцами. Но во всяком случае именно в это время Москва принимает их на службу, казаки получают правильную организацию, возникают их первые крупные поселения – в 1567 г. Червленая, в 1569 г. – Щедринская. Чеченцы в равнинных районах у Терека не жили никогда, тут была слишком велика опасность татарских и ногайских набегов, и куда спокойнее было селиться в горах. Так что казаки и русские поселились на Тереке без какой-либо борьбы 450 лет назад. Разве могли они представить, что спустя четыре века некто Хрущев одним росчерком пера включит освоенные ими земли в состав Чечено-Ингушетии, а позже их далекие потомки будут вырезаны и изгнаны с родины как «захватчики»?

В это время произошли важные события в Сибири. Один из Шейбанидов, сын бухарского правителя Кучум, пришел из Средней Азии с войском и напал на хана Едигера. Тот взывал о помощи к царю, но Иван Грозный воевал в Ливонии и не смог поддержать его. Едигер был разгромлен, взят в плен и умерщвлен. Но Кучум воевал еще 7 лет, покоряя сибирских вассалов Едигера. Обложил их более высокой данью, чем при прежнем властителе. Начал

проводить исламизацию Сибири, из Бухары сюда поехали шейхи и сеиды. Хотя Москвы Кучум побаивался и на первых порах тоже признал себя вассалом царя.

Но успехи России на Востоке вызвали раздражение Турции. Она сочла справедливыми аргументы Бахчисарая, что раз в империю вошел Крым, значит, она является наследницей и других частей Золотой Орды. В 1555 г., не добившись решающих успехов в войнах с Ираном, султан заключил мир, поделив с шахом пополам Грузию и Армению: граница прошла от Дарьяльского ущелья на юг, к Гюмри и Баязету. В 1568 г. турки замирились и с Габсбургами, поделив с ними пополам Венгрию. И решили повернуть агрессию на север. Возник грандиозный проект прорыть канал между Доном и Волгой, провести туда флот и подчинить Казань и Астрахань. А потом обходным путем, через Каспий, снова ударить по Ирану.

Война началась в 1569 г. Турецко-татарское войско под командованием Касым-паши численностью в 57 тыс. бойцов двинулось от Азова вверх по Дону. С армией шла масса землекопов, на судах везли артиллерию, к одной из мачт привязали захваченного русского посла Мальцева. Все русские войска воевали на западе, с ними ушла и основная часть донских казаков. Оставшиеся в городках разбегались по речным зарослям. Но когда враг подошел к переволоке Дона и Волги и начал земляные работы, казаки повели партизанскую войну. К ним на помощь прибыли и 5 тыс. запорожцев. Стали тревожить лагерь врага нападениями, пересекали коммуникации.

А Касым-паша после двух недель работ понял, что прорыть канал – дело нереальное. Отправил корабли с осадными орудиями и запасами обратно в Азов, а сам понадеялся захватить Астрахань с налета, войско выступило туда налегке.

Русский воевода князь Петр Серебряный, посланный на выручку Астрахани с небольшой «судовой ратью», от столкновения уклонился, отошел вверх по Волге. 16 сентября Касым-паша подступил к Астрахани, стал строить осадный лагерь. Но Серебряный, соединившись с отрядами казаков и усилившись, ночью проскользнул на стругах в город. Стало ясно, что крепость, получившую серьезное подкрепление, атакой взять не получится. Тяжелой артиллерии у турок не было, а осада не сулила ничего хорошего – другая часть казаков продолжала партизанить в степях, перерезая сообщение с тылами. У вражеской армии иссякли припасы, воины голодали. И уже начиналась осень с дождями и холодами, янычары грозили взбунтоваться. Тогда Касым-паша приказал сжечь лагерь и отступать. Но и прямой путь на Азов по Манычу оказался перекрыт казаками. Туркам и татарам пришлось выбираться в обход, безводными степями Северного Кавказа, и из всей армии вернулись лишь 16 тыс.

В 1571 г., оправившись от поражения, крымский хан Девлет-Гирей нанес удар прямо на Москву. Пользуясь бездарностью опричных начальников, сжег ее, увел 60 тыс. пленных, сотни тысяч погибли. В следующем году начался еще более грандиозный поход. Татары были усилены турецкими стрелками и артиллерией. Иван Грозный готов был даже поступиться Астраханью в обмен на мир. Но хану и Порте было этого уже мало. Они надеялись полностью сокрушить Россию. Даже города уже поделили между мурзами, а мусульманские купцы заранее получали грамоты на привилегии в торговле по Волге. Но в июле – августе 1572 г. в кровопролитных боях на Пахре и Рожайке воеводы Воротынский и Хворостинин и прибывшие им на помощь донцы атамана Черкашенина наголову разгромили вражеские полчища. В общем, первая в истории русско-турецкая война началась отнюдь не по инициативе России и кончилась не в пользу Турции. Хотя Порта находилась на вершине могущества. Несмотря на морское поражение от испанцев и венецианцев при Лепанто, турки вскоре перешли в наступление, отобрали у венецианцев Кипр, изгнали их из Морей, разгромили германского императора и поляков, пытавшихся вторгнуться в Валахию. А в Иране умер шах Тахмасиб. Кызылбашская (азербайджанская) знать, составлявшая опору его пре-

стола, начала склоки и междоусобицы. Турки не заставили себя ждать, вторглись в Закавказье, заняли Азербайджан, Шемаху, Дербент, Западную Персию.

Россия продолжала укрепляться на Кавказе. В 1577 г. «по челобитью кабардинского Темрюка князя Черкасского» был построен Терский городок, ставший торговым, политическим и административным русским центром в этом регионе. Чуть позже был возведен Сунженский острог, а по просьбе шамхала Тарковского – Койсинский острог. Терский воевода подчинялся Астраханскому, а гарнизоны крепостей составились из стрельцов и казаков. В подданство попросились даже грузинские цари Имеретии и Картли. Лезть в Закавказье и ввязываться в масштабную войну с Портой Россия, конечно, не стала, но формально взяла их под опеку, стала оказывать поддержку монархам и грузинской церкви.

Ширились и связи с Сибирью. Поморские суда-кочи бороздили Баренцево и Карское моря. Для плаваний на восток их специально делали плоскодонными, они шли вдоль берега, из Карского моря по внутренним рекам и волокам пересекали полуостров Ямал и попадали в Обскую губу. И на р. Таз основали г. Мангазею (по названию одного из ненецких племен). Случилось это не позже 1570-х гг., поскольку в 1580-х сведения о Мангазее просочились к англичанам и голландцам, вызвав зависть и попытки самим проникнуть в сказочно богатые края. Экспедиции следовали одна за другой – Бэрроу, Пэта и Дэкмена, два плавания Баренца. Но, хотя на картах море стало Баренцевым, стоит помнить, что европейцы путешествовали в краях с оживленными морскими сообщениями. И, когда Баренц погиб при «открытии» Новой Земли, давно освоенной русскими, остатки его экспедиции спасли те же поморы. А восточнее Новой Земли ни англичане, ни голландцы пройти не смогли, так как их суда к плаваниям во льдах были не приспособлены. Хотя русские плавали в Сибирь постоянно, от Мангазеи по р. Таз попадали в Турухан, оттуда доходили и до Енисея, и до Нижней Тунгуски.

Но война России с Крымом и Турцией неожиданно аукнулась и в Сибири. После сожжения ханом Москвы Кучум счел, что русские не так уж и сильны, убил царского посла Третьяка Чебукова и открыл враждебные действия. Зауральская русская слобода Тахчеи была уничтожена. Начались набеги на Пермь, на владения Строгановых. В 1582 г. последовало особенно масштабное нападение, сын Кучума Алей погромил Соль Камскую, Кайгородок, осадил Чердынь. Однако в ответ последовал поход Ермака Тимофеевича, организованный Строгановыми. Отряд по сибирским меркам был сильный – по разным данным, 500–800 бойцов, 3 пушки, 300 пищалей. А момент был выбран очень удачно – ведь основные силы Кучума, его бухарская и ногайская гвардия с присоединенными к ним отрядами васальных или союзных хантов, манси, башкир ушли в поход с Алеем. Ну а Ермак нанес удар прямо на вражескую столицу г. Кашлык и взял ее. Кучума в Сибири считали узурпатором, тотчас его государство стало разваливаться, подневольные племена выходили из повиновения. И Ермак поклонился царю «Сибирским царством», что оказалось очень кстати после неудачной войны на Западе. На помощь Ермаку был отправлен отряд воевод Волховского и Глухова, за ним – Мансурова, казакам разрешили вербовать добровольцев на Дону и в других местах.

Но Кучум вовсе не был сломлен. Он сохранил свои лучшие войска, и война шла с переменным успехом. В 1584 г., попав в засаду, погиб Ермак с частью казаков. Вскоре стало ясно, что одолеть степняков можно лишь организацией постоянных опорных пунктов, удерживающих под контролем дороги и реки. В 1586 г. отряд Василия Сукина и Ивана Мясного построил крепость Тюмень, в 1587 г. казаки Данилы Чулкова основали Тобольск, который и стал русской сибирской столицей. Выгоды присоединения новых земель в Москве поняли сразу. Еще Ермак стал собирать с местных жителей ясак, дань мехами, хотя и уменьшил ее по сравнению с ханской. Впрочем, иначе здесь подчинение и не мыслилось, ясак был выражением подданства. А в Европейской России поголовье пушного зверя уже сильно поубавилось, и присылаемая «меховая казна» стала серьезным пополнением казны государственной.

Вдобавок к русским городам потянулись караваны среднеазиатских купцов, они сочли, что торговля через Сибирь сможет заменить погибший Шелковый путь. Для Москвы это тоже было выгодно, купцам даже предоставили право беспошлинного торго, что решало проблему снабжения сибирских гарнизонов. Россия стала устраиваться в Сибири «всерьез и надолго». В 1593 г. были подчинены вогульские Пелымское и Кондинское княжества, возникли города Пелым и Березов. Между тем Кучум был союзником и вассалом хана Бухары Абдулмумина. Поэтому воевал не только с русскими, а и с казахским ханом Тевеккелем. Его стеснили с двух сторон. А казахи уже успели установить дружеские связи с русскими, и Тевеккель направил в Москву посла Кул-Мухаммеда с просьбой помочь «огненным боем». Был поднят и вопрос о подданстве – русское правительство обещало в этом случае прислать даже не «огненный бой», а «много рати с огненным боем».

В казахские степи поехал в 1595 г. посол Степанов, и Тевеккель на подданство согласился. Но вскоре он погиб в походе, а его сыну Есиму, ставшему ханом, подданство уже не понадобилось. В Бухаре был убит Абдулмумин, успевший истребить всех потенциальных наследников, династия бухарских Шейбанидов пресеклась, и в ханстве начались гражданские войны. Поэтому Есим без особого труда захватил Ташкент. А правитель Ургенча при поддержке Ирана изгнал из Хорезма бухарских наместников, провозгласив себя независимым ханом. Кучум, лишившись поддержки Бухары, стал терпеть поражения, большинство его сыновей попали в плен к русским. Он него отпали ногаи, татарские и башкирские князья стали переходить на службу к царю. Бывший царь почти ослеп, с оставшимся маленьким отрядом скитался по степям, добывая пропитание угонами скота, и погиб в ногайских кочевьях.

Города в Сибири стали расти один за другим. В 1594–1598 гг. возникли Обдорск (Салехард), Сургут, Кетский острог, Тара. Годунов обратил внимание и на Мангазею. Поморы тут действовали «самостийно», торговали с местными и даже, как стало известно, «дань с них имали воровством на себя». Правительство взяло этот пункт под контроль, в 1600 г. сюда прибыли воеводы Шаховский и Хрущев, упорядочили ясачное обложение, а при сменивших их Кольцове-Мосальском и Пушкине был отстроен город и порт Мангазея. Тут возникли склады, таможня, верфь, в год на здешнюю ярмарку приходили по 10–15 кочей из Холмогор и Архангельска. Кроме морской, определились две сухопутные дороги в Сибирь, «Старая казанская», через Башкирию, и основная, через Соликамск и Верхотурье, где была устроена таможня. По указу царя этот путь оборудовался мостами, гатями, паромами. При Годунове завершилось освоение бассейна Оби – в качестве форпоста в ее верховьях был построен г. Томск. А на Кавказе в 1600 г. признали подданство царю адыги, в Кабарде было создано пророссийское княжество Сучаловичей Черкасских, поступили на службу ингушские князья Шихмурза и Султанмурза.

В Османской империи в это время назрел кризис. Ее войны велись уже без захватов новых больших регионов, война перестала «питать войну». Средства стали выжимать из подданных. Налог на иноверцев за столетие вырос с 20–25 до 140 акче, а местное начальство своевольничало, собирая в свою пользу по 400–500 акче. Менялось и отношение к иноверцам. Если на заре существования империи ее население делилось на 2 сословия – аскеров-воинов и райя – податных, тягловых, то в дальнейшем под словом «райя» стали понимать только христиан, и оно приобрело оскорбительное значение – скот, быдло. Уже в те годы взоры балканских народов стали обращаться к России. Мальтийский посланник в Турции доносил – дескать, жители Балкан ждут, что «русские прогонят турок». А венецианский посол в Стамбуле Соронци в 1576 г. сообщал: «Султан опасается русских... потому что у них есть страшная кавалерия в 400 тысяч... и еще потому, что в народе Болгарии, Сербии, Боснии, Морей и Греции весьма преданы московскому великому князю».

Расцвет и богатство турецких городов вызвали такое побочное явление, как чрезвычайный рост числа люмпенов. Правительство пыталось использовать их, вербовало в отряды стрелков-тюфенкчи. Но солдат из бродяг не получалось, а большинство предпочитало уходить в банды разбойников. Изменились и янычары. Еще Баязид II в 1481 г. создал опасный прецедент, сев на престол при их помощи и щедро вознаградив их за это. Поэтому и следующие султаны стали баловать гвардию, выплачивая «подарок восшествия». А Сулейман I разрешил янычарам жениться, заниматься беспошлинно ремеслами и торговлей. И если раньше они существовали на правах религиозного ордена, думая только о войне и смерти в бою, то теперь стали входить во вкус житейских благ, вмешиваться в придворные интриги. В 1595 г. распоясавшиеся янычары свергли неугодного им султана Мурада III и возвели на престол его сына Мухаммеда III. Который тут же умертвил 19 своих братьев и всех беременных наложниц отца. Но в Анатолии, наводненной шайками разбойников, вспыхнули восстания, объявились султаны-самозванцы Кара-Языджи, Дели Хасан.

Смутой воспользовался Иран. Там в результате гражданских войн пришел к власти шах Аббас. Террором упрочил свою власть, казнив половину ханов и кызылбашских эмиров. Реорганизовал армию по турецкому образцу: создал гвардию- куллары из обращенных в ислам грузин, армян, черкесов и корпус стрелков-тюфенкчи. Персы научились отливать пушки, их артиллерия достигла 500 орудий. А шахская разведка умело играла на притеснениях христиан в Порте, пропагандируя Аббаса как заступника для армян и грузин, заключая с ними тайные союзы. В 1602 г. шах начал войну. В закавказских городах поднялись мятежи, они без боя сдавались персам. Турки смогли организовать противодействие лишь год спустя, когда на троне оказался новый султан Ахмед I. Против Ирана выступила большая армия Минак-паши. Но Аббас вступать в сражение не рискнул и предпочел тактику «выжженной земли». Грянул «великий сургун» – переселение. Все армянские города и села на левобережье Аракса сжигались, а жители угонялись. Были уничтожены крупные центры ремесла и торговли Нахичевань, Джульфа. Сотни тысяч людей погибли в пути от голода, истощения и болезней. А уцелевших шах поселил в Исфахане, где решил создать свой центр ремесел и шелкоткачества. Ну а войско Минак-паши, наткнувшись на разоренную пустыню, вынуждено было остановиться.

Эта война косвенно задела и Россию. Разочаровавшись в иранцах, снова просил о подданстве грузинский царь Александр. А когда турки вновь заняли Дербент, на них вдруг решил переориентироваться шамхал Тарковский и потребовал срыть построенный по его заявкам Койсинский острог. Однако его вассалы предпочитали прежние отношения с русскими и обратились за помощью к царю. Москва решила поддержать их, и в 1604 г. в Дагестан отправилась экспедиция князя Бутурлина. Он взял Тарки, но из Дербента подошел отряд турок и вместе со сторонниками шамхала осадил русских в этом городке. Очутившись в безвыходном положении, Бутурлин вступил в переговоры с пашой и договорился сдать крепость в обмен на возможность уйти. Его обманули. Когда русские покинули Тарки и двинулись на север, на них напали и перебили большую часть отряда. А из-за отправки войск с Бутурлиным оказались ослабленными местные гарнизоны. И турки, воспользовавшись этим, захватили и сожгли Койсинский и Сунженский остроги. Но Терский городок отразил все атаки, и, так и не сумев взять его, противник ушел. А вот рассчитаться за случившееся Россия уже не смогла...

Падение в смуту

При Федоре Иоанновиче и в первые годы царствования Годунова Россия достигла пика своего могущества. Закреплялось присоединенное Иваном Грозным Поволжье, там строились города: Царево-Кокшайск, Санчурск, Саратов, Царицын. В состав государства вошла Западная Сибирь. Был сделан большой шаг в «Дикое Поле» – гораздо южнее прежних оборонительных сооружений здесь возвели новую систему крепостей: Чернигов, Путивль, Рыльск, Кромы, Белгород, Оскол, Воронеж, Валуйки, Елец, Курск, Орел, Ливны. Произошла церковная реформа. Воспользовавшись визитом Константинопольского патриарха Иоакима, приехавшего просить денег для строительства кафедрального храма взамен превращенной турками в мечеть Св. Софии, Годунов добился образования Московской патриархии – первым патриархом стал митрополит Иов. Вместо одной в стране стало 4 митрополии: Новгородская, Казанская, Ростовская и Крутицкая, было также установлено 6 архиепископий и 8 епископий.

Россия имела первоклассное для той эпохи войско. Стоит помнить, что регулярных армий тогда еще не было ни в одной европейской стране. Воевали дворянские ополчения или полки, набираемые из наемников. Русское войско состояло из служилых людей «по отечеству» и «по прибору». «По отечеству» служили те, кому это полагалось по происхождению, – аристократы, дворяне, дети боярские. (Кстати, поясним, что дети боярские ни в каком родстве с боярами не состояли. Издревле дружинники князей и бояр назывались «отроками». Потомки тех, кто входил во «двор» князей, стали дворянами. Ну а потомки «отроков», составлявших дружины удельных бояр, были «детьми боярскими», они соответствовали мелкопоместному дворянству других стран.) Все служилые «по отечеству» получали хлебное и денежное жалованье в зависимости от ранга, наделялись поместьями, но не в вечное пользование, а на время службы. Если дворянин погибал, часть имения могли оставить его вдове или подрастающим сыновьям. Раз в 2–3 года проводились воинские смотры и переверстка поместий. А по призыву каждый должен был являться «конно, людно и оружно», в доспехах, на хорошей лошади и приводить вооруженных слуг – 1 пешего и 1 конного со 100 четвертей пашни.

«По прибору» служили стрельцы, казаки, пушкар. Второй в Европе, после Турции, Россия создала при Василии III корпус отборной профессиональной пехоты, стрельцов. В Москве их насчитывалось 10 тыс. и по несколько сот в крупных городах. Иностранцы называли их «аркебузирами», «императорской гвардией» (Маржерет). Они объединялись в приказы – воинские части по 500 человек, командиром был стрелецкий голова. Приказы подразделялись на сотни, полусотни и десятки под командованием сотников, пятидесятников и десятников. Стрельцы получали от казны оружие, форму, в походах им выделялись лошади, слуги для заботы о бытовых удобствах и по 1 телеге на 10 бойцов.

Пушкар были профессиональными артиллеристами, а казаки – иррегулярной пехотой, набираемой из вольных людей, они служили со своим оружием и снаряжением. Состав казаков составляли атаманы, сотники, десятники – но не выборные, у служилых это были воинские звания. Все служилые «по прибору» тоже получали хлебное и денежное жалованье, наделялись участками земли для посевов, им предоставлялся ряд льгот, освобождение от налогов, в свободное время разрешалось беспопынно заниматься ремеслами и торговлей. В походы привлекались также отряды донских казаков, татарской, башкирской, ногайской конницы, Казанское войско – мордва, татары, черемисы.

Имелся 5-тысячный гвардейский корпус из иностранных наемников. А на большую войну призывались посошные и даточные люди. Посошные – по столько-то человек с пахотной «сохи» (мера земли, в разных районах отличающаяся в зависимости от урожайности).

Даточные – с церковных земель, вдовьих и других поместий, где хозяин не служит. Но таких ополченцев использовали на вспомогательных ролях – в обозах, при постройке укреплений, а после войны распускали по домам. Все войско обычно делилось на 5 полков: большой (основные силы), правой и левой руки (фланговые), передовой (авангард) и сторожевой (арьергард). Во главе каждого ставились воевода и его «товарищ» – заместитель, полкам выдавались знамена с ликами святых, освященные от патриарха. Воеводы имели также трубачей и сигнальные набаты – медные барабаны, перевозимые на лошадях. Главнокомандующим являлся воевода большого полка, ему подчинялись все прочие начальники. В целом Москва могла выставить армию в 100–150 тыс. бойцов, а с посошными и даточными – до 200–250 тыс.

В России изготовлялось отличное оружие. Брони были легче, надежнее и удобнее кирас европейской конницы – кольчуга из 50 тыс. колец весила всего 6–10 кг. Существовали и другие разновидности панцирей – бахтерец (с вплетенными в кольца мелкими пластинами), юшман (с более крупными). Европейцам русские доспехи не подходили «по фасону», но у турок и персов они ценились чрезвычайно высоко. Хотя дворяне и дети боярские, которым чаще приходилось драться не с тяжелой конницей, а гоняться за татарами, предпочитали броням более дешевые и легкие тягилеи – простеганные куртки из толстого войлока. Славилась и русские сабли – хорошей считалась такая, которой можно на лету рассечь газовый платок. Француз Маржерет писал, что «местные лошади лучше европейских».

Наряд (артиллерия) делился на стенобитный и полевой, по количеству и качеству артиллерия считалась чуть ли не лучшей в мире. Еще Фоскарино в XVI в. восхищался «многочисленной артиллерией на итальянский манер». «Огромному количеству артиллерии» в Москве удивлялся Маржерет. Орудия, «в которых может сесть человек» или «стреляющие сотней пуль с гусиное яйцо», на все лады описывают поляки. И не только Царь-пушку, отлитую в 1605 г. А Чоховым. Были и действующие гиганты – «Павлин», «Василиск» и др. Тяполо писал, что «в Москве делают ружья в большом количестве», а поляк Немоевский, хаявший все русское, все же отметил «хорошие пищали и мушкеты». В 1591 г. крымские татары последний раз в истории подступили к Москве – но, когда после молебна Донской иконе Пресвятой Богородицы против них стала разворачиваться огромная, великолепная армия, в панике бежали, не дожидаясь битвы. И отныне ограничивали набеги окраинами страны.

Россия обладала огромным международным авторитетом. Годунов подыскивал для дочери Ксении женихов при дворах Англии, Дании, Швеции. Эти женихи приезжали в Москву: герцог Голштинский Иоганн, принц Шведский Густав. Правда, не сладились: один умер, второй проявил дурное воспитание и вел себя по-хамски. Борис вообще был «западником», вынашивал планы открытия университета, посылал юношей за границу учиться языкам (впрочем, и английские, голландские купцы посылали практикантов в Россию изучать язык и обычаи, это считалось перспективным). Велось масштабное строительство в Москве, на границе встала неприступная крепость Смоленска.

Но блеск и величие уже разъедались изподволь внутренними конфликтами. По завещанию Грозного слабому и болезненному Федору должна была помогать «пентархия»: дядя царя (брат покойной матери) Никита Захарьин-Романов, Иван Мстиславский, Иван Шуйский, Богдан Вельский и брат жены Федора Ирины Борис Годунов. Борис при таком раскладе был лицом далеко не первым. Карамзин, Пушкин, Костомаров почему-то делают упор на его происхождении – «презренный раб, татарин». Это взгляд XIX в., а для XVII – полная чушь. Русскими становились не по крови, а по вере, и татарские корни имеют многие знатные фамилии. Но по близости к царскому роду выше всех котировался Романов, по родовитости – Рюриковичи Шуйские, Гедиминовичи – Мстиславские, Голицыны, Вельские, очень

высоким был «рейтинг» у чингизида Симеона Бекбулатовича, которого Грозный временно сажал на трон, да еще и женатого на Мстиславской.

Борьба за власть развернулась сразу. Царевича Дмитрия, сына Грозного от четвертой жены Марии Нагой, объявили незаконным, вместе с ним в ссылки отправили всех Нагих, удалили и его воспитателя Бельского. Двоюродную племянницу Грозного Марию Владимировну, «королеву Ливонскую», Годунов обманом через англичанина Горсея выманил из Риги, где она жила полупленницей, и постриг в монахини, а ее дочь, привезенная вместе с ней, вскоре скончалась при неясных обстоятельствах. Никита Романов умер сам, от болезни. А его старшего сына Федора постарались унизить, женив на «худородной» мелкой дворянке Ксении Шестовой. Но она стала для него хорошей, любящей супругой, и от этого брака родился будущий царь Михаил.

Ивана Мстиславского оклеветали и постригли в монахи. Шуйские пробовали противодействовать – замыслили уговорить царя развестись с бесплодной Ириной и взять в жены младшую дочь Мстиславского. Годунов разнюхал об этом, по обвинению в измене Ивана и Андрея Шуйских сослал, и оба быстро преставились. По слухам, были тайно убиты. Опала постигла их единомышленников – Татевых, Колычевых, Быкасовых, Урусовых, несостоявшуюся невесту Мстиславскую отправили в монастырь. Борис стал единственным правителем. А в 1591 г. лишился жизни царевич Дмитрий. Был ли он убит или погиб в результате несчастного случая, история остается до сих пор темной. Но в любом случае это легло четко в струю действий Годунова, устранявшего конкурентов.

В 1598 г. умер Федор Иоаннович. Потенциальными претендентами на престол являлись двоюродный брат царя Федор Романов, глава Боярской думы Федор Мстиславский, Василий Шуйский, Симеон Бекбулатович, Василий Голицын. Но единства среди знати не было. И попытка не допустить Бориса к власти выразилась в том, что народу предложили присягнуть на имя Боярской думы. На что народ возмутился – своеволие аристократии, как в Польше, никого не прельщало. Годунов предварительно постарался завоевать популярность у москвичей, да и патриарх Иов, его ставленник, приложил усилия. Столица выступила за Бориса. А по закону царя избирал или утверждал Земский собор из представителей разных сословий и «всей земли», где первый голос принадлежал тому же патриарху. Избран был Годунов.

В следующем году он созвал еще один Собор, утвердивший наследственность его династии. А потенциальных противников продолжал убирать. Прощенному было Вельскому за неосторожное слово выщипали бороду и опять сослал. Симеон Бекбулатович странным образом в одночасье ослеп. Было инспирировано дело против Романовых по обвинению в колдовстве. Пятерых братьев подвергли пыткам, старшего, Федора, бывшего щеголя и вояку, постригли в монахи под именем Филарета, всех разослали в отдаленные места – Александр, Михаил, Василий Романовы умерли в заключении, в живых остались лишь Филарет и больной, с парализованной рукой, Иван. Ксению Романову тоже постригли, сына Михаила разлучили с родителями и отправили с теткой на Белоозеро. Сослал и всех родных и близких к Романовым – Черкасских, Сицких, Шестовых, Репниных, Карповых, Шестуновых. Федора Мстиславского и братьев Шуйских Годунов не тронул, но запрещал им жениться, чтобы их роды пресеклись.

Однако Борис насолил не только знати. Он ухитрился нагадить в стране абсолютно всем! Будучи «западником», он стремился унифицировать свое государство – чтобы, как в Польше или Прибалтике, все сословия были разложены «по полочкам». Еще при Федоре, в 1593 г., он закрепостил крестьян, отменив Юрьев день. А в 1597 г. издал закон, установивший 5-летний сыск беглых. И мало того, по этому закону любой человек, прослуживший по найму полгода, становился вместе с семьей пожизненным и потомственным холопом хозяина, что ударило и по городской бедноте, подмастерьям, мелким ремесленникам и

породило массу злоупотреблений – богатые и власть имущие обманом и силой стали захватывать людей в холопство.

Туго пришлось и другим сословиям. Опасаясь заговоров, Борис культивировал повальное доноительство – холоп, донесший на дворянина, получал его поместье и дворянство. Было учреждено тайное ведомство во главе с Семеном Годуновым, наводнившее города шпионами. Из той же боязни заговоров и покушений Борис, вопреки обычаям прошлых царей, перестал регулярно появляться на людях и принимать у них челобитные. Впрочем, жалобы ему пришлось бы выслушивать на самого себя. На места опальных бояр и дворян он назначал свою родню и клевретов, которые начали в судах и администрации хищничество и злоупотребления.

Играя на популярность, Борис при вступлении на царство освободил подданных на год от налогов. Но строительство, содержание иностранного корпуса и т. д. требовали больших денег. И, наверстывая потом упущенное, царь стал отдавать подати на откуп. В откупщики тоже попадали его приближенные и драли с людей три шкуры – в результате купцам приходилось отдавать до трети прибыли. У Строгановых вообще чуть не отобрали владения, лишь за огромные подарки лично Борису им удалось «отмазаться». Годунов поссорился и с казаками. Решил подмять под себя Дон и послал туда назначенного атамана Петра Хрущева. Казаки выгнали его вон. Тогда царь запретил им торговать в русских городах, при появлении донцов было велено хватать их и сажать в тюрьмы. Предпринималось несколько экспедиций на Дон для отлова казаков. А чтобы окончательно прижать их, на Северском Донце была построена крепость Царев-Борисов.

В 1601–1602 гг. во всей Европе выдались неблагоприятные погодные условия. А на Руси из-за двухлетних неурожаев грянул голод. Меры правительства – денежные раздачи, продажа дешевого хлеба – оказались неэффективными и вели лишь к новым злоупотреблениям и спекуляциям. В одной только Москве в общих могилах погребли 127 тыс. человек. Народ заговорил, что царство Годунова не угодно Богу. Хозяева распускали холопов, которых нечем было кормить. Крестьяне разбегались из деревень, вымирали и бродяжничали. А когда бедствие пошло на убыль, правительство и хозяева принялись сыскивать беглых... Появились многочисленные шайки «разбоев». В 1603 г., объединившись под руководством Хлопка Косолапого, они двинулись на Москву. Их удалось разбить, кого ловили – вешали.

Но это были еще «цветочки». Все недовольные скапливались на юге. Сюда ссылали на службу опальных дворян и стрельцов. Сюда устремлялись беглые. И многочисленная дворня репрессированных бояр – их запрещалось кому бы то ни было принимать на службу, но в приграничье всегда была нужда в воинах и крестьянах и на прошлое человека смотрели сквозь пальцы. На юге не было неурожая, и туда бежали голодающие. А потом, спасаясь от расправ, остатки «разбоев». В итоге порубежье стало настоящей пороховой бочкой. И не замедлила появиться «спичка».

Кем на самом деле был Лжедмитрий I, исследователи спорят по сей день. Бытуют версии и общепринятая, и подтасованные под сенсацию. Поэтому приведу лишь собственное мнение. Разумеется, «истинным царевичем» он не был. Но мне кажутся убедительными факты, приводимые Немоевским, Олеарием и Костомаровым, что не был он и расстригой Отрепьевым. В России сразу заметили, что он прикладывается к образам и творит крестное знамение не совсем так, как природный «москвитянин», – в каких-то мелочах движения отличались. А ведь это вырабатывалось с детства, отвыкнуть за 3 года бывший монах никак не мог. Заметили, что после обеда он не ложился на часок вздремнуть (русские вставали очень рано, а часто и ложились поздно из-за церковных служб). Что любит телятину, считавшуюся в России запретным блюдом. Что не ходит регулярно в баню – а русские, в отличие от редко мывшихся западноевропейцев, в том числе и поляков, были весьма чисто-

плотными. Да и речи, произносимые самозванцем на разных приемах, по стилю и цитатам выдают следы польского воспитания.

Скорее всего, он был из русских, родившихся за рубежом, – там жило много эмигрантов, да и граница проходила на Смоленщине. Самозванство в это время было не ново. Три самозванца захватывали престол Молдавии, два самозванца действовали в Турции, о чем в Польше, конечно, знали. И Лжедмитрий являлся либо авантюристом-одиночкой, либо... «троянской лошадкой», специально подготовленной иезуитами. Разные «нестандартные ходы» были вполне в их стиле. Кстати, после его гибели подобная версия на Руси существовала. Папа Павел V в 1606 г., после крушения авантюры, сетовал, что «надежда приведения великого княжества Московского к святому престолу исчезла». А на польском сейме в 1611 г. было сказано: «Источник этого дела, из которого потекли последующие ручьи, по правде, заключается в тайных умышлениях, старательно скрываемых, и не следует делать известным того, что может на будущее время предостеречь неприятеля». Выходит, что-то знали.

Хотя кем бы ни был Лжедмитрий персонально, его моральный облик известен: человек храбрый, не злой, великодушный, но абсолютно беспринципный. Чтобы обрести покровителей, он тайно принял католичество, наобещав папе и иезуитам распространить его на Руси. Сигизмунду III дал расписку уступить Смоленск и Северщину, ударить на шведов. И король даже счел предлог подходящим для войны с царем – но более умные сенаторы во главе с коронным гетманом Замоиским тормознули его, прекрасно помня удары русских армий. Кстати, когда Замоиский вскоре умер, иезуит Поссевино радовался: «Теперь исчезнут препятствия... к распространению римско-католической веры в Московии». А в причастности ордена к организации авантюры Лжедмитрия убеждает и мощнейшая «информационная поддержка», развернутая в католических странах. Тот же Поссевино быстро опубликовал на нескольких языках бестселлер «Повествование о замечательном, почти чудесном завоевании отцовской империи юношей Дмитрием», и даже великий драматург Лопе де Вега получил заказ на пьесу «Великий князь Московский».

Главную опору самозванец получил в лице воеводы Сandomирского Юрия Мнишека. Трогательный роман с Мариной, о котором рассюсюкался Костомаров, тут, конечно, ни при чем. Мнишеки были иной породы. Юрий возвысился, будучи приближенным старого короля Сигизмунда-Августа, которому поставлял ведуний для повышения потенции и красоток, не стеснясь похищать и монахинь. Получал за это имения и должности. А после смерти своего благодетеля обокрал его так, что короля не в чем было прилично похоронить. Все об этом знали, но по польским порядкам привлечь его к ответственности было дохлым номером, и он стал важным вельможей. Чтобы заручиться дружбой проходимца, Лжедмитрий дал обязательство жениться на его дочери, пообещав в приданое 100 тыс. злотых, Псков, Новгород и ряд городов на юге.

Мнишек стал «маршалом», наwerbовав банду из 3 тыс. «рыцарства». Присоединились и 2 тыс. запорожцев – как раз тогда Сигизмунд разорил Сечь, и они искали другие места приложения сил. Предприятие выглядело просто несерьезно. Но, едва самозванец осенью 1604 г. перешел границу, вспыхнуло восстание. Без боя сдались Моравск, Чернигов, переметнулись Путивль, Кромы, Рыльск, Севск. Стекались вольница и донские казаки, признавали «Дмитрия» дворяне – кто из страха, кто из ненависти к Годунову. Но под Новгородом-Северским, единственным городом, где воевода Басманов оказал стойкое сопротивление, самозванец застрял надолго.

Царь сперва промедлил, сосредоточив войско под Смоленском и ожидая вторжения главных сил Польши. И, лишь разобравшись, что его не будет, двинул армию на юг. По традиции командование поручалось высшим боярам. Воеводой стал Мстиславский, которому Борис за победу посулил руку дочери Ксении. У него было 50 тыс. бойцов против 18 тыс. врагов. Лжедмитрий попытался компенсировать численное неравенство внезапностью. Когда

царское войско еще не успело изготавиться к бою, вдруг обрушил удар тяжелой польской конницы на правый фланг. Гусары прорвали боевые порядки и понеслись по тылам к ставке Мстиславского, ранив воеводу и чуть не захватив его знамя. Но едва русские оправились от неожиданности, на поляков навалились стрелецкие части, и те смогли вырваться назад лишь с большими потерями.

Геройствовать ради Годунова Мстиславский желания не имел, после боя отвел войско на несколько верст и запросил подкреплений, чтобы раздавить противника наверняка. Но и «рыцарство» смекнуло, что пахнет жареным, и под предлогом невыплаты жалованья большинство поляков вместе с Мнишеком уехали домой, еще и ограбив своего «царя». Он бежал из-под Новгорода-Северского. Правда, к нему присоединились еще 20 тыс. запорожцев, но и к Мстиславскому привел подмогу Шуйский. Отправились в преследование и столкнулись 21 января 1605 г. у с. Добрыничи. Лжедмитрий пробовал повторить прежний маневр, бросив конницу на правофланговый полк. Атакой его потеснили, но отступающая московская кавалерия вдруг раздалась в стороны, а за ней были построены стрельцы, защищенные временным укреплением из телег и открывшие убийственный огонь. Сторонники самозванца покатились назад, на них навалилась вся царская армия и рубила бегущих. На поле боя закопали 11 тыс. трупов «дмитриевцев», сам «царь» едва не попал в плен. Его бросили последние поляки, ушли запорожцы, и он укрылся в Путивле.

Да только и царские воеводы усердием не отличались. Долго осаждали Рыльск, не в силах его взять. И Мстиславский приказал распустить дворян на зиму, докладывая, что для осады городов нужна тяжелая артиллерия. Царь роспуск отменил, вызвав возмущение воинов, не готовых к зимней кампании. «Стенобойный наряд» был выслан в армию немедленно, а чтобы встретить его, воеводы получили приказ идти к крепости Кромы, перекрывшей дорогу на Москву. Годунов делал ошибку за ошибкой. В мятежную Комарицкую волость направил карательную экспедицию Плещеева из татар, ногаев и других «инородцев». Там покатились террор – мужчин вешали и расстреливали, женщин и детей топили или продавали в рабство. Итогом стала решимость повстанцев сражаться насмерть. В столице шпионы хватали на пытки и расправы за одно упоминание имени Дмитрия – и озлобили москвичей. Шуйского и Мстиславского царь отозвал (что их дополнительно оскорбило). А вместо них назначил отличившегося Басманова. Его Борис областал, пожаловал боярство и теперь уже ему наобещал в жены Ксению.

Царское войско прочно завязло под Кромами, где оборонялся атаман Карела с 4 тыс. казаков. От города ничего не осталось, при бомбардировках сгорели и дома, и стены. Но казаки сдаваться не думали, понарыли под валами целый лабиринт нор и окопов, где жили, пережидали обстрелы, а потом пулями встречали атаки. Еще и издевались – периодически на вал выходила невероятно толстая голая маркитантка, дразня осаждающих обидными телодвижениями. Жертвовать жизнями на штурмах никто не стремился. Не проявлял рвения и враг Годуновых Василий Голицын, оставшийся на командовании между отъездом прежних воевод и прибытием новых. Войско разлагалось от безделья, читало подметные письма самозванца, страдало от дизентерии. И все равно восстание рано или поздно было бы подавлено. Но 15 апреля 1605 г. скончался Борис Годунов. Если он еще мог жесткой рукой держать страну в повиновении, то его сыну Федору подчиняться не хотели. Ситуацию усугубил обман патриарха, известившего, будто Федор тоже избран Земским собором, хотя все знали – Собор не созывался. Да и фактическими правителями при 16-летнем царе стали его мать Мария Скуратова и Семен Годунов, ненавидимые всеми. Вознесшегося честолюбивого Басманова они тоже оскорбили, сделав его лишь вторым воеводой под началом Катырева-Ростовского, да еще и назначили над ним своего родича Телятевского.

Из лагеря под Кромами стали разъезжаться дворяне, якобы на царские похороны, но многие переходили к Лжедмитрию. А в самом лагере лидеры рязанского дворянства Проко-

пий и Захар Ляпунов составили заговор. К нему примкнули и обиженный Басманов, и Голицыны.

Измену готовило и боярство в Москве. У знати расчет был простой – с помощью самозванца скинуть Годуновых, а потом можно будет избавиться и от него самого. 7 мая войско взбунтовалось и присягнуло «Дмитрию». Узнав об изменении ситуации, к нему снова хлынули поляки, и он триумфальным маршем пошел на Москву. Остановился в Туле, послав к столице отряд Карелы, и 1 июня не без участия Бельского, Мстиславского и Шуйских город восстал, свергнув Годуновых. Бояре тоже поклонились Лжедмитрию, патриарха Иова низложили, поставив на его место соглашателя грека Игнатия. Но дойдя до Коломенского, самозванец выразил прозрачное пожелание: «Нужно, чтобы Федора и матери его тоже не было». Василий Голицын намек понял, послал убийц во главе с Михаилом Молчановым. Вдову Бориса удушили, Федор долго отбивался, но его ухватили за детородные части, стали давить и обезумевшего от боли прикончили. Лжедмитрий сел на трон.

Бояре, конечно, не для того устранили Годуновых, чтобы подчиняться невесте кому. И Василий Шуйский начал реализовывать вторую часть плана, сколачивая заговор. Но поспешил, на него донесли, схватили и приговорили к смерти. Однако ссориться с русской знатью Лжедмитрий не хотел, да и в Москве Шуйский был очень популярен, и в последний момент его помиловали. Приговор заменили ссылкой, а вскоре и совсем простили по ходатайству бояр. С народом «царь» заигрывал, отменил потомственное холопство, освободил на год от податей, предоставил льготы поддержавшим его южным районам. Реабилитировал пострадавших при Годуновых. В частности, вернул из ссылок уцелевших Романовых. Малолетний Михаил смог соединиться с родителями, вместе с матерью он поселился в подаренном им Ипатьевском монастыре под Костромой, а Филарета поставили Ростовским митрополитом. Была разыграна трогательная встреча «Дмитрия» с матерью Марией Нагой – она содержалась в монастырском заточении и предпочла «узнать» его, чтобы выйти из темницы и высидеться.

Бояре же после прокола Шуйского решили выждать, позволить самозванцу проявить себя. Он и проявил. Стал перестраивать государство на польский манер, Думу переименовал в сенат, ввел польские придворные чины и моды, ударился в разгул, пиры, охоты. Окружил себя поляками и выскочками, раздавал награды любимцам, за полгода растратив из казны 7,5 млн. руб. (при доходной части годового бюджета 1,5 млн.). Приказал сделать опись богатства и владений монастырей, не скрывая, что хочет отобрать их в казну. Был и террор. Сослали Годуновых и близких им Сабуровых и Вельяминовых, Семена Годунова в тюрьме уморили голодом. Казаки Карелы шныряли по Москве, за оппозиционные высказывания хватали людей и тайно топили. Казнили 7 стрельцов, усомнившихся в истинности «Дмитрия», после чего он сформировал себе стражу из немцев. Самозванец устраивал оргии в царской бане, куда убийца Годуновых Молчанов доставлял красивых девиц и замужних женщин, соблазняя деньгами или похищая насильно. Одной из наложниц Лжедмитрия стала царевна Ксения, неудавшаяся невеста двух принцев и двух полководцев. Впрочем, один из ее женихов, Басманов, стал наперсником «царя» и в банных игрищах тоже участвовал. Позже в Москве насчитали свыше 30 баб, ставших после этих развлечений «непраздными».

Во внешней политике самозванец сразу наломал дров. В угоду папе затеял создать коалицию и воевать против турок. Послал крымскому хану остриженный тулуп, что было страшным оскорблением, по зимнему пути отправил в Елец артиллерию, а весной приказал сосредотачивать там войска, намереваясь брать Азов и хвастаясь, что покорит Крым. А в угоду польскому королю поссорился и со шведами. Потребовал от Карла IX уступить трон Сигизмунду, угрожая союзом с поляками и войной. Даже намеревался напасть на Нарву, но более умные советники его отговорили (еле-еле), указывая, что одновременно воевать на два фронта нельзя. Но ведь Риму и Варшаве таких знаков дружбы было мало! Папа при-

слал поздравления с восшествием на престол, одного за другим направлял эмиссаров, напоминая о главном – церковной унии. О том же вели разговоры постоянно отиравшиеся при Лжедмитрии иезуиты – ради маскировки они отрастили бороды и ходили в одеяниях православных священников. А Сигизмунд теребил насчет обещаний отдать Польше Смоленск и Северщину.

Однако самозванец хорошо понимал, что, если он уступит русские территории или попытается окатоличивать страну, подданные этого не потерпят. Хотя и отказаться не мог – у короля и папы были уличающие его договоренности. И он пытался лавировать. Беседы с иезуитами сводил к открытию в России их школ, папе отвечал уклончиво. А чтобы не исполнять обязательств перед Сигизмундом, демонстративно с ним поругался, затеяв спор о титуловании – переводя свой титул «царь» как «император». Намекал, что армию из Ельца можно повернуть и в другую сторону. А поскольку среди шляхты вызревало недовольство королем, самозванец затеял и интригу с панами, предлагая им низложить Сигизмунда и избрать на польский трон себя. Главное – низложить. Не будет короля, не станет и обязательств.

Разумеется, ничем, кроме катастрофы, для России такая политика кончиться не могла. Война с Османской империей и Крымом – оскорбление хану делало ее неизбежной, плюс конфликт с Польшей или Швецией или обеими вместе! И все это при отсутствии союзников – антитурецкая коалиция была папской утопией, никто в Европе в это время воевать с Портой не собирался. Впрочем, Лжедмитрий только считал, что он правит единовластно. Ведь и войска, и дипломатия находились под контролем бояр-заговорщиков. Русские послы в Польшу попутно с официальными поручениями передавали и неофициальные «приветы». Бояре предупредили Сигизмунда о связях «царя» с польской оппозицией, что вызвало в Варшаве страшный скандал. В тайных посланиях московская знать укоряла короля в том, что он помог «вору», обличала его самозванство. А на всякий случай, чтобы поляки не помешали заговору, бояре закинули удочку, что охотно пригласили бы на престол королевича Владислава. Действовала в Польше и агентура православных братств – они раздобыли и переслали в Москву доказательства принятия Лжедмитрием католичества.

Он тем временем хотел упрочить связи со шляхтой, чтобы и в Москве укрепить трон опорой на нее, и в Польше сподручнее интриговать против Сигизмунда. Активизировалось сватовство к Марине. Юрий Мнишек остался верен себе, долго торговался, получив в итоге 200 тыс. злотых, да еще и от имени «царя» нахapaл у русских послов и купцов денег и товаров на 25 тыс. Не считая того, что самозванец оплатил его долги – свыше 60 тыс. От него потребовали также удалить Ксению Годунову – о поведении жениха Марина и ее папаша хорошо знали. Но, когда царевну постригли и сослали в Белоозеро, они сочли недоразумение исчерпанным, и весной 1606 г. огромный обоз в несколько тысяч гостей, таких же любителей халявы, как и Мнишеки, отправился с невестой в Москву.

А заговорщики приурочили выступление как раз к свадьбе, правильно рассчитав, что самозванец и поляки дадут новые поводы к недовольству. Так и случилось. Духовенство требовало крещения Марины по православному обряду, однако папа категорически возражал даже против принятия ею православного причастия. И пошли на компромисс, сочли, что за крещение сойдет миропомазание при коронации, с которой совместили венчание. Пренебрегающий русскими обычаями «царь» и грек-патриарх назначили его на четверг, 8 мая. Хотя по православной традиции новый день начинается с вечерней молитвы, и брачная ночь пришлась уже на пятницу, постный день, да еще праздник Св. Николая Чудотворца. А понаехавшая орда поляков вела себя крайне нагло и высокомерно, кичась перед «варварами» своей «цивилизованностью». Выражалась эта «цивилизованность» в том, что гости то и дело оскорбляли хозяев, хаяли их обычаи, палили из ружей, задирали москвичей, бесчестили женщин, даже вытаскивая их на улицах из возков или врываясь в дома. В общем, вели себя так же, как привыкла вести себя шляхта с крестьянами и поселянами. Пан Стадницкий вспоми-

нал: «Московитам сильно надоело распутство поляков, которые стали обращаться с ними, как со своими подданными, нападали на них, ссорились с ними, оскорбляли, били, напившись допьяна, насиловали замужних женщин и девушек».

Восемь дней после свадьбы превратились в непрерывные пиры и попойки, пьяные толпы поляков и их слуг шатались и безобразничали по городу. Дошло до озлобления и стихийных драк. И заговор разыгрался как по нотам. Верные Лжедмитрию казаки отправились в Елец. Самозванец был уверен, что туда ушло и русское войско, но бояре остановили его под Москвой, привлекая на свою сторону командиров. Перекупили начальника наемной стражи капитана Маржерета, и в ночь на 17 мая во дворце осталось всего 30 охранников. А рано утром, когда «царь» и его гости отсыпались после очередной гулянки, грянул набат. Возглавили бунт Василий Шуйский и Василий Голицын. Чтобы поляки и русские, еще сохранившие веру в «Дмитрия», не помешали плану, был брошен клич «Бей поганых латын!» – натерпевшихся москвичей дважды упрашивать не пришлось.

А Шуйский с крестом в одной руке и саблей в другой повел отряд заговорщиков в Кремль. Стрельцы у ворот его знали и не остановили. Лжедмитрий спохватился слишком поздно, когда толпа уже ломилась во дворец. Стражники-иноземцы сопротивления не оказали и сложили оружие. Защитить «царя» попытался лишь Басманов и был убит. Марина укрылась в комнате, где собрались придворные дамы, спрятавшись под широкой юбкой своей гофмейстерины. Их собирался оборонять молоденький паж Осмольский – ворвавшиеся заговорщики прикончили его одним выстрелом. Но толпу полураздетых женщин бояре тронуть не позволили, взяв под охрану. А самозванец бежал и выскочил в окно, вывихнув ногу. Позвал на помощь стрельцов, соблазняя наградами. И они сперва решились защищать его. Но жертвовать ради него жизнями и у них желания не возникло. Когда Лжедмитрия обнаружили и окружили заговорщики, стрельцы его уступили, и сын боярский Валуев пустил в него пулю.

Сразу после этого Шуйский направил войска успокоить разбушевавшийся народ и взять под охрану отбивающихся на своих дворах поляков. Всего в ходе восстания их было перебито около 400 человек, примерно столько же погибло в столкновениях москвичей. Трупы Лжедмитрия и Басманова несколько дней валялись на площади непогребенными, потом их сожгли, зарыли в пушку и выстрелили в сторону Польши...

Царь Василий Шуйский

По русским законам и традициям избирать царя должен был Земский собор. Но в провинции еще жила вера в «доброго царя Дмитрия», наобещать подданным он успел много. Ни поляки, ни самозванец не успели сделать жителям других уездов и городов, кроме Москвы, ничего плохого. И, хотя заговорщики захватили всю переписку Лжедмитрия с папой, много других изобличающих его документов, они поспешили побыстрее избрать царя сами, чтобы поставить провинцию перед фактом.

О польском Владиславе теперь даже не вспоминали, претендентов было четверо. Сын Филарета Романова 9-летний Михаил – в Нарве немцы узнали от русских, что многие прочили его. Но большинство голосов в Думе отвергло его за малолетством. Нерешительный и безвольный Мстиславский отказался наотрез. А Василий Голицын и по знатности рода, и по своей роли в заговоре уступал Василию Шуйскому. Эта кандидатура и победила. Но во избежание трений и конфликтов он вынужден был пойти на компромисс с другими боярами, обязался важнейшие вопросы решать только с Думой и без ее санкции никого не репрессировать. Земский собор подменили импровизированным сборищем, представив Василия народу с Лобного места. В Москве его любили, и толпа криком санкционировала избрание. И, сделав вид, будто присутствовавшие в столице купцы и служилые из других городов являлись их делегатами, Дума разослала воззвания об избрании Шуйского Собором.

Низложили и патриарха Игнатия. На его место церковный собор нарек Филарета Романова. Однако Шуйский не доверял ему, как конкуренту, и провернул хитрую интригу. Для пущего разоблачения самозванца добился канонизации царевича Дмитрия Углицкого, Филарет был отправлен за мощами, а в его отсутствие царь настроил против него духовенство и добился переизбрания. Причем ставленник Шуйского митрополит Крутицкий Пафнутий тоже не прошел, и патриархом стал выходец из донских казаков и строгий ревнитель веры Казанский митрополит Гермоген, который даже в царствование Лжедмитрия был одним из самых ярых его обличителей. Перед крымским ханом извинились, пояснив, что его обидчик уже наказан. Но опасались, что в отместку за свержение «вора» и избиение поляков в Москве начнет войну Сигизмунд. Поэтому из нескольких тысяч гостей и служащих самозванца, уцелевших после переворота, отпустили на родину лишь простолудинов, а всех дворян оставили в качестве заложников, дав им хорошее содержание, но разместив под надзором по разным городам. В нарушение дипломатического этикета Шуйский задержал даже находившееся в Москве польское посольство во главе с Гонсевским.

Хотя подобные опасения были совершенно неосновательными. Польше самой пришлось туго. Она начала войну со Швецией, захватив у нее в Ливонии г. Пернов (Пярну). А в это время запорожцы со своим гетманом Сагайдачным совершили несколько удачных рейдов, разграбив Варну и Кафу. Турция разозлилась, объявила войну Речи Посполитой. Основные силы Порты были все еще связаны борьбой с Ираном, армию против поляков она послала недостаточную, и ее отбили. Но внутри Польши недовольство шляхты политикой короля достигло критической точки, и краковский воевода Зебжидовский поднял «рокош». Это тоже входило в число здешних «свобод» – если часть дворян недовольна монархом, то почему бы им не составить «конфедерацию» и не выступить против него с оружием? Страну охватила гражданская война.

А вот действительную опасность Шуйский проглядел. Его избрание только Думой и Москвой провинцию возмутило. Получалось – бояре убили «доброго царя» и посадили своего ставленника. Крестьяне и посадские преувеличенно связывали с «Дмитрием» надежды на лучшее, а Шуйский, хоть и частично, отменил прежние законы Годунова, даровав свободу вольным, насильно обращенным в холопы, но при этом увеличил срок сыска беглых

крепостных до 15 лет. Служилые вспоминали щедрые пожалования Лжедмитрия при вступлении на престол – Василий был на такое не способен, найдя казну пустой. Забурлило казачество. А жители южного порубежья теперь опасались репрессий за бунт в пользу самозванца. Несколько раз вспыхивали волнения и в столице. И Шуйский стал освобождать ее от прежних приверженцев Лжедмитрия, рассылая их подальше. И многих... опять отправил в почетные ссылки на южные рубежи.

Одним из таких стал князь Шаховской, назначенный в Путивль. По дороге к нему присоединился клевет «вора» Молчанов. Он был арестован, но сумел сбежать, да еще и прихватил печать «Дмитрия». Уже по пути они начали будоражить народ, Шаховской представлял Молчанова как «царя», вторично спасшегося от убийц. В Путивле первого самозванца хорошо знали, и Молчанов туда не поехал. Удрал в Польшу и занялся элементарным мошенничеством – собирал деньги якобы на войско, чтобы поляки отомстили «москови-там» за избиение соплеменников, и неплохо жил на эти средства. Но Шаховской взбунтовал Путивль и начал рассылать воззвания от имени «Дмитрия». И опять запыхало. На Рязани восстание возглавили братья Ляпуновы. В Ельце, где собирались воины для похода на татар, – сын боярский Истома Пашков. Царь направил туда большой отряд под командованием Воротынского. Ратников до последнего момента обманывали, говорили, что они идут против татар. А когда выяснилось, что драться предстоит со «своими», они растерялись. При атаке Пашкова многие стали разбегаться, и Воротынского разгромили. После этой победы восстания в порубежных городах пошли цепной реакцией – Оскол, Борисов, Ливны.

В Путивле же появился Иван Болотников. Он был служилым холопом князя Телятевского (т. е. служил в его персональной дружине), попал в плен к татарам, был продан в рабство на галеры. Его освободили в бою венецианцы. По дороге на родину он поучаствовал в польско-турецкой войне в составе украинских казаков, отличился, и один из отрядов выбрал его атаманом. Возвращаясь с казаками с войны, он заехал в Самбор, замок Мнишеков, где гостил Молчанов, которого Болотникову представили как «Дмитрия». Он воодушевил атамана борьбой за свое «правое» дело против изменников-бояр и дал грамоту, назначив воеводой. Набрав украинской вольницы, Болотников явился к Шаховскому, и приход человека, который лично видел «спасшегося царя», подлил масла в огонь. На Москву двинулись три рати. Болотников, к которому примыкала всякая рвань, наступал через Орел и Калугу. А дворянские ополчения Пашкова и Ляпунова – через Рязань.

Хотя многие в спасение «Дмитрия», конечно, не верили – важно было знамя, под которым действовать. Еще при жизни Лжедмитрия 300 терских казаков избрали на круг «царевича Петра», потом появились еще один «Петр», «царевичи» Август, Иван, Лаврентий, Федор, Ерофей, Клементий, Савелий, Семен, Василий, Гаврила, Мартын... Большинство «царевичей» заметного вклада в историю не внесли, как появлялись, так и погибали, но бунт разгорался. Болотникова под Кромами встретило войско Юрия Трубецкого. И, не приняв боя, отступило – тут тоже многие воины разбегались или переходили к противнику. Восстали Тула, Кашира, Калуга, Можайск, Вязьма, Владимир, Астрахань. Нижний Новгород осадили взбунтовавшиеся мордовцы и черемисы. Банду, выступившую из Владимира, рассеял отряд стольника Дмитрия Пожарского. А брат царя Иван Шуйский разбил Болотникова на р. Угре.

Но вместо погибших к атаману стекались новые толпы. По его разумению, борьба с «изменой» верхов означала: кто был ничем, тот станет всем. И он распространял воззвание: «Вы все, боярские холопы, побивайте своих бояр, берите себе их жен и все достояние их, поместья и вотчины! Вы будете людьми знатными, и вы, которых называли шпынями и безыменными, убивайте гостей и торговых людей, делите меж собой их животы! Вы были последние – теперь получите боярства, околичества, воеводства! Целуйте все крест законному государю Дмитрию Ивановичу!» Путь его орды сопровождался жуткими погромами. Истребляли дворян и зажиточных горожан, грабили, пускали по рукам жен и дочерей.

Молодой полководец Михаил Скопин-Шуйский, племянник царя, еще раз разгромил Болотникова, на р. Пахре. Но по другой дороге наступало войско Пашкова и Ляпуновых, взяло Коломну. И Шуйский перебросил племянника туда – против восставших дворян сосредотачивалась большая сборная рать под командованием Мстиславского и Воротынского. Пашков и Ляпунов оказались противниками более умелыми, атаковали царское войско у с. Троицкое и обратили в бегство. А перед Болотниковым дорога освободилась, его банды, обрастая разгулявшейся чернью, двинулись дальше. Под Москвой силы повстанцев соединились, достигая 20 тыс. Но... дворяне увидели, что вытворяют болотниковцы, и призадумались. А москвичи, не желая разграбления своего города, пошли на хитрость. Их делегация объявила, что столица сдастся без боя, если ей представят самого «Дмитрия».

Обрадованный Болотников слал гонцов в Путивль – пусть, мол, «царь» скорее приезжает, победа обеспечена. Никто не приехал. А Пашков и Ляпунов вступили в переговоры с царем. Шуйского они ненавидели, но поняли, что в данный момент болотниковцы представляют для страны куда большую опасность. В Москву прибывали подкрепления из Смоленска, Твери, с Двины. Главное командование царь поручил Скопину-Шуйскому. Узнав, что противник наращивает силы, Болотников 26 ноября 1606 г. пошел на штурм. Но Ляпуновы и Пашков перешли на сторону царя, объявив, что никакого «Дмитрия» на самом деле нет и никто его в глаза не видел. Повстанцев отбили, они встали укрепленным лагерем в Коломенском.

Скопин осадил их, окружил батареями и начал бомбардировку. Царь пробовал переманить на свою сторону и самого Болотникова, обещал службу и высокий чин, однако атаман отказался. После трехдневного артиллерийского обстрела его пестрое воинство вырвалось из лагеря и стало удирать на Серпухов. Их гнали и били. 4 тыс. казаков Беззубцева в деревне Заборье остановились, окружив себя укреплением из саней, и решили обороняться. Скопин счел опасным оставлять их в тылу и осадил табор, что дало возможность уйти остаткам болотниковцев. А Беззубцев предложил сдаться, если казакам гарантируют жизнь и примут на службу. Воевода согласился на такие условия. Этих казаков царь простил. Но остальных пленных, взятых в бою или во время бегства, вешали или, оглушив дубинами, «сажали в воду».

20-летний Скопин-Шуйский был пожалован в бояре.

Болотников засел в Калуге и был осажден. Но воеводой на этот раз царь назначил своего бездарного брата Ивана. Он действовал крайне неумело, позволял себя бить на вылазках. Правда, отряд Мезецкого, посланный из Путивля Шаховским на выручку Болотникову, был разбит Иваном Романовым на р. Вырке. Однако осада Калуги затянулась на всю зиму. Между тем Шаховской лихорадочно искал, как выкрутиться из ситуации с отсутствием «Дмитрия». И пригласил гулявшего по Волге и Дону терского «царевича Петра». Тот явился с 4 тыс. казаков и проявил себя мужиком крутым, казнив пленных дворян, содержавшихся в Путивле, а их родственниц «емля на позор на постелю».

Войско Шаховского, «Петра» и примкнувшего к ним Телятевского весной 1607 г. перешло в наступление и заняло Тулу. Из осадного лагеря под Калугой против них был выслан отряд Татеева. На р. Пчельне Телятевский с донскими и украинскими казаками разгромил его наголову. Остатки прибежали под Калугу, сея панику. Царские воеводы в это время готовили штурм – насыпали огромный вал из дров, чтобы подойти этим валом к деревянной городской стене и зажечь ее. Но осажденные подвели под вал мину и взорвали его, что вызвало страшный переполох. Болотников предпринял вылазку, с тыла ударил Телятевский, и царские войска бежали. Только полк Скопина-Шуйского отступил в порядке, остальные бросили и артиллерию, и обоз. Но и Болотников после тягот осады не стал рисковать, ушел в Тулу на соединение с Шаховским и «Петром».

Царь стал предпринимать серьезные меры. Объявил мобилизацию «даточных» и «посошных» по всей стране и лично возглавил войско, собирая его в Серпухове. Очаги мятежа постепенно подавлялись. Воеводы Пушкин и Ададуров отбили бунтовщиков от Нижнего Новгорода. Андрей Голицын под Каширой разгромил Телятевского. А появление вместо ожидаемого «Дмитрия» какого-то неизвестного «Петра» произвело обратный эффект: многие восставшие города утихомиривались, приносили повинную.

В мае царское войско выступило на Тулу. Болотников дал бой передовому отряду Скопина-Шуйского на подступах, мятежники укрепились за болотистой р. Вороньей, защитились засеками и долгое время отбивали атаки конницы. Обе стороны понесли большие потери. Но стрелецкая пехота перешла речку в другом месте и ударила в обход. «Воры» побежали, многих перебили в погоне. Царь осадил Тулу. И Болотников, все еще веря в виденного им «Дмитрия», послал поторопить его Ивана Заруцкого. По национальности он был украинцем или поляком, родом из Тернополя. Был захвачен в полон татарами, потом бежал на Дон, был принят в казаки, женился на казачке и выдвинулся храбростью и доблестью в атаманы.

Между тем Лжедмитрий II уже появился. В отличие от первого самозванца, его происхождение известно. Им стал нищий еврей Богданко, учитель из Шклова. Священник, содержавший школу, прогнал его за блудливость, и он бродяжничал, перебиваясь случайными заработками. В Польше в это время Сигизмунд как раз сумел подавить рокош, и, с одной стороны, участвовавшая в нем шляхта искала, куда бы скрыться от наказаний, а с другой – король распустил набранных для гражданской войны наемников. Оставшись без работы, они безобразничали и промышляли грабежами, готовые поступить на службу кому угодно. При этом от участников похода первого самозванца распространялись легенды о сокровищах России, о легкости побед над «московитами». Знали, что силы Москвы подорваны восстаниями. Идея буквально носилась в воздухе – эх, если бы найти нового «Дмитрия»! Первыми додумались паны Меховецкий и Зеретинский: взяли за шкуру подвернувшегося им бродяжку и объявили – тебе и быть «царем». Он пробовал удрать. Поймали в Пропойске и посадили в тюрьму. Пригрозили обвинением в шпионаже и вынудили согласиться. Отправили через границу в сопровождении какого-то «ляха», чтоб присматривал, и стали набирать войско – желающих хватало.

Лжедмитрий появился в Стародубе, где встретил Заруцкого. Атаман хорошо знал первого самозванца, но предпочел принародно «узнать» второго, за что стал его приближенным и был из казаков произведен сразу в «бояре». В войско им удалось набрать лишь 3 тыс. сброда. Но пришел Меховецкий с 5 тыс. воинов, Будила с отрядом конницы, присоединились запорожцы. И двинулись выручать Тулу. По дороге разграбили Карачев, Козельск. Но к Болотникову не успели. У Шуйского нашелся умелец, некий Мешок Кравков, взявшийся запрудить р. Упу. В Туле, и без того голодавшей, началось наводнение, уничтожившее последние запасы продовольствия. Горожане пошли на переговоры и капитулировали на условиях сохранения жизней. Туляков Шуйский действительно помиловал, мятежные дворяне отделались ссылками. Но «царевича Петра» повесили, Болотникова отправили в Каргополь и тайно утопили, а рядовых повстанцев разослали партиями по разным городам, и тех, кто очутился в московских тюрьмах, тоже втихую перебили.

Опасность нового «вора» царь недооценил, распустил армию по домам, полагая, что оставшиеся центры мятежа без труда усмирят отряды его воевод. Правда, и Лжедмитрий, узнав о падении Тулы, счел дело проигранным и удрал в Орел. Его догнали люди Меховецкого и вернули, он сбежал опять. Но по Польше уже шла молва о втором «Дмитрии», и многие шляхтичи, зачастую просто из желания поправить материальные дела, ринулись в авантюру. На дороге беглого «царя» встретили паны Валявский и Тышкевич с 1800 бойцов, перехватили и вернули. Появились банды других панов – Хмелевского, Хруслинского, при был и один из покровителей первого Лжедмитрия – Вишневецкий. Его тоже не волновало,

что «царь» стал другим. В ноябре войско подступило к Брянску. Три недели безуспешно осаждали его, затем на помощь городу пришел царский отряд Ивана Куракина. Зима была теплая, Десна не замерзла, и за ней «дмитриевцы» чувствовали себя в безопасности. Однако русские ратники вдруг бросились в ледяную реку, форсировали ее и ударили на лагерь, осажденные брянцы помогли им вылазкой. Многих «воров» побили, остальные отступили в Орел.

Подавить мятеж Шуйскому не удавалось. Взять Калугу его воеводы так и не могли. На помощь им царь отправил 4 тыс. амнистированных казаков Беззубцева, но они разложили осадное войско, подняли там бунт, верные правительству части бежали в Москву, а Беззубцев ушел к Лжедмитрию. За зиму его армия усилилась. Стекались разгромленные болотниковцы. Из Польши привели отряды Тышкевич, Тупальский, съездив на Дон, набрал 5 тыс. Заруцкий. Украинских казаков привел полковник Лисовский. Наконец, появился очень популярный среди шляхты князь Ружинский – он промотал все состояние, влез в долги и в Польше занимался открытым разбоем. Даже его жена во главе отряда гайдуков совершала грабительские набеги на соседей. Теперь он заложил свои имения и навербовал 4 тыс. гусар.

Ружинский вступил в конфликт с Меховецким и произвел переворот, собрав «рыцарское коло» (круг), где его избрали гетманом. Казачью часть войска возглавили Лисовский и Заруцкий, прекрасно поладивший с поляками. Со вторым «Дмитрием» никто не считался. Когда он пробовал протестовать против замены Меховецкого Ружинским, его чуть не отмузили и грозили убить. Поляки презрительно называли его «цариком» и заставили подписать «тайный договор» об уступке им всех сокровищ, которые будут захвачены в Кремле. А когда вновь прибывшие из Польши сомневались, тот ли это «Дмитрий», который был раньше, им отвечали: «Нужно, чтобы был тот, вот и все». Тут как тут оказались и иезуиты, до нас дошел проект их соглашения с «цариком» – разумеется, о введении на Руси католичества.

Войско к весне достигло 27 тыс. Причем, в отличие от болотниковцев, большую его часть составляли профессионалы – польская конница, наемная пехота, казаки. Но и «мужичьем» самозванец не брезговал. Раздувая пламя гражданской войны, издал указ, по которому имения дворян, служивших Шуйскому, конфисковывались и их могли захватывать холопы и крестьяне. Покатилась новая волна погромов и насилий. Царь по весне стал сосредотачивать армию в Болхове. Тут собрались 30–40 тыс. ратников. Но состав был неоднородным – и поместная конница, и отряды служилых татар, и иноземный полк. А главное, опять был назначен никудышный главнокомандующий – еще один брат царя, Дмитрий. Разведки он не вел, и вышедшие навстречу из Орла части самозванца неожиданно атаковали передовой полк. Он смешался, покатился назад, смяв и большой полк. Лишь смелая атака сторожевого полка Куракина спасла положение и отбросила врага.

Стороны начали разворачиваться к битве. Царское войско заняло удобную позицию за болотом. Но поляки применили хитрость. Нашли брод в стороне, а их слуги в отдалении стали гонять туда-сюда обозные возы, подняв над ними знамена и значки. Расстилающееся облако пыли, над которым мелькали эти значки, показалось воеводе огромной армией. Он струхнул и приказал увозить артиллерию, чтобы укрепиться в Болхове. Его части, увидев, что увозят пушки, тоже запаниковали и стали отходить. А поляки в это время успели форсировать болото и ударили во фланг. Отступление превратилось в бегство. Пушки бросили, в крепость Болхова набились кто сумел. Остальные катились дальше. В этих местах проходила одна из засечных черт от татар – деревоземляная стена с единственными воротами. Бегущих прижали к стене и рубили, пока они давились в проходе. Разгром был полным. Болхов сдался. Многие спасшиеся дезертировали.

Царь спешно собирал новые силы, назначив лучших полководцев. Армии Скопина-Шуйского приказал перекрыть Калужскую дорогу, а Куракина выслал на Коломен-

скую. «Дмитриевцы» тем временем разделились. Лисовский с казаками двинулся через Рязанщину, а Ружинский с «цариком» обошли полки Скопина западнее: через Козельск, Можайск и Звенигород. И внезапно в июне появились под стенами Москвы. Защищать ее было некому. Одна атака, и город пал бы. Но и Ружинский, не зная этого, потерял время. Ожидал подхода Лисовского, чтобы начать осаду с нескольких сторон. Долго выбирал место для лагеря и обосновался в Тушине. Скопин вполне мог нанести фланговый удар, однако в его войске обнаружилась измена. Он предпочел отступить в Москву, где заговорщиков арестовали – князей Катырева, Юрия Трубецкого, Ивана Троекурова сослали, рядовых соучастников казнили. Но родичи и близкие заговорщиков стали перебегать к Лжедмитрию – Дмитрий Трубецкой, Дмитрий Черкасский, за ними последовали ненавидевшие Шуйского князья Сицкий, Засекины.

А полки Лисовского приближались с юга. Обрастали повстанцами, их численность увеличилась до 30 тыс. Они захватили Пронск, Зарайск, Коломну. Пытавшийся оборонять Рязанщину Прокопий Ляпунов был ранен, его брат Захар разбит. Но на полпути между Коломной и Москвой, у Медвежьего Брода, Лисовского встретил Куракин. В упорном сражении разгромил, перебил множество врагов, захватил все пушки и освободил пленных. Лисовский с остатками воинства бежал к Ружинскому. План блокировать южные дороги к Москве сорвался.

Оборону столицы возглавил сам царь. У него набралось 30–35 тыс. воинов. Чтобы не подпускать врага к городу, они заняли позиции на Ходынке и Пресне. Но на генеральное сражение Шуйский не решался. Вступил в переговоры с Ружинским и содержащимися в Москве польскими послами Гонсевским и Олесницким. Соглашался заплатить наемникам Ружинского, соглашался отпустить на родину поляков, оставшихся в России после свержения первого самозванца, только бы подписать договор о мире с Польшей. И чтобы при этом Сигизмунд отозвал из стана Лжедмитрия своих подданных. (Как будто они послушались бы короля!) Послы тоже соглашались на все, лишь бы вырваться из России. Ратники за две недели переговоров расслабились, уверенные, что вот-вот подпишут мир. А Ружинский воспользовался этим и 25 июня нанес внезапный удар. Польская конница смяла полки на Ходынке и погнала, надеясь на их плечах ворваться в город. Но у Ваганькова врага встретили огнем московские стрельцы, повыбили и заставили повернуть назад. А царские части перешли в контратаку. Оторваться от легкой татарской конницы польские латники не могли, и их рубили, пока не вогнали в р. Химку. Обе стороны понесли большие потери, и от дальнейших приступов Ружинский воздержался, стал укреплять тушинский лагерь.

Сюда подходили новые польские отряды, толпы вольницы. Численность поляков достигла 20 тыс., казаков – 30 тыс., да еще 18 тыс. татар, да русские сторонники самозванца. Хотя эти данные требуют пояснений. При подсчете числа польских воинов в полках того или иного пана всегда указывалось лишь «рыцарство» – а каждого шляхтича сопровождали несколько слуг, пахолков, гайдуков, тоже вооруженных. И насчет казачества данные неоднозначны. Напомню, что это слово имело несколько значений. И применительно к Смуте часто невозможно разобрать, где и какие казаки имелись в виду – донские, запорожские или «воровские», т. е. вооружившаяся чернь. Даже и количество «запорожцев», которых русские источники выделяли, оказывается чересчур большим. Скорее к ним причислялись банды украинских поселян. Оружием владеть они умели, а на Руси открылись хорошие возможности для грабежа. Всего же в Тушине собралось более 100 тыс. разношерстного воинства, точное число не знали и сами начальники – одни уезжали в экспедиции, другие приезжали.

Но внешне все выглядело куда более солидно, чем у Болотникова. Польские паны казались более респектабельной публикой, чем повстанцы. Из знатных перебежчиков, которых «царик» производил в высокие чины, при нем возникла «боярская дума» во главе с Михаилом Салтыковым и Дмитрием Трубецким, и к самозванцу потянулись дворяне, кото-

рых он щедро жаловал поместьями, потянулись аристократы второго ранга, становившиеся у него боярами и окольными. Ему один за другим стали присягать города – Кострома, Вологда, Ярославль, Астрахань, Владимир, Суздаль, Псков. Некоторые присягали лишь для того, чтобы избежать налетов его банд. И даже бояре, верные Шуйскому, писали в свои вотчины, чтобы их старосты признали Лжедмитрия во избежание разорения. Недовольство царем зрело уже и в Москве – дескать, восстановил против себя «всю землю», довел дело до осады. Периодически были волнения. Но жители столицы знали, что прежнего «Дмитрия» нет в живых, и видели, что за банды пришли к ним. Поэтому сдаваться не собирались.

Города, оставшиеся на стороне царя, приводились в повиновение высланными из Тушина отрядами. Лисовский напал на Ростов, вырезав 2 тыс. человек. Митрополита Филарета Романова схватили, ради потехи нарядили в сермягу, посадили в телегу с полуголой шлюхой и отправили в свой стан. Но «царик» принял его любезно и назначил собственным патриархом – ведь священный собор одно время уже нарек таковым Филарета. Романов повел себя «гибко». Обличать самозванца не стал, но и на первые роли при нем не лез, занимался церковными делами и приобрел популярность у казаков, выступая защитником их интересов перед «цариком» и поляками.

Почти вся Россия покорила Лжедмитрию. В верности Шуйскому держались лишь отдельные районы. Рязань, где верховодил Ляпунов. Коломна, где воевода Прозоровский разгромил посланные против него полки Хмелевского, Млоцкого и Бобовского. Новгород отразил отряд Кернозицкого и отбросил его к Старой Руссе. Казань удерживал Шереметев, Нижний Новгород – Алябьев и Репнин. С гарнизоном из 750 стрельцов и городским ополчением они четырежды били вражеские отряды, а возглавлявшего их «изменного воеводу» Вяземского поймали и повесили. В затруднительном положении очутился в Смоленске Михаил Шеин. В его уезд вторгались шайки из-за границы, грабили крестьян, убивали, угоняли в полон, а воевода получил категорический приказ царя не предпринимать против них действий, чтобы не нарушить мира с Польшей. Выход Шеин нашел в том, что стал вооружать самих крестьян и формировать из них отряды самообороны для «неофициального» отпора налетчикам.

С той же целью – избежать войны с королем и добиться отзыва шляхты из России – Шуйский после подписания с польскими послами мирного договора отпустил их и всех захваченных поляков, взяв с Мнишек обещание не поддерживать «вора». Оно осталось пустым звуком. Юрий Мнишек тайно писал Сигизмунду, что это «истинный», спасшийся Дмитрий, призывая к интервенции, снесся с тушинцами, выражая желание воссоединить дочку с «супругом». Вместе с Мариной они всячески задерживали движение конвоя, везшего их к границе, и были настигнуты погоней. Поблизости, в Царевом Займище, обнаружился еще и отряд Яна Сапеги. В Польше он был осужден за участие в мятежах и разбоях, набрал 7 тыс. «рыцарства» и шел к Лжедмитрию. В Тушино двинулись вместе. Правда, служивший «царику» Мосальский и один из шляхтичей пытались предупредить Марину, что Дмитрий «не прежний», но она их заложила. Мосальский вовремя удрал к Шуйскому, шляхтича посадили на кол.

Три дня торговались с Ружинским. Мнишек претендовал на роль «маршала» при самозванце, а гетман уступать первенство не собирался. Сошлись на том, что «царик» дал папаше жалованную грамоту, обещая 1 млн. злотых и 14 городов. Мнишек при этом пытался оговорить, что Марина воздержится от супружеской близости до взятия Москвы, но у его дочери были собственные планы. Поддержали ее иезуиты, уверяя, что «для блага церкви» все дозволено. Один из них тайно обвенчал Марину с Лжедмитрием, и она разыграла комедию встречи с «мужем». А ее отец, поняв, что больше ему здесь ничего не светит, убрался домой.

С Сапегой Ружинский нашел общий язык. Подчиняться другому ни один из них не желал, и во избежание конфликтов разделились – Сапега отправился брать Троице-Сергиев

монастырь, о богатствах которого ходили сказочные слухи. К тому же монастырь прикрывал дороги для подвоза в Москву с севера. С Сапегой выступил Лисовский с казаками, вместе – 15–20 тыс. воинов. Шуйский об этом узнал, послал вдогонку войско под командованием брата Ивана. Противник развернулся и дал бой у дер. Рахманцы. Передовой полк Ромодановского атакой опрокинул авангард врага, стал теснить «лисовчиков», но Сапега с тяжелой конницей обошел в это время русских и ударил на сторожевой полк Головина. Тот смешался, при отступлении навалился на большой полк, приведя его в беспорядок. Только полк Ромодановского прикрыл отход и спас бегущих от полной катастрофы.

Поляки и казаки подступили к монастырю. Это была сильная крепость, имела 90 пушек, гарнизон под командованием Долгорукова-Роци и Голохвастова насчитывал 2–2,5 тыс. стрельцов, казаков, вооруженных слуг и крестьян. Но в монастырь набилось и множество мирных людей из окрестных селений, стада скота. Как писал современник, теснота была такая, «что иным приходилось родить младенцев при чужих, и никто со срамотою своею не скрывался». На предложения сдачи последовал отказ, архимандрит Иосиф и воеводы убеждали защитников стоять до конца. Противник окружил монастырь укреплениями, возвел 7 батарей из 63 орудий, начал обстрел. Сколачивали лестницы, «турысы на колесах» – передвижные деревянные щиты с бойницами для атаки. 13 октября в осадном лагере весь день пировали, а под вечер пошли на штурм.

Меткий огонь отрезвил атакующих, многих побили, а защитники предприняли вылазку, гнали и рубили бегущих.

Сапега начал вести минный подкоп. Об этом узнали от пленных, стали высылать разведку для поимки языков. Наконец узнали, что роют его под Пятницкую башню и порох заложат 8 ноября. Тогда 9 ноября из монастыря предприняли массированную вылазку. Крестьяне Шилов и Слота проникли в подкоп и взорвали порох вместе с собой. А другой отряд ворвался на вражеские батареи на Красной горе и разрушил их, захватив 8 пушек. Провалился и замысел Сапегу отвести из монастыря воду, спустив пруды. Осажденные раньше прокопали канаву и наполнили водой пруд, вырытый внутри стен. Тем не менее трудности были неимоверными. Дрова приходилось добывать на вылазках. Ядра, пущенные в крепость, поражали в тесноте кого попало. А с наступлением холодов людям пришлось впопалку набиваться в помещения, начались болезни. Но монастырь держался. Архимандрит и братия ободряли защитников покровительством св. Сергия Радонежского, напутствовали умирающих, тяжело раненных постригали, чтобы они преставились монахами.

В том положении, в котором оказалось государство, Шуйский решил сделать ставку на окраины и иностранную помощь. Шереметев получил приказ для деблокирования Москвы набирать рать в Поволжье из татар, башкир, ногаев. Обратились к крымскому хану. А в Новгород поехал Скопин-Шуйский, чтобы собирать ополчение северных земель и просить войско у врага поляков, шведского короля Карла IX. Однако ситуация в России уже начала меняться. Польское «рыцарство» вертело Лжедмитрием как хотело, само назначало себе фантастические оклады. Денег у него, разумеется, не было, а ждать захвата Москвы шляхта не желала. И от «царского» имени выправляла указы о сборе жалованья в тех или иных городах. Вылилось это в откровенные грабежи, насилия и погромы. Например, в добровольно покорившемся Ярославле «грабили купеческие лавки, били народ и без денег покупали все, что хотели». Насиловали женщин, а тех, кто пробовал защитить их или свое имущество, убивали. Порой обирали несколько раз, приезжая с одинаковыми указами и от Ружинского, и от Сапегу.

Кроме «сбора жалованья» началась кампания по подготовке к зиме и сбору продовольствия. Для устройства тушинского лагеря в деревнях отбирали и увозили избы, выгоняя хозяев на мороз. Опустошали запасы крестьян, обрекая их на голодную смерть. И не только брали, но и хулиганили – ради забавы пристреливали скотину, рассыпали зерно. Похищали

красивых баб, вынуждая мужей приходить потом в лагерь и выкупать их. А получив выкуп, часто догоняли и снова отнимали.

Некоторые паны «заживались» в деревнях, терроризируя крестьян, заставляя гнать для себя вино и развлекаясь с целыми гаремами захваченных девок, многие из которых, не вынеся позора, топились потом или вешались. Грамоты своего «царика» никто и в грош не ставил. И сохранились многочисленные челобитные дворян Лжедмитрию, что в пожалованных им поместьях угнездились поляки, бесчинствуя над крестьянами, а то и над женами и дочерьми помещиков. Дошли до нас и жалобы духовенства, что «вотчины, села и деревни от ратных людей разорены и пограблены и многие пожжены». Банды поляков захватывали монастыри, пытали монахов, вымогая «сокровища», заставляли обслуживать себя, подгоняя палками, а для потехи монахиням приказывали плясать и петь «срамные песни», за отказ убивали.

И те же города, которые присягали Лжедмитрию, уже в конце 1608 г. начали от него отпадать. В ответ последовали карательные экспедиции. Особенно свирепствовал Лисовский. Вместе с полком Щучинского они «сожгли Даниловский монастырь и умертвили всех жителей». Лисовский жестоко усмирил Ярославль, вырезал Кинешму и, как писал Петрей, дойдя «до городов Галича и Костромы, сжег их и отступил с огромной и богатой добычей». Людей сажали на кол, распинали, отбирали одежду и гнали нагими на мороз, матерей и дочерей насиловали на глазах детей и отцов. Но это лишь усиливало озлобление против пришельцев – едва каратели уходили, восстания возобновлялись, и попавшуюся «литву», назначенных Лжедмитрием воевод и чиновников, истребляли без всякой жалости.

Тем районам, которые сохраняли верность самозванцу, приходилось не лучше. Панским слугам, украинской вольнице, русским «воровским казакам» тоже хотелось погулять и пограбить. И они составляли банды, шастая там, где не рисковали нарваться на сопротивление. Атаман Наливайко во Владимирском уезде уничтожил зверскими способами 93 помещиков вместе с семьями, как жаловался «царик» Сапеге, «побил до смерти своими руками дворян и детей боярских и всяких людей, мужиков и жонок». Панские пахолки и «воры» измывались над крестьянами, подвергали пыткам, чтобы отдали последнее. И очевидцы писали, что «переменились тогда жилища человеческие и жилища диких зверей» – в деревнях кормились трупами волки и воронье, а народ разбежался по лесам, прятался в чащобах. На Руси настало то, что современники называли «лихолетьем».

Интервенция

Если на первом этапе Россию разоряли самозванцы и бандиты, то уже готовились вмешаться хищники покрупнее. Бедственным состоянием Москвы решил воспользоваться Сигизмунд. Успехи Лжедмитрия внушили ему, что справиться с русскими будет легко. И казалось, трехвековое противоборство Польши и Москвы приблизилось к завершению. А заодно и уния, ярым поборником коей был король, восторжествует во всей Восточной Европе. На мирный договор, заключенный с Шуйским, смотрели как на пустую бумажку, на местных сеймиках шляхта горячо поддержала призыв к войне. Но на сейм в январе 1609 г. король выносить этот вопрос остерегся, понимая, что на войну паны раскошеляться не захотят и кто-нибудь наверняка наложит «вето». А кто-то сочтет неразумным действовать на несколько фронтов – в Прибалтике шли боевые действия против Швеции. И Сигизмунд стал готовиться как бы сам по себе: усиливал подконтрольное ему «кварцное войско» (содержавшееся на «квартиру» – четверть доходов от коронных земель), провел закон, что военная служба дает отсрочку явки в суд для должников и преступников.

Об этих приготовлениях русская агентура доносила смоленскому воеводе Шеину. Но ответных мер Россия была не в состоянии предпринять. Скопин-Шуйский собирал рать в Новгороде и сразу был вынужден распылять ее. Восставшие против самозванца города Верхнего Поволжья могли выставить только неопытное ополчение, терпевшее поражения в столкновениях с поляками и казаками. Обращались за помощью к Скопину, и он рассылал отряды профессиональных ратников для организации из ополченцев боеспособных сил. 28 февраля удалось заключить договор со шведами. Российским бедствием Карл IX тоже воспользовался. Облапошил по всем статьям. Москва уступала Карелу (ныне Петрозаводск) с уездом, а шведы за это предоставляли 5-тысячный корпус и любое число добровольцев. Но содержать их должен был царь, и плату положили очень высокую – 100 тыс. руб. ежемесячно.

Однако выбирать не приходилось. Поляки разбили ополченцев под Суздалем и Романовом. В Москве было худо. Тушинцы намеревались взять ее в полную блокаду. Отряд, перерезавший было Коломенскую дорогу, разгромил стольник Дмитрий Пожарский, но все равно шайки перехватывали обозы с продовольствием, в столице цены на хлеб взвинтились, начался голод. Народ ругал Шуйского, доведшего Москву до такого положения, против него было несколько мятежей и заговоров. Царь уговаривал потерпеть, мол, скоро придет Скопин со шведами и Шереметев с татарами. Удерживал москвичей от бунтов и патриарх Гермоген. Сторонником Шуйского он не был, но понимал, что революция в условиях осады приведет к окончательной катастрофе.

Весной действия патриотических сил активизировались. Формировалось ополчение в Вологде, нижегородский воевода Алябьев, получив подкрепления из Казани, перешел в наступление, освободил Арзамас и Муром, романовские ополченцы нанесли несколько поражений полякам и изгнали их из Ярославля. А к Скопину прибыли иноземцы. Но выяснилось, что Карл IX опять схитрил. Швеция в это время уже начала создавать регулярную армию – города и сельские округа отвечали за формирование полков, их финансирование и снабжение. Но этих кадровых полков король не дал, а прислал такое войско, которое самим шведам ничего не стоило. Их вербовщики быстренько набрали по Европе бродячих наемников, грузили на корабли и отправляли в Россию, где они переходили на содержание царя.

Армия Скопина составила из 3 тыс. своих воинов и 15 тыс. немцев, финнов, шведов, шотландцев под командованием выходца из Франции Делагарди. Наемники тут же потребовали жалованья, и воевода лихорадочно переписывался с царем и городами, чтобы набрать хоть сколько-нибудь денег. К тому же Делагарди старался навязать «войну осад» – брать

по очереди присягнувшие Лжедмитрию окраинные города: Псков, Ивангород, Ям, Копорье. Наемникам это дало бы возможность пограбить, что они всегда делали в европейских войнах, а их служба затянулась бы надолго и невыплаты жалованья дали бы возможность шведам предъявить новые территориальные претензии. Скопина такое не устраивало, он требовал похода на Москву, чтобы разбить самого Лжедмитрия, – и тогда признавшие его города сами одумаются.

Тем временем Ружинский предпринял большой поход в Поволжье, осадил Ярославль. Сжег посад, предпринял несколько штурмов, но взять не смог и понес большие потери. В отместку, как писал Буссов, «разорил вконец область Ярославскую, истребив все, что ни встретил, не пощадил ни жен, ни детей, ни дворян, ни земледельцев». Лисовского и Просовецкого отбили от Владимира. В Нижний Новгород пришел Федор Шереметев – но собрать он смог лишь 3 тыс. ратников. А Скопин и Делагарди после долгих споров выступили 10 мая. Авангард под командованием Головина, Чулкова и Горна под Старой Руссой встретился с полком Кернозицкого. Польская тяжелая конница атаковала, однако Делагарди успел в свое время послужить в Нидерландах у Морица Оранского и обучил своих солдат его нововведениям. Гусары наткнулись на немецкую пехоту, ошетилившуюся копьями, а мушкетеры из прикрытия поражали врага огнем. Потом русские и немцы контратакой опрокинули поляков, и дворянская конница Чулкова довершила разгром. Взяли все пушки, Кернозицкий бежал, от «царика» тут же отложились ближайшие города – Торжок, Ржев, Старица, Невель.

Ружинский послал к Торжку полки Зборовского, Шаховского, казаков. По дороге они напали на «изменившую» Старицу, где воинов не было, и вырезали всех, вплоть до младенцев, а городок сожгли. Скопин, узнав о движении противника, усилил передовой отряд. Сошлись под Торжком, по 5–6 тыс. с каждой стороны. Конная атака Зборовского на немецкую пехоту опять кончилась плачевно. Две польские роты погибли. Но вторую атаку враг нацелил на прикрывавшую фланги русскую и французскую кавалерию, смял и обратил в бегство. Лишь вылазка из Торжка воеводы Чеглокова восстановила положение. Решающего успеха не добились, но Зборовский, понеся значительный урон, отступил к Твери.

Ружинский спешно собирал отряды панов, разошедшиеся с грабежами по стране. А Сапега, пока Скопин далеко, предпринял попытку захватить Троице-Сергиев монастырь. Зима и весна очень ослабили осажденных. Многие пали на вылазках, при обстрелах, только от эпидемий умерли более 2 тыс. С наступлением тепла, когда люди смогли разместиться на свежем воздухе, болезни пошли на убыль, но в монастыре осталось около 500 боеспособных защитников. Поляки восстановили батареи на Красной горе, готовили лестницы, деревянные щиты. Было решено ночью 27 мая подобраться к стене и атаковать. Гарнизон узнал и изготавился. На стены взошли даже женщины. И, когда враг полез на приступ, по словам Авраамия Палицына, «все люди градстии не дающе им щитов и Тарасов придвинути и лестниц приславивати, бьюще их подошвенного бою изо многих пушек и пищалей, и в окна колюще, и камене мечуще, и вар с калом льюще, и серу и смолу зажигающе метяху, и известью засыпающе скверные их очеса». К утру противник откатился.

Ружинский 5 июня попробовал овладеть Москвой. Его конница переправилась через р. Ходынку и атаковала московскую. Но русская кавалерия раздалась в стороны, и перед поляками оказались гуляй-городки с пушками, ударившими точным огнем. А когда враг перегруппировался и пустил пехоту на штурм гуляй-городков, с флангов навалилась русская конница. Преследовали и загнали в Ходынку, перебив более 400 человек. 25 июня последовал еще один штурм, и снова с жалким результатом. Русские захватили несколько орудий, а часть отступающих неприятелей отрезали и прижали к Москве-реке, многие утонули. Сапега же 28 июня повторил попытку атаковать монастырь. Согнал окрестных крестьян, заставив их нести щиты и лестницы. Но опять был отбит, потеряв сотни бойцов.

Перешел в наступление Прокопий Ляпунов из Рязани, отогнав поляков от Коломны. Шеин по приказу царя выделил 3 тыс. смоленских ратников под командованием Барятинского. Они освободили Дорогобуж, Вязьму, Белый и соединились с армией Скопина-Шуйского. 11 июля войско подступило к Твери. У Зборовского было 9 тыс. воинов против 18 тыс. русских и наемников, и он получил от Ружинского приказ беречь людей до подхода подкреплений. Скопин навязал ему битву. Но хлынул ливень, намочивший порох и фитили мушкетов и пушек. Пользуясь этим, польские копейщики ударили на фланговый отряд французской конницы, она бежала, внося беспорядок в ряды стоявших за ней русских и шведов. Финны и немцы покатались назад, а по пути стали грабить обоз. Шведы бросились защищать свое имущество. Скопину и Делагарди, получившему три ранения, пришлось отступить.

Масштабы своей победы и потери противника Зборовский сильно переоценил, потерял бдительность. А через день, переждав дожди и восстановив порядок в войске, Скопин вдруг атаковал. Рано утром русские ратники ворвались в построенный поляками острог, пошла рубка. Опомившись, враг стал отчаянно защищаться. Но Скопин лично возглавил удар резервной группировки, и разбитые части Зборовского, потеряв артиллерию и знамена, отступили прочь. Увы, вмешался новый фактор. Наемники после понесенного урона поняли, что война предстоит более серьезная, чем они предполагали. И, вопреки приказам воеводы, решили брать Тверь, вознаградить себя грабежом. Штурмовали сами, без русских, и крепко получили. Это еще более обозлило иноземцев, они стали требовать жалованья и взбунтовались, отказываясь идти дальше. Командиры с ними ничего не могли поделать, и они ушли обратно к границе. С ними отправился и Делагарди, пообещав вернуть их, когда поступят деньги. По дороге союзники вели себя не лучше поляков, грабя всех подряд.

У воеводы осталось лишь 6 тыс. своих ратников и 1 тыс. шведов полковника Христиерна Зомме, с которым было заключено особое соглашение о переходе на русскую службу. Тогда Скопин повернул на север, чтобы соединиться с ополчениями поволжских городов. Местом сбора он назначил г. Калязин. Лагерь разбил в удобном месте у Макарьевского монастыря, где в Волгу впадает болотистая речка Жабна. Реки прикрыли две стороны лагеря, третью защитили полевыми укреплениями: валом, частоколом и рогатками от конницы. Сюда прибыли костромское ополчение Жеребцова, отряд Валуева из Москвы, ярославцы. Воевода рассылал станицы, набирая в войско «мужиков». А Зомме и его солдат назначил инструкторами, обучая своих воинов, как пишет Виндекинд, «фламандскому обычаю», то есть тактике Оранского: строю, равнению подразделений, сочетанию защиты длинными копьями и ружейного огня. Ведь русским, как и голландцам, требовалось выдерживать удары рыцарской конницы и панцирной тяжелой пехоты. И тактика, продемонстрированная Делагарди, уже показала высокую эффективность. Для русских, кстати, эта тактика не была абсолютно новой. Как уже отмечалось, нечто подобное – массированный огонь стрелков, прикрытых полевыми укреплениями, применяли казаки. Теперь их приемы дополнялись западными усовершенствованиями, а частям придавалась правильная организация.

В тушинском лагере решили разгромить Скопина, пока он недостаточно усилился. Под Калязин отрядили полки Микулинского, Сапеги, Зборовского, Лисовского, Костенецкого. Зборовский соединился с Сапегой у Троице-Сергиева монастыря, и 31 июля совместными усилиями они сделали последнюю попытку штурмовать обитель, где оставалось всего 200 ратников. Это было чудом, но атаку опять отразили. А дальше полякам стало уже не до монастыря. У Рябовой пустыни, недалеко от Калязина, под командованием Сапеги собралось около 20 тыс. войска. Но выяснилось, что и русская армия успела вырасти до такой же численности, хотя у поляков основную часть составляла конница, у Скопина – пехота.

18 августа Сапега бросил гусар Микулинского в атаку на русский лагерь со стороны открытого поля. Однако выставленные рогатки заставили несущихся всадников остановиться, а стрелки поражали их огнем. Отступив, поляки стали предпринимать demonstra-

ции, накатываясь и притворно удирая, чтобы выманить русских из-за рогаток. Но те не клюнули и укрытый не покинули. Тогда Сапега решил ударить в другом месте и ночью стал переправляться через Жабну. Скопин это предвидел, выдвинув сюда полки Головина, Жеребцова, Валуева и Барятинского. «Ясаком» (боевым кличем) на этот день воевода назначил «Святой Макарий» – призывая в покровители преподобного Макария, основателя Калязинского монастыря. Выждали, дав возможность части врагов переправиться и разделить силы, и напали. Опрокинули, побили, многие завязли и тонули в болоте. А русские сами форсировали Жабну и перешли в наступление. Сапега привел свои части в порядок, и «бысть сеча зла». Она продолжалась 7 часов. Полки Скопина одолели, враг был разбит и ушел. Молва о победе широко разошлась по Руси, и, кстати, по этому случаю вошло в обычай молитвы об избавлении от вражеского нашествия обращать к св. Макарию Калязинскому.

Хотя на самом деле до избавления в августе 1609 г. было далеко. На южных рубежах появилась крымская орда во главе с царевичем Джанибеком. К хану царь тоже обращался, широко распропагандировал, что татары идут как союзники. Но крымцы повели себя так, как привыкли. Дратся с «ворами» не собирались, зато погромили Тарусу, разорили окрестности Серпухова, Коломны, Боровска – и ушли, угоняя полон. И народ проклинал Шуйского за таких «союзников».

В это время важное событие случилось и в Лифляндии. Гетман литовский Ходкевич, лучший полководец Речи Посполитой, имея всего 5 тыс. бойцов, в пух и прах разгромил 8-тысячный шведский корпус, чуть не захватив в плен короля Карла IX. И Швеция пошла на заключение двухлетнего перемирия. А Турция все еще не выпуталась из драки с Ираном... В общем, создались хорошие условия для похода на Россию. Повод был налицо – союз Шуйского со шведами. Но этого Сигизмунду показалось мало, он приказал канцлеру Лубенскому составить манифест, где на первый план выставлялся другой повод: что некогда польский король Болеслав посадил на киевский престол князя Изяслава Ярославовича. Правда, Болеслава с Изяславом киевляне быстро выгнали, но такую «мелочь» опустили. Сажал на престол – и все тут. Значит, русские князья стали вассалами польских королей. А раз род этих вассалов пресекался, Сигизмунд имеет право распорядиться «выморочным имуществом». Словом, подводилась юридическая база для полного завоевания России. А один из приближенных короля, Пальчевский, выпустил труд, где обосновывалось, что Россия должна стать для поляков «Новым Светом». Русских «еретиков» надо перекрестить и также обратить в рабов, как испанцы индейцев.

О конкретных планах возник спор. Коронный гетман Жолкевский предлагал наступать на ослабленную мятежами Северщину, а литовский канцлер Лев Сапега, дядя бродившего по Руси Яна, и бывший посол, велижский староста Гонсевский, убеждали идти на Смоленск. Тут играли роль корыстные соображения – Смоленщина примыкала к их владениям и досталась бы литовским панам. Но добавились сообщения разведки, что большая часть смоленских ратников ушла к Скопину, из 4 стрелецких приказов остался 1 и город должен будет сдаться без боя. Да и путь через Смоленск на Москву был короче – по опыту самозванцев полагали, что русские города сами откроют ворота королю, а бояре предпочтут его непопулярному Шуйскому.

С формированием армии возникли проблемы. Самая буйная шляхта ушла к самозванцу, а остальные на службу не спешили. И король смог выступить в конце лета, набрав лишь 12,5 тыс. воинов. Но ведь считалось, что достаточно будет демонстрации силы! Однако вышло не так. Смоленск был одним из крупнейших городов России с населением 70 тыс., богатейшим центром торговли. И мощнейшей крепостью – стены достигали 6,5 км длиной, высотой 19 м, имели 38 башен, 3 яруса бойниц – «подошвенный бой», «средний бой» и «верхний» – между зубцов. В распоряжении воевод Шеина и Горчакова было 170 пушек. Ратников и впрямь не хватало. Но Шеин давно создавал отряды самообороны. Поэтому у

него было не 500 бойцов, как считали поляки, а 5400. Оборону возглавил земский совет горожан при воеводе. Он принял решение сжечь посады, находившиеся за пределами крепости, и стоять до конца.

Король распространил воззвание, будто он, узнав о бедствиях соседей, пришел как благодетель – остановить междоусобицы, водворить мир и спокойствие. Если же вы, мол, отвергнете братскую помощь, то «предадите жен ваших, детей и свои дома на опустошение войску нашему». Смолене сдаваться отказались. 25 сентября поляки устроили штурм, решив ночью подорвать петардами Копытинские и Авраамиевские ворота. Осажденные своевременно предприняли меры – перед воротами были установлены срубы, наполненные землей, и между стеной и срубом оставался узкий промежуток, где к воротам приходилось идти гуськом, по одному. Когда прогремели взрывы и атакующие, теснясь, полезли в эти проходы, русские их встретили, побили и выгнали. Последующие два дня враг снова лез в безрезультатные атаки, а отбив их, защитники вообще наглухо завалили ворота землей и камнями.

Пришлось начинать осаду. Хотя у короля были только легкие пушки и в перестрелках осажденные брали верх, их ядра долетали до батарей и лагерей поляков. Жолкевский предлагал оставить отряд для блокады и идти на Москву. Но отступить король считал позором для себя. Оставлять крепость в тылу казалось опасным, и уж больно соблазнительной добычей она выглядела. Число воинов Сигизмунда увеличилось, к нему пришли 10 тыс. запорожцев. Потом на его сторону перекинулся атаман Наливайко. За бесчинства на Владимирщине на него гневались Лжедмитрий и «тушинские бояре», и он ушел к королю. А потом нахлынули до 30 тыс. запорожцев под командой Олевченко. Тут уж число чересчур большое, речь явно шла об украинской вольнице, понадеявшейся на поживу. Эти 30 тыс. в осаде почти не участвовали, но затопили бандами западные русские уезды, перекрыв все дороги и создав тем самым внешнее кольцо окружения Смоленска.

А вот от панов, служивших «вору», Сигизмунд помощи не дождался. Наоборот, они собрали «рыцарское коло», возмущившееся, что король пришел «на готовенькое». Делиться гипотетическими сокровищами они не собирались и направили монарху гневную петицию: мол, если кто-то «станет препятствовать нам получить свои выгоды в московской земле, то мы уже не будем уважать в таком враге ни отечества, ни государя, ни брата». Тушинцы еще делали попытки овладеть Москвой. Пробовали ужесточить блокаду и вызвать голод, но атаман Сальков, орудовавший на Владимирской и Коломенской дорогах, был разгромлен Пожарским. Переманив на свою сторону отряд служилых казаков, тушинцы захватили подмосковное Красное село. Однако дальнейшего развития успех не получил – пришлось сжечь село и отступить. Заслали диверсантов, которые подожгли внешнюю стену укреплений – Деревянный город. Выгорело 40 сажен, но остальное москвичи потушили, быстро заделав дыру.

Сапежинцы на Троице-Сергиев монастырь больше не нападали, хотя пробовали пойти на хитрость. Зная о малочисленности защитников и начавшемся у них голоде, выпустили поблизости большое стадо скота, чтобы выманить гарнизон на вылазку и перебить. Осажденные их перехитрили. Долгое время делали вид, что приманкой не интересуются, а когда усыпили бдительность поляков, вдруг выскочили и захватили стадо, надолго обеспечив себя продовольствием.

Ну а Скопин после победы под Калязином наступление приостановил. В разоренном Подмоскovie армию было бы трудно снабжать. А тушинцы расставили отряды в Переславле, Ростове, Александровской слободе, Дмитрове, Суздале, и при подходе к столице войско попало бы в блокаду вместе с москвичами. Был принят другой план – продолжать собирать части вне Москвы, постепенно теснить врага и очищать от него окрестности столицы. Высланные воеводой отряды Головина и Валуева внезапной ночной атакой взяли Переславль. В результате полк Лисовского в Ростове очутился в полуокружении и отступил в

Суздаль. Скопин и царь рассылали по городам письма, собирая ратников, продовольствие, деньги. Прибывающих ополченцев обучали шведы.

В условиях вмешательства Польши союз с ними приобрел новое значение. Активизировалась переписка с Делагарди. Ценой больших усилий ему все же собрали часть жалованья деньгами, мехами, тканями. Но его разложившиеся наемники были ни на что больше не годны. Делагарди распустил большинство из них (точнее, они сами ушли), с ним остались лишь 2 тыс. Выборгский договор нарушили уже обе стороны. Русские не могли своевременно платить огромное жалованье, а шведы не участвовали в боях 5-тысячной армией, так что Карела могла им улыбнуться. Карл IX нажал на Делагарди, тот спешно выступил с наличными ротами к Скопину, а генерала Горна послал набирать новых наемников.

9 октября врагу нанесли очередной удар. Валуев и Головин, разгромив польский гарнизон, взяли Александровскую слободу и по приказу Скопина начали строить там острог. Русские и раньше были сильны в полевой фортификации, поляки не раз укоряли их в нежелании воевать «по-рыцарски», в поле. Ну да зачем лишние потери нести? Вернее и умнее было поражать противника из укрытий. Скопин-Шуйский на основе иноземного опыта развил эту тактику. Жолкевский писал, что «Скопин, где только ему приходится сражаться, везде строит, как нидерландцы, крепости». Методика себя оправдала. Передовые отряды возводили остроги, в них переходили и размещались основные силы, закрепляя территорию и стесняя противника. И от острогов шло дальнейшее продвижение. Сапега и Ружинский, собрав 10 тыс. конницы и неизвестное число пехоты, решили отбить Александровскую слободу. 28 октября налетели, разгромили заставы русской кавалерии и «топташа до самых надолб». А дальше уткнулись в укрепления и попали под огонь. Из-за засек и надолб контратаковала дворянская конница, «клевала» и снова укрывалась за укреплениями. После целого дня боя противник, понеся большой урон, убрался прочь.

Очередная победа чрезвычайно подняла престиж Скопина. Блокада Москвы была фактически разрушена. 23-летнего полководца славили по всей стране. А царь, его дядя, опять потерпел поражение – посланная им под Коломну рать Мосальского была вдребезги разгромлена паном Млоцким. Авторитет Василия Шуйского падал, и рязанский лидер Прокопий Ляпунов прислал Скопину предложение произвести переворот и принять корону. Воевода с возмущением отказался, демонстративно порвав грамоту. Но и закладывать Ляпунова не стал, царь узнал об этом по другим каналам и затаил недоверие.

В Александровскую слободу стягивались свежие контингенты. Пришел Шереметев из Поволжья, из Москвы – ратники Куракина и Лыкова. Армия достигла 30 тыс. Хотя действовал Скопин по прежней тактике. Послал отряд из 300 конников, прорвавшийся в Троице-Сергиев монастырь и подкрепивший гарнизон. Другой отряд встал по соседству с монастырем, в с. Хребтово, угрожая осаждающим. Отряды Хованского и Барятинского заняли Ростов и Кашин, Чеглоков побил врага у Бежецкого Верха. В ноябре полк Головина тоже был двинут к Троице-Сергиеву монастырю, поставив острожки у сел Ботово, Константиново, Заболотье. Отсюда тревожили противника, перехватывали фуражиров. И вынудили Сапегу атаковать острожки – 15 ноября на них пошли 3 полка конницы, 20 ноября – 4 полка. Ничего, кроме потерь, это полякам не принесло. Через поредевшее кольцо осады в монастырь прорвался Жеребцов с 900 ратниками. А за ним – 540 воинов Валуева. Вместе сделали вылазку и дали сражение на Климентьевском поле. 12 января 1610 г. Сапега снял осаду и ушел на Дмитров. Полуторогодичная оборона Троице-Сергиева монастыря кончилась победой защитников.

В тушинском лагере поражения вызвали разлад, который усугубился прибытием послов Сигизмунда. С «цариком» они даже увидаться не пожелали и повели переговоры сугубо с панами, уговаривая их отправиться под Смоленск. Но те своими «корыстями» жертвовать не желали. Высчитали, что самозванец должен им... от 4 до 7 млн. руб. И соглашались

идти к Сигизмунду, если тот заплатит эту сумму. Подобная фантастическая цифра вогнала послов в шок, они умоляли сбавить требования до разумных, пробовали расколоть «рыцарство», выискивая самых податливых. Дошло до драк и перестрелок. Лжедмитрию угрожали, его хаяли. И он, испугавшись, что им пожертвуют, переоделся в крестьянское платье и сбежал в Калугу. Тут уж пошел полный разброд. Брошенная «мужем» Марина соблазняла панов, пытаясь играть роль самостоятельной лидерши-«царицы». Но ее никто не воспринимал всерьез, и она тоже сбежала – в Дмитров к Сапеге. А тут и след «царика» отыскался, он разослал воззвания, объявив поляков изменниками, и требовал истреблять их. Казаки вознамерились идти в Калугу. Заруцкий с Ружинским напали на них и перебили до 2 тыс. Но часть казаков озлобилась и ушла, а в отместку за избиение атаман Беззубцев истребил польский гарнизон в Серпухове.

Куда успешнее были контакты послов с «тушинскими боярами». Филарет Романов, Дмитрий Трубецкой, Михаил Салтыков, Рубец-Мосальский, дьяк Грамотин и другие Шуйского не особо любили, но и «царика» презирали. И после переговоров сочли, что возможен компромиссный вариант, который мог бы и русскую Смуту замирить, и Польшу удовлетворить: пригласить на царствование королевича Владислава. Но о подчинении России полякам речь отнюдь не шла. Были выработаны предварительные условия, 18 пунктов, по которым королевич должен быть крещен в православие (так же, как Сигизмунд перешел в католичество при избрании на польский трон), оговаривалась территориальная целостность страны, незыблемость Православной Церкви, запрет строить в России костелы и пускать жидов, вводить унию – «чтобы учителя римской и люторской веры не учинили разорвания в церкви», править новый царь должен был «по старине», а если понадобится изменить русские законы, то делать это лишь после совета с Думой на Земском соборе – «и то вольно будет боярам и всей земле».

С этими пунктами посольство во главе с Салтыковым и Андроновым поехало под Смоленск, где дела у короля шли неважно. Легкие пушки не могли сокрушить стен крепости. Поляки стали вести минную войну. Но талантливый архитектор Федор Конь при строительстве это предусмотрел. Под стеной имелись галереи-«послухи» с особой акустикой, позволяющие определить, где роются подкопы. 16 января смоляне встречным ходом докопались до минной галереи, втащили под землю пушку и расстреляли картечью вражеских саперов, а подкоп начинили порохом и обрушили. 27 января прорылись до второй мины, снова применили пушку, но зарядили ее ядром «со смрадом» – серой и другими дымовыми веществами. Выкурили противника и подорвали галерею. Третью взорвали 14 февраля, похоронив саперов и французских инженеров. Из-за этих неудач послы «бояр» встретили самый ласковый прием. Польские сенаторы поспорили лишь по нескольким пунктам – вроде разрешения построить в Москве хотя бы один костел. Насчет крещения королевича в православие отвечали уклончиво, хотя в целом сочли, что эти статьи могут стать «предварительным» договором. Дескать, потом их должен будет утвердить сейм. Чего сейм, конечно, не сделал бы – зато пока договор вполне годился для агитации русских за короля.

Скопин продолжал одерживать успехи. Куракин и Лыков обложили Сапегу в Дмитрове. Штурмовать его было трудно, но стрелки на лыжах вертелись у стен, сбивая защитников.

Выманивали польскую конницу, она вязла в снегу, а лыжники поражали ее и убегали под прикрытие леса. Марина сама носилась по стенам, вдохновляя осажденных, однако настроение у них становилось все более кислым. Наконец Сапега сжег Дмитров, бросил тяжелые пушки и ушел к Волоколамску, а «царица» его предложение вернуться в Польшу отвергла и в мужской одежде с отрядом из 300 казаков отправилась к Лжедмитрию в Калугу. Отряд Валуева взял Можайск. А главные силы русской армии приближались к столице. Уже не думая о сопротивлении, тушинский гетман Ружинский 6 марта 1610 г. объявил: кому куда

угодно, пусть туда и идет, – и зажег лагерь. Хлынули кто к Лжедмитрию, кто к Шуйскому, каяться, кто к границам. 12 марта Скопин-Шуйский вступил в Москву, встреченный как национальный герой.

Тушинцы и сапежинцы собрались под Волоколамском, где окончательно переругались, на сходке передрались, Ружинский получил травму и умер. И силы разделились. Одни безоговорочно ушли служить королю – Заруцкий и 3 тыс. казаков, касимовский царь Ураз-Мухаммед, часть поляков. Сапега предпочел союз с Лжедмитрием. А часть во главе со Зборовским продолжила торговаться с королем из-за жалованья. Хотя требования снизила до 100 тыс. злотых и просила выплатить их наличными или дать ассекурацию (по польским законам это означало, что недополучившие жалованье имеют право сами собрать его в королевских имениях – примерно так же, как в России, грабежом). У Сигизмунда ни денег, ни желания выдавать ассекурации не было, и торг затянулся.

Но хотя Смоленск отбивался, поляки одерживали победы в других местах. Запорожцы атамана Искорки взяли и сожгли Стародуб, отряд Запорожского овладел Почепом – 4 тыс. горожан были перебиты. Киевский подкоморий Горностаи захватил Чернигов, полностью его разграбив. Сигизмунд выразил неудовольствие, ведь эти города и их население должны были отойти к Польше. Поэтому с Новгородом-Северским обошлись мягче: горожане сдались на условиях «смоленских статей» о призвании Владислава. Гонсевский измором взял Белый.

И Скопин-Шуйский готовился к походу против Сигизмунда. Пережидая весеннюю распутицу, провел учения своих войск, выслал очистить дорогу авангард Валуева. Прибывали свежие силы. С запада шли Горн с 4 тыс. наемников и новгородское ополчение Одадурова. К ним навстречу Скопин направил отряд Хованского. Вместе разгромили поляков под Ржевом, интервенты бежали, многие утонули в Волге. Но те, что удрали за реку, отомстили: подожгли Ржев, а толпу горожан, в основном женщин и детей, выгнали на берег и на виду русско-шведского войска жутко мучили и истребляли их, вспарывая животы, отрезая бабам груди, отрубая руки и ноги, вытягивая жилы. После такого, захватив Погорелое Городище, поляков в плен не брали, убивали всех. Хотя те, кто сумел вырваться, опять отыгрались на местных жителях.

Взяв Зубцов, рать Горна и Одадурова соединилась с Валуевым и ударила на Волоколамск, где все еще находились крупные силы тушинцев во главе с Руцким. Осадили, стеснили «острожками» – и оставили свободной дорогу по плотине через р. Ламу, где Валуев разместил засаду в 500 человек. Когда гарнизон стал уходить, сделали вид, что его нерешительно преследуют. А затем последовало нападение из засады, и на плотине перебили 1,5 тыс., захватив все обозы и пушки. В Иосифовом Волоколамском монастыре были взяты и представители знати во главе с Филаретом. Они уже вообще не знали, куда деваться, и находились при тушинцах в совершенно неопределенном положении. Их отправили в Москву, и Шуйский счел за лучшее объявить популярного Ростовского митрополита освобожденным пленником. Казалось, можно выступать на Смоленск. Но пока суд да дело, в Москве шли сплошные пиры и праздники, всюду приглашали и чествовали Скопина-Шуйского. И на крепостинах у Воротынского ему внезапно стало плохо. 23 апреля молодой полководец скончался. Сразу же пошли упорные слухи об отравлении. В числе виновных называли и царя, увидевшего в племяннике претендента на корону, и Дмитрия Шуйского – метившего на престол после бездетного брата. Так было или нет, но популярности Шуйских трагедия отнюдь не способствовала. И военным успехам тоже. Главнокомандующим великолепной 40-тысячной армией, созданной и обученной Скопиным, был назначен опять Дмитрий Шуйский.

Россия в хаосе

Возглавив армию, Дмитрий Шуйский начал перетасовки и разделил силы. Иностранцев из передовых отрядов отозвал к себе, а к авангарду Валуге отправил еще 10 тыс. русских ратников. Валуге по старому, скопинскому, плану построил острог у Царева Займища и ждал основные силы. Но они застряли между Москвой и Можайском, ожидая тех же наемников. Которые вдобавок замитинговали, требуя жалованья. Воевода писал к царю, царь писал в города, собирая средства. Наконец сообщил, чтобы войско шло в Можайск, а туда прибудет и жалованье. Поляки о походе узнали. Навстречу выслали коронного гетмана Жолкевского, хорошего полководца и еще лучшего дипломата. Он начал распространять и пропагандировать смоленское соглашение с тушинцами – дескать, король пришел не как завоеватель, а хочет лишь умиротворить несчастную Россию и готов дать в монархи своего сына взамен «воров» и узурпатора Шуйского. Но войск Жолкевскому выделили всего ничего – 6 тыс. Предполагалось, что присоединятся те, кто прежде служил Лжедмитрию. И действительно, примкнули Заруцкий с казаками, Михаил и Иван Салтыковы с отрядом русских тушинцев. А поляки Зборовского все еще торговались, требуя свои 100 тыс.

Валуге донесли о приближении врага. Дорога к Цареву Займищу вела через плотину, и он решил повторить прежний прием, устроив засаду. Однако и Жолкевский был не прост. Его разведка засаду обнаружила. Гетман сделал вид, что вечером переходить плотину не собирается, стал располагать части лагерем на подступах к ней. А ночью казаки совершили обход по дну спущенных прудов и напали на засаду. Валуге бросил в бой подкрепления, но и Жолкевский уже пустил по плотине тяжелую конницу. Русских смяли, и они отступили в острог. После этой победы Зборовский одумался – оставаясь в стороне, можно было вообще без жалованья и трофеев остаться – и привел гетману 4 тыс. «рыцарства». Лезть на острог Жолкевский не стал. Вместо этого начал строить вокруг свои острожки, чтобы перекрыть дороги и блокировать русским подвоз продовольствия. Валуге послал гонцов к Дмитрию Шуйскому.

Просьба о помощи застала армию в Можайске. Сюда действительно привезли деньги и меха для уплаты иноземцам. Но Делагарди пожадничал. Узнав о близости Жолкевского, решил раздать жалование после битвы – когда количество наемников поубавится. В победе не сомневались, русских и иностранцев было 30 тыс. А чтобы противник не удрал, Шуйский задумал обходной маневр через Гжатск. Напасть на Жолкевского с фланга, прижать к острогу Валуге и уничтожить. У гетмана было всего 12 тыс. Но действовал он решительно и дерзко. Оставив в осадных острожках около 3 тыс., артиллерию и всех слуг и обозных, чтобы изображали видимость войска, он с 9 тыс., взяв лишь 2 легких пушки, двинулся на Шуйского напрямую, лесными тропами.

Царская рать 23 июня остановилась у дер. Клушино. Вели себя беспечно. О разведке воевода и его «военспец» Делагарди даже не подумали, постов на дальних подступах не выставили.

Лагерь русских и 5 тыс. наемников с трех сторон окружал лес, а с четвертой укреплять поленились, сочли, что хватит деревенского плетня. Плюс окружили себя обозными телегами. Всю ночь Шуйский и Делагарди пировали, хвастаясь пленить Жолкевского. А он обрушился на рассвете – специально с музыкой, трубами, поджег деревенские избы. Но, несмотря на возникшую панику, стрелки из-за плетня встретили врага пулями и остановили. Гетману пришлось перестраиваться, и царская армия сумела развернуться к битве. На правом фланге – наемники, на левом и в центре – русские. Но полки Шуйский построил по старинке, впереди поместную конницу, а за ними – пехоту.

И на эту конницу ударили сомкнутым строем польские латники. Левофланговый полк Андрея Голицына разгромили и рассеяли. Помощь большим полком Шуйский не оказал. Центр отчаянно рубился, погиб Барятинский, был ранен Бутурлин. А пехота не могла отразить врага огнем, заслоненная собственной кавалерией, которую несколькими атаками все же сбили с позиций, и она, откатываясь, смяла строй пехоты. Воины отступили в лагерь из телег, откуда отбили дальнейший натиск. На правом фланге иноземцы сражались правильно, выставив вперед пехоту, били противника залпами из-за плетня. Пока поляки не подтащили 2 пушки, шарахнувшие по ним картечью. Наемники отошли в свой лагерь. Делагарди пытался выправить положение контратакой французской и английской конницы, но неприятель их сразу опрокинул и на их плечах прорвал боевые порядки армии, расчленив ее на две части.

Войска очутились в двух изолированных лагерях – наемники и русские. Еще не все было потеряно, к Шуйскому стекались разбежавшиеся ратники, а Жолкевский тоже понес значительный урон и соображал, что делать дальше. Собирался уходить. Но после последней неудачной контратаки в русский лагерь отступили и начальники иноземцев, Делагарди и Горн. А оставшиеся без командиров наемники и без того были возмущены задержкой жалования. И прислали к гетману парламентаров. Воспрянув духом, он тут же послал к ним переговорщиков, наобещал золотые горы и переманил на польскую службу. Делагарди получил известие, что в его лагере неладно, примчался, стал раздавать присланное жалование, но французы, немцы, англичане уже вышли из повиновения, сами принялись грабить обоз и уходить к полякам. Поняв, что дело плохо, Делагарди тоже вступил в переговоры и заключил с Жолкевским «сепаратный мир», позволяющий шведам свободно уйти за обещание не воевать на стороне русских.

А наемники, растащив пожитки собственных командиров, кинулись грабить русский обоз. В войске возникла паника. Дмитрий Шуйский дал приказ отходить и побежал первым. Разумеется, и отступление его подчиненных после этого превратилось в бегство. Главнокомандующий потерял в лесу коня, утопил в болоте сапоги и появился в Можайске без армии, босиком на крестьянской кляче, на все расспросы отвечая, что все пропало. Поляки захватили богатейшие трофеи, усилились 4 тыс. иностранцев. Валуев, узнав о катастрофе, пришел к выводу, что воевать за бездарных Шуйских бессмысленно. С ним вступил в переговоры Салтыков, и на условиях смоленского соглашения рать из Царева Займища тоже присоединилась к Жолкевскому.

Под Смоленск тем временем подвезли огромные осадные орудия из Риги. Началась бомбардировка. Была пробита брешь в Грановитой башне, и 19 июля на штурм пошла немецкая и венгерская пехота. На другие участки, чтобы отвлечь осажденных, бросили казаков с лестницами. Их отбили огнем, ворвавшихся немцев вышибли контратакой. Но обстрел продолжился, в западной стене образовался пролом в 2 сажени. И 20 июля массированный штурм повторился, первым эшелоном шли пехотинцы, вторым – казаки, третьим – спешенные рыцари в блестящих доспехах. Задние эшелоны отсекали огнем, а прорвавшихся в брешь немцев и венгров почти всех истребили.

Царь же в отчаянии снова обратился в Крым. На Оку пришел Кантемир-мурза с 10 тыс. всадников. Шуйский послал к нему на соединение всех, кого смог собрать, во главе с Воротынским и Лыковым и богатыми дарами. Кантемир дары принял и... ударил на отряд Лыкова. Разогнал, набрал полон и удалился. На Руси настал уже полный развал. Шуйским служить не желали, ратники дезертировали по домам. Жолкевский, двигаясь к Москве, слал туда агентов с подметными письмами, агитируя признать смоленское соглашение. Идея нашла отклик среди бывших в столице смоленских и брянских дворян – компромисс вроде прекратил бы войну, угрожавшую их поместьям и семьям. А неисправимый оппозиционер Прокопий Ляпунов послал брата Захара к Василию Голицыну и затеял заговор в его пользу.

Пробовал втянуть и Пожарского, воеводу соседнего Зарайска, но тот отказался и переслал грамоту царю.

Не склонился Пожарский и на происки Лжедмитрия. Когда его эмиссары взбунтовали Зарайск, заперся в кремле и под пушками вынудил горожан утихомириться, предложив им формулу: «Буде на Московском царстве по-старому царь Василий, ему и, служить, а буде кто иной, и тому также служить».

Мало того, этой формулой он сумел замирить и восставшую Коломну. Но многие города снова переходили на сторону самозванца. Все прежние беды связывали с поляками, которых возле «царика» заметно поубавилось. Впрочем, теперь им помыкал Сапега, решивший, что у «Дмитрия» вольготнее гулять и грабить, чем у короля. И даже вынашивавший по пьяни идею самому в неразберихе пролезть в цари – например, введя в Москву самозванца с коронованной «царицей», потом лишнюю фигуру убрать и жениться на Марине, давней своей любовнице (и не только его).

И войско Лжедмитрия опять подступило к Москве. Защищать ее было некому, имеющиеся войска бурлили, готовые взбунтоваться. Но и у «царика» было лишь 10 тыс. казаков, поляков и сброда. И его посланцы во главе с Трубецким предложили москвичам поладить миром: вы, мол, «ссадите» Шуйского, а мы – «вора» и кончим междоусобицу, вместе выбрав нового царя. Для заговорщиков это стало прекрасным предложением. Иван Салтыков, Захар Ляпунов, хотя и действующие в пользу разных претендентов, подняли народ, привели толпы в военный лагерь за Серпуховскими воротами и открыли импровизированный Земский собор. За низложение высказались и бояре: Филарет Романов, Голицыны, Мстиславский, Воротынский, Шереметев. Патриарх Гермоген пытался возражать, но настоять на своем не смог. К царю отправили делегацию, «свели» из дворца и взяли под стражу.

Но когда об этом известили осаждающих, те только посмеялись – ну а теперь, мол, отворяйте ворота перед истинным государем «Дмитрием». Москва, поняв, что ее провели, заволновалась. Появились желающие вернуть на трон Василия. Заговорщики этого сделать не позволили. Несмотря на обещания неприкосновенности, данные Шуйскому, Ляпунов и Салтыков привели к нему иеромонаха Чудовского монастыря и силой постригли в монахи. Гермоген пострижения не признал – сказал, что монахом стал князь Татев, дававший при обряде положительные ответы за Шуйского. Но патриарха не слушали, Василия упрятали в монастырь и разослали по городам грамоты о созыве Земского собора для выборов царя. Выдвинулись три кандидатуры: Василий Голицын, 14-летний Михаил Романов, на сторону которого, кроме партии Филарета, стал склоняться и Гермоген, и королевич Владислав. Неожиданно Владислава поддержал и Мстиславский. Сам он претендовать на царство, как и прежде, отказывался, но и не хотел уступать первенство кому-либо из тех, кого считал равными себе или более «худородными». А на период междуцарствия, как следовало по законам, составилось временное правительство из членов Боярской думы – Семибоярщина. В нее вошли Федор Мстиславский, Иван Воротынский, Василий Голицын, Иван Романов, Федор Шереметев, Андрей Трубецкой и Борис Лыков.

Однако Земский собор съехаться не успел. 23 июля к Москве подошло 25-тысячное войско Жолкевского. Столица очутилась меж двух огней. Получалось, надо договариваться или с «вором», или с гетманом, который ловко обыгрывал сложившуюся ситуацию, делая вид, будто готов договориться и с самозванцем о штурме Москвы. Жолкевский выглядел предпочтительнее банд Лжедмитрия, и бояре начали переговоры с ним. Но силы тасовались так и эдак. Когда Сапега начал штурм Серпуховских ворот, Валуйев и Салтыков не выдержали, по собственной инициативе ударили на него, что Жолкевский поставил себе в заслугу – мол, признавайте королевича и помогу еще больше. А к Лжедмитрию ушел Заруцкий с казаками, поняв, что в новом раскладе ему ничего не светит и «боярином» его никто признавать не собирается.

Пошли упорные дебаты. Снова был поднят вопрос об обязательном переходе Владислава в православие, но в дополнение к смоленским соглашениям бояре выставили дополнительные требования: снятия королем осады со Смоленска, помощи против самозванца, запрета приезжать иезуитам, не назначать на военные и административные посты поляков, допустить их в свите королевича не более 300 человек. Словом, чтобы он был русским царем, а не польским на русском престоле. Жолкевский прекрасно знал, что Сигизмунд хочет присоединить Смоленск к Польше, а на перекрещивание сына не согласится. Король писал ему: «Из всего видно, что этот народ хочет нас надуть; он ведет себя не так, как прилично в его положении, а как будто совершенно свободный народ, предлагая нам такие условия, какие считает для себя выгоднейшими. Нам важно дозволение строить костелы в их государстве... Будьте осторожны, не дайте провести себя, и если ничего не сделаете убеждениями, то придется действовать силой и быстротою». Но гетман тоже находился в критическом положении! Подходил срок уплаты жалованья войску, уже предупредившему, что иначе служить не будет. Денег не было. И Жолкевский шел на уступки, чтобы привести Москву к присяге Владиславу, после чего можно будет перевалить содержание армии на русских. Только формулировки смягчал и делал округлыми, оставляя лазейки для последующего обмана. Наконец слепили взаимоприемлемый договор. Хотя Сигизмунд чуть не испортил все дело.

11 августа состоялся третий штурм Смоленска. Его снова отразили, поляки потеряли более тысячи убитыми. Тем не менее казалось, что крепость вот-вот падет, а москвичи без боя соглашались призвать королевича. Это вскружило королю голову, и он прислал Жолкевскому новую инструкцию. Приводить русских к присяге не Владиславу, а самому Сигизмунду. Чтобы Россия присоединилась к его владениям по праву завоевания. Гетман понимал, что на такое Москва ни за что не согласится, и инструкции скрыл. Поскорее довел начатое до конца, и 17 августа договор был подписан. Делегаты на Земский собор так и не съехались, но без собора в таком деле обойтись было нельзя. Избрали уполномоченных из дворян и детей боярских разных городов, находившихся на службе в Москве, от разных сословий – духовенства, торговых людей, стрельцов, казаков, приказных людей, посадских. И на Девичьем поле собор – от лица «всей земли» – и москвичи принесли присягу Владиславу.

По уездам рассылались манифесты, объясняющие, что выборные в назначенный срок не прибыли, а ждать было нельзя, поэтому собор создали ограниченного состава и избрали Владислава на таких-то условиях. Провинция тоже стала присягать ему. Но Жолкевский понимал, что обман скоро раскроется, и спешил обставить русских. Стало формироваться «Великое посольство» к Сигизмунду и Владиславу, тоже от Земского собора – вошли дворяне 40 городов, 293 представителя разных сословий. И, как потом признавался гетман, в состав посольства он нарочно включил тех, кто мог бы стать препятствием польским планам: Василия Голицына, Захара Ляпунова, Филарета Романова. Хотел включить и его сына Михаила, но мальчика направлять послом было неудобно.

Согласно подписанному договору, Жолкевский должен был выступить против «вора». Семибоярщина выставила свое 15-тысячное войско, гетман вывел свое. Но сражаться с соплеменником Сапегой (и нажить врага в лице его дяди, канцлера литовского) ему не хотелось. Он вступил в переговоры и объявил боярам, что поляков можно оторвать от «вора», если заплатить им. Мстиславский клюнул, раскошелился на 4 тыс. руб. наличными и 15 тыс. вещами, и Сапега ушел грабить Северщину. Увидев, что дело «царика» зашаталось, от него стала переходить в Москву и присягать Владиславу примкнувшая знать – Туренин, Долгоруков, Сицкий, Нагой. И самозванец отступил в Калугу.

А после этого в качестве «мирной инициативы» гетман предложил распустить часть собственных солдат. Если им тоже заплатят. Он опасался бунта в своем войске, из разложившихся клушинских перебежчиков отобрал 800 самых надежных, а 2500 изменников получили за счет тех, кого они предали, плату за «службу» и удалились. Гетман запустил руку в

русскую казну и для жалования полякам. Страшая бояр, что если «рыцари» уйдут – вдруг «вор» вернется? В пользу Лжедмитрия и в самом деле ширилось движение, он теперь выступал альтернативой полякам и Владиславу. Многие уже склонялись на его сторону и в Москве. И Жолкевский, перехватывая воззвания «царика», доказывал, что поход против него начинать невозможно – как только войско выступит из столицы, произойдет восстание и ее захватят «воры». Единственный выход – ввести в город польский гарнизон. И, несмотря на противодействие патриотической части руководства – Гермогена, Ивана Воротынского и Андрея Голицына, – такое решение было принято. Поляки вошли и разместились в Москве. Это, собственно, и было задачей Жолкевского. Успеть занять столицу, пока у его «союзников» глаза не открылись. Объясняться с ними по поводу обмана он не стремился и сразу засобиравшись уезжать, «поторопить Владислава на царство». Прихватил низложенного Шуйского с братьями и семьями и оставил вместо себя полковника Гонсевского.

А посольство под Смоленском было горько разочаровано. Подписанного договора польские сенаторы не признавали, да и приехавший Жолкевский начал от своего «крестного целования» отказываться. Об обращении королевича в православие и слышать не желали. Король требовал присяги себе, а не сыну – в чем его поддерживали и иезуиты. А главное, на послов надели, чтобы они от имени правительства дали приказ Шеину сдать Смоленск. Остальное, мол, потом утрясем. Но и послы поняли, чем дело пахнет. Несмотря на личные политические амбиции, большинство из них были патриотами. И Голицын с Филаретом твердо заявили, что от инструкций, данных им Земским собором, отойти не имеют права. Переговоры зашли в тупик. Взбешенный король угрожал, а Шеину послал ультиматум – капитулировать в три дня, иначе все смоляне «будут казнены смертию». Ровно через три дня ответом стал мощный взрыв – гарнизон прорыл длинную мину под батареею рижских осадных пушек и уничтожил ее. Пришлось везти новые тяжелые орудия из Слуцка.

Другим регионам присяга Владиславу мира тоже не принесла. Призвание на царство королевича развязало руки шведам. Их контингент во главе с Делагарди и Горном уже находился в России. Карл IX выслал подкрепления, чтобы поживиться «бесхозными» русскими владениями, и отряды разошлись для захвата Ивангорода, Орешка, Ладоги, Карелы. Наемники де ла Валя взяли Ладогу, Орешек отбивался, Карелу воевода Пушкин после клушинского предательства шведов сдать отказался и сел в осаду, а под Ивангородом французские и шотландские наемники взбунтовались, ограбили полковую кассу и разошлись. Но и польские отряды безобразничали повсюду. Сожгли Козельск, Калязин, подступали к Пскову и Новгороду, их гарнизоны бесчинствовали в Твери, Торжке, Старой Руссе, Волоколамске, Сапега опустошал Северщину, убивая жителей и продавая детей в рабство. Значительные силы поляков подступали к Курску. Перед этим некоторым горожанам было видение – будто сама Пресвятая Богородица с двумя светлыми иноками осеняет крестом их стены. Вдохновленные знаменем, куряне устроили крестный ход вокруг крепости, дали обет построить монастырь во имя Знамения Пресвятой Богородицы – и отбились.

В Москве первый месяц оккупации поляки вели себя подчеркнуто прилично, даже казнили двоих солдат за преступления против русских. Но Сигизмунд начал уже бесцеремонно распоряжаться Россией как своей вотчиной. Щедро жаловал послушных, Мстиславского и Салтыковых, полковника Гонсевского произвел в бояре и назначил начальником Стрелецкого приказа, а в качестве доверенного лица послал в Москву своего прихвостня Федора Андропова – он стал главой Казенного приказа, а заодно и «тайной службы», рассылая своих шпионов и составляя для коменданта списки недовольных поляками. Гонсевский продолжил политику Жолкевского, исподволь готовя страну к полному покорению. В столице оставалось до 7 тыс. стрельцов – он под разными предложениями разослал их в дальние города.

В октябре, поймав посланца «вора» попа Харитона и под пытками добившись от него нужных признаний (от которых Харитон потом отрекся), сфабриковал обвинение в «заго-

воре», и патриотическая оппозиция в правительстве – патриарх Гермоген, Воротынский и Андрей Голицын – была отстранена от руководства и взята под домашний арест. Всплыла и проблема жалования оставшемуся в Москве 6-тысячному польскому войску. Снова фуражиры от рот поехали собирать «кормы» в провинцию. И вели себя соответствующе. Маскевич отмечает в дневнике: «Наши ни в чем не знали меры; они не довольствовались тем, что с ними обходились ласково, но что кому понравилось, то и брали, хотя бы у помещика жену или дочь». Тут уж бояре стали доказывать, что это лучший способ взбунтовать народ. Выезды прекратили, стали платить из московской казны, переплавляя в монеты ювелирные изделия. Но, оказавшись в Москве хозяевами, поляки и здесь стали вести себя нагло и грубо. По доносам Андропова Гонсевский казнил людей без суда, конфисковывал поместья и имущество, раздавая своим сторонникам.

Легенды о предательстве Семибоярщины в целом некорректны. В полном составе она так и не существовала, и половина ее держалась патриотических убеждений. Но после разгрома оппозиции безвольный Мстиславский целиком пошел на поводу у поляков. Да он больше почти и не котировался, всем заправляли Гонсевский, Михаил Салтыков и Андронов, а оставшиеся в Думе бояре очутились в положении заложников, с одной стороны, страшась поляков, а с другой – бунта черни против поляков. И Мстиславский, Салтыков и иже с ними отправили послам в королевский лагерь новый наказ – соглашаться уже и на присягу Сигизмунду. И требуя, чтобы они приказали сдаться Смоленску.

Впрочем, Смоленск не возражал против того, чтобы целовать крест» Владиславу – но с тем, чтобы король снял осаду и вывел армию. А как раз это поляков не устраивало. Они настаивали, чтобы в крепость впустили их войско. Послы посовещались между собой, и Филарет обозначил твердую позицию: «Нельзя никакими мерами пустить королевских людей в Смоленск. Если мы впустим их хоть немного, то уже нам Смоленска не видать более». А указы бояр посольство отвергло, заявив, что делегация посылалась не от Думы, а от Земского собора, поэтому примет лишь инструкции с подписями патриарха и земских сословий. Поляки настаивали, грозили, послы стояли на своем. В Москве Салтыков и Гонсевский пробовали уговорить патриарха подписать грамоту к послам и смолянам. Гермоген отверг требования. А послы отвергли новые инструкции без его подписи. Их взяли под стражу. И 21 ноября последовал четвертый штурм Смоленска. Мина в тысячу пудов пороха взорвала одну из башен и часть стены. Но позади городских стен смоляне успели возвести земляной вал «вышиной в два копья», к пролomu быстро подтянули пушки, и три атаки интервентов были отбиты.

Вести о польском коварстве быстро расходились по России. Из посольского стана хитростью сумел уехать келарь Троице-Сергиева монастыря Авраамий Палицын, разнося правду. А Захар Ляпунов притворно порвал отношения с послами, бражничал с поляками – и тайно пересылал брату Прокопию известия о намерениях интервентов и обращении с дипломатами. Выяснилось и то, что даже покорность Сигизмунду не спасает от насилий. Города, впустившие поляков, терпели погромы и разорение. По стране стало распространяться письмо смоленских и брянских дворян – они в надежде сохранить свои имения первыми поступили на службу к королю, но поместья их были разграблены, близкие перебиты или угнаны. Попытки добиться справедливости при дворе или хотя бы выкупить родных из неволи ни к чему не привели. Люди, поехавшие в Польшу искать жен и детей, «потеряли там головы». А выкуп, «собранный Христовым именем», был отнят.

Прокопий Ляпунов направил гневное обращение к боярам: пришлют ли, мол, обещанного «православного» Владислава на царство или весь договор – ложь? Пригрозил в этом случае «биться насмерть с поляками и литовцами» и начал рассылать собственные воззвания. 5 декабря Мстиславский, Салтыков, Андронов явились к Гермогену, чтобы он запретил Ляпунову восстание. Патриарх объявил, что, если прежний договор исполнен не будет, он

восстание благословит. Салтыков бросился на него с ножом – Гермоген угрозе не поддался и проклял его. А на следующий день созвал народ в соборной церкви. Поляки заранее оцепили ее, но некоторые проникли и слушали гневную проповедь. Тогда патриарха взяли под стражу, отобрали всех слуг. Тем не менее смельчаки пробирались к нему и увозили его воззвания, где он разрешал Россию от присяги Владиславу и призывал: «Мужайтесь и вооружайтесь и совет между собой чините, как бы нам от всех врагов избыти. Время подвига пришло!»

В это время исчезло и препятствие, разъединявшее патриотические силы. Касимовский царь Ураз-Мухаммед, передавшийся королю, тайно приехал в Калугу повидаться с семьей. Лжедмитрий узнал об этом и убил его. Но и в его войске было много татар, из них состояла охрана самозванца. И на прогулке 11 декабря князь Урусов, друг Ураз-Мухаммеда, зарубил «царя Дмитрия» (в вещах которого обнаружили Талмуд и письма по-еврейски). В калужском лагере пошел разброд. Марина опять пробовала солить. Находясь на последнем месяце беременности, разорвала одежды и с голой грудью бегала ночью с факелом по городу, вызывая о мести. Кое-кто откликнулся, убили до 200 татар. А «царица» вскоре родила сына, от кого – неизвестно, по словам ее собственного дворецкого, она «распутно проводила ночи с солдатами в их палатках, забыв стыд и добродетель», а русский летописец выразился проще: «Маринка воровала со многими». Младенца она торжественно вручила казакам и калужанам, дескать, отдаст, чтобы окрестили в православную веру и воспитали как русского «царевича». Нарекли Иваном Дмитриевичем. Но всерьез «царевича» и его мать никто не воспринял.

Ляпунов снесся с Заруцким, с «тушинским боярином» Трубецким – договорились действовать вместе. Поляки и их приспешники решили подавить мятеж в зародыше. На Ляпунова Сигизмунд направил запорожцев Наливайко, а из Москвы выслали отряд Сумбулова. Объединившись, они напали внезапно и осадили Ляпунова в Пронске. Но на помощь вдруг выступил из Зарайска Пожарский, прежде лояльный ко всем властям. Ударил в тыл осаждающим и обратил в бегство. Вместе с Ляпуновым они с колокольным звоном въехали в Переславль-Рязанский (ныне Рязань) – и положили начало первому земскому ополчению. Сумбулов и Наливайко горели желанием отомстить, двинулись на беззащитный Зарайск. Да только Пожарский опередил их – форсированным маршем вернулся в свой город и встретил их пушками. А затем сделал вылазку и разгромил окончательно.

Гонимый встревожился. От москвичей потребовали в 24 часа под страхом смерти сдать оружие. Ввели комендантский час, ночью по улицам ездили патрули, на месте рубя разрушителей. Польские солдаты врывались с обысками в «подозрительные» дома. На окраинах выставили заставы – у кого находили оружие, тащили к проруби и топили. Было перехвачено одно из воззваний патриарха, которое вез дворянин Чертов. Его казнили, а Гермогена заточили в келью Чудова монастыря, лишив бумаги и чернил. Но гонимые все равно пробирались к нему, увозили его призывы на словах. Начали рассылать свои воззвания и архимандрит Троице-Сергиева монастыря Дионисий, и келарь Палицын. Освободительное движение ширилось. Отряды возникали в Суздале, Ярославле, Владимире, Нижнем Новгороде, Казани, Вятке, Вологде, Костроме.

Поддержали и Новгород с Псковом, хотя у них своих проблем хватало. Новгородцы осадили шведов в Ладого и вынудили оставить крепость. Бои шли под Орешком. Шведы бомбардировали, атаковали его, а взять все же не смогли и отступили. К весне положение ухудшилось. Взять Карелу шведское войско Андрия тоже никак не могло, но из-за боев и эпидемий из 2 тыс. гарнизона осталось лишь 100 человек. Воевода Пушкин вступил в переговоры и выговорил почетные условия сдачи, остаткам бойцов и горожан позволили уйти со всем имуществом. На Псковщину в это время из Ливонии вторглось войско гетмана Ходкевича. Осадило Печорский монастырь, отряды поляков разошлись, опустошая окрестности.

А вдобавок объявился новый «вор» – Лжедмитрий III, расстрига Матюшка Веревкин. Псковичи и новгородцы его не признали, но он угнездился в Ивангороде, где гарнизон казаков провозгласил его «царем».

В марте отряды земского ополчения с разных сторон двинулись к Москве. От Рязани – Ляпунов, осадивший Коломну. От Тулы шел Заруцкий. От Суздаля – Просовецкий и Измайлов, от Муромы – Репнин, их задержали на Владимирской дороге бои с правительственным отрядом Куракина. Москва и в то время была огромным городом. Современники-иностранцы указывали, что она «намного больше Лондона с предместьями», «больше Рима и Флоренции». Численность населения составляла 200–300 тыс., некоторые приводили цифру 700 тыс. Москва состояла из пяти частей. В центре – мощная крепость Кремль, к нему примыкал торговый Китай-город, тоже опоясанный стеной. С запада, севера и востока Кремль и Китай-город окружал Белый город, также укрепленный. Еще одним внешним кольцом раскинулся Земляной город, а с юга, в излучине Москвы-реки, – Замоскворечье, их окружала деревоземляная стена. Дополнительным поясом обороны служили расположенные вокруг города укрепленные монастыри: Андроньев, Симонов, Николо-Угрешский, Девичий.

Гонсевский начал готовиться к боям. Опасаясь бунта в столице, орудия с внешних стен, Белого и Земляного города стали перевозить и устанавливать на стенах Кремля и Китайгорода, чтобы держать под обстрелом саму Москву. Пикеты поляков разгоняли все сборища москвичей, были убиты. Но наступало Вербное воскресенье. По традиции в этот праздник устраивалось торжественное шествие, патриарх выезжал на «осляти» – специально подобранной смиренной лошади, которую вел под уздцы сам царь, и посмотреть съезжались люди со всех окрестностей. Поляки были в затруднении, боясь и праздничных толп народа, но боясь и запретить праздник, чтобы не спровоцировать восстание. Все же разрешили. Вместо «царя Владислава» вел «ослята» боярин Гундуков. Это был последний выезд Гермогена на люди, как бы предваривший мученичество самого патриарха. И для Москвы Страстная неделя стала таковой в прямом смысле.

Происходили стычки и ссоры с поляками, которые сперва удавалось сдерживать. А во вторник, 19 марта, грянуло. Оккупанты стали бесцеремонно хватать извозчиков, чтобы тащили на стены пушки. Те начали отбиваться, им на помощь кинулись свои. Поляки взялись за оружие, полилась кровь. Прибежавший Гонсевский бросил на безоружный люд наемников Маржерета. Как писал поляк Стадницкий, «они рассекали, рубили, кололи всех без различия пола и возраста» – и сами были в крови с ног до головы, «как мясники». В Китай-городе было перебито 7 тыс. человек. Толпы в панике выплеснулись в Белый город. Преследуя их, шли убийцы.

Но в Белом городе народ принялся строить баррикады, вооружаться чем попало. Среди гостей, стекавшихся на Вербное воскресенье, в город для подготовки восстания уже проникли представители земского ополчения. Среди них был Дмитрий Пожарский, возглавивший сопротивление на Лубянке. Собрав народ, он соорудил острожек. Сюда принесли чудотворную Гребневскую икону Пресвятой Богородицы, с близлежащего Пушечного двора привезли легкие орудия, врага встретили огнем. На Кулишках и возле Ильиных ворот москвичей возглавил Иван Бутурлин, в Замоскворечье – Иван Колтовский. Поляки, неся потери, стали отходить. И, как докладывал королю Гонсевский, «видя, что исход битвы сомнителен, я велел поджечь Замоскворечье и Белый город в нескольких пунктах». Каратели продвигались следом за огнем, спасающиеся толпы москвичей расстреливали из пушек и мушкетов. На Кулишках сопротивление было сломлено. Но на Лубянке Пожарский отбросил поджигателей контратакой и загнал в Китай-город. Заодно Гонсевский расправлялся с политическими противниками, был зверски убит находившийся под арестом Андрей Голицын.

В этот день выгорела небольшая часть Москвы, а к Замоскворечью уже подходили авангарды ополчения – отряды Ивана и Федора Плещеевых. И оккупанты решили сжечь весь

город, чтобы осаждающие не смогли воспользоваться его домами и ресурсами. Впрочем, из того, что пушки перевозились в две центральные крепости, видно, что такой план существовал и раньше. На рассвете у ворот Китай-города затеяли «переговоры», отвлекая москвичей, а тем временем роты наемников по льду Москвы-реки вышли им в тыл и стали поджигать западные кварталы и Замоскворечье. Погода выдалась ветреная, что облегчило операцию. Русским отрядам, попавшим в огненный ад, пришлось отступать. В полдень с башен Кремля заметили, что к полякам идет из Смоленска полк Струся. Он отвлек на себя часть повстанцев, его остановили. Но Гонсевский нанес встречный удар, его солдаты пробились до стены Земляного города и подожгли ее. Со стен пожар перекинулся на жилые кварталы, и конница Струся прорвалась к своим. Устранив угрозу с запада и юга, поляки сконцентрировали силы против острожка на Лубянке, Большинство его защитников погибли. Пожарский был тяжело ранен в голову, и верные слуги увезли его.

На четвертый день целой еще оставалась примерно треть города. А с востока показались отряды Просовецкого, Измайлова и Репнина. Земская рать подходила в Москву разрозненно, что сыграло на руку Гонсевскому. Он выслал команды факельщиков дожигать кварталы и со всеми наличными силами ударил на ополченцев. Разбил и отбросил, захватив пушки и обоз, но по другим дорогам стягивались новые отряды, и поляки вернулись под защиту крепостных стен. Сожжение Москвы сопровождалось жуткими грабежами. Обдирали в храмах драгоценные оклады икон, ломали раки чудотворцев, даже в оставшемся у врага Китай-городе погромили лавки. Наемник Буссов хвастал, что солдаты захватили «огромную и превосходную добычу золотом, серебром, драгоценными камнями». Перепивались, жемчужинами заряжали ружья и ради забавы палили в прохожих.

А Москва, кроме центра, погибла. Архиепископ Арсений Елассонский, поставленный Гонсевским вместо Гермогена, вспоминал: «И когда пылали дома и церкви, то одни солдаты убивали народ, а другие грабили дома и церкви... Народ же всей Москвы, богатые и бедные, мужчины и женщины, юноши и старики, мальчики и девочки бежали не только от страха перед солдатами, но более всего от огненного пламени; одни по причине своей поспешности бежали нагими, другие босыми, и особенно при холодной погоде, бежали толпами, как овцы, бегущие от волков. Великий народ, многочисленный, как песок морской, умирал в бесчисленном количестве от холодов, от голода на улицах, в рощах и полях без всякого призрения, непогребенные...» Число погибших Арсений оценивает в 300 тыс., Стадницкий в 150 тыс.

«Бей поганых!»

А теперь очень важное. Поляки (как и папа римский и иезуиты) допустили грубейшую политическую ошибку, представляя Россию сугубо в рамках собственных моделей, моделей противопоставления своих «свобод» (дворянских) русской «тирании». Получалось и впрямь: смени или возьми под контроль царя – и делай с народом что хочешь, как в империи инков. В плен этой поверхностной западной концепции попали и отечественные историки, изображавшие Россию как очень централизованную, абсолютную монархию – и из-за этого так и не сумевшие понять процессы Смуты. Дело-то в том, что Россия в XVII в. была не абсолютистским, а земским государством! В каждом городе и уезде существовали органы земского самоуправления, обладавшие очень большими полномочиями. Об их структуре я упомяну в другом месте, но поляки на такую «мелочь» вообще не обратили внимания, как никогда не обращали внимания на «простолюдинов». В их стране органы городского самоуправления были напрочь придавлены аристократией и занимались лишь муниципальными мелочами.

Но на Руси земства представляли огромную силу. Во многом из-за этого города в одночасье то передавались «ворам», то отлагались от них, свергая назначенных воевод. А когда рухнула вся «вертикаль власти», «горизонталь» сохранилась, что и обеспечило живучесть государства. Шеин руководил обороной вместе с земским советом, Ляпунов был не просто дворянином, а общественным лидером рязанской земщины, и для восстания никаких чрезвычайных органов управления создавать не пришлось, они уже существовали и были вполне легитимными. Воззвания патриарха, Ляпунова, Дионисия читались в земских избах, потом колоколом скликался «мир», принимались решения. Воззвания размножали штатные земские писари, а штатные «посыльщики» развозили их в другие города с приложением грамот о собственных решениях – точно так же, как и при царях земства обменивались между собой важной информацией.

Но весной 1611 г. положение Руси было тяжелейшим. Ополчение подступило к Москве в конце марта. Оно было очень небольшим. Прошло то время, когда страна выставляла сотни тысяч армии, – одни погибли, другие были искалечены. Против «поганых латынян» поднялось много городов, но часть сил оставлялась дома для обороны от вражеских банд. У Ляпунова собралось всего 6 тыс. бойцов. Правда, лагеря разрослись за счет приставших к ним москвичей, уцелевших от бойни, но в большинстве это были не воины. Гонсевский несколько раз пробовал атаковать, однако русские, не принимая лобовых столкновений, поражали поляков из укрытий, наносили потери, заставив прекратить вылазки. А 1 апреля перешли Язу и захватили большую часть стены Белого города – оборонять ее у врагов не хватало сил. Они удержали лишь Кремль, Китай-город, прилежащие к ним белгородские башни и Новодевичий монастырь.

Пожарище Москвы осталось «ничьей» территорией, там происходили стычки, но никто его не занимал из-за смрада от разлагающихся трупов. Зато в подвалах сожженных домов ополчению досталось много продовольствия – при грабежах поляки хватали лишь драгоценности и дорогие вещи и вскоре стали испытывать нехватку продуктов. Осаждающие создали свое правительство, «Совет всей земли», и верховный триумвират – номинально его возглавил «тушинский боярин» Дмитрий Трубецкой, а реальное руководство осуществляли Ляпунов и Заруцкий. Однако единства между ними не было. Заруцкий уже успел свою жену-казачку упрятать в монастырь, сошелся с Мариной и вынашивал планы посадить на престол ее «воренка». А Ляпунов, трибун и воин, был никудышным политиком и дипломатом. В русских боярах он разочаровался, а раз поляки обманули, направил посольство Василия Бутурлина к шведам – просить о помощи за территориальные уступки, как это

делал Скопин-Шуйский, а тайно – провести переговоры о приглашении на трон шведского принца. На тех же условиях, которые предлагались польскому.

Малочисленное ополчение враг мог бы раздавить, но Сигизмунда все еще связывал Смоленск. Он пережил уже вторую блокадную зиму, в крепости был голод, людей косили болезни. Сперва хоронили по 30–40, а потом уже по 100–150 человек в день. Тем не менее город держался, весной отбил еще несколько приступов. И поляки снова надели на послов. Василий Голицын выработал компромиссный вариант – пустить в город 100–200 польских солдат «для чести». И смоляне соглашались, но лишь после вывода из России остальных сил. Поляков такое не устраивало. А после земского восстания послам предъявили ультиматум: отдать приказ Ляпунову снять осаду Москвы, а Шеину – сдать Смоленск. Филарет ответил: «Я все согласен претерпеть, а этого не сделаю, пока не утвердите всего, от нас поданного в договоре». Тогда послов объявили пленниками, разграбили все их пожитки, а самих под стражей посадили в ладьи и отправили в Литву. Впрочем, отправили только дворян. А простолудинов – слуг и делегатов от «черных» сословий – приставы Тышкевич и Кохановский распорядились просто перебить. По польским понятиям, «хлопы» не стоили того, чтобы с ними возиться.

Еще одно войско, литовского гетмана Ходкевича, в это время осаждало Печорский монастырь. Полтора месяца его громили пушки, в нескольких местах стена покрылась трещинами и осела. Но стрельцы, монахи и крестьяне, засевшие в монастыре, не сдались, отбили семь штурмов. И Ходкевич вынужден был уйти, король отозвал его под Смоленск, где требовалось восполнить потери. Поляки готовились к решающему штурму. Авраамиевские ворота и часть стены проломили бомбардировкой, Крылошевские ворота подорвали миной. И в ночь на 3 июня со всех сторон пошли на приступ. А Шеину уже просто нечем было защищать всю протяженность стен, у него осталось 200–400 бойцов.

Поляки ворвались в Смоленск, учинив резню. Большинство защитников пали на стенах и в уличных схватках. Многие горожане укрылись в Богородицком соборе. Когда враги выбили двери, начали рубить собравшихся – первый удар саблей пришелся архиепископу Сергию, посадский Андрей Беяницын спустился в подвал и поджег хранившийся там порох. Собор подняло на воздух вместе с убийцами. Шеин с несколькими ратниками и семьей заперся в Коломенской башне и оборонялся, лично положив выстрелами более 10 немцев. Он готов был погибнуть в бою, но пожалел своих близких и сдался. Вопреки всем правилам «рыцарской чести» Сигизмунд велел пытать его, чтобы узнать о мифических «спрятанных сокровищах». Видать, на русских понятия «чести» не распространялись.

Падение Смоленска пышно праздновалось всем католическим миром. В Кракове трое суток играла музыка, шли балы и представления, где «еретическую» Москву поражали... почему-то языческие юпитеры и марсы с полунагими минервами и венерами. Папа объявил отпущение грехов не только участникам кампании, но и всем, кто в назначенный день посетит иезуитскую церковь Св. Станислава в Кампидолио. Там тоже происходили представления с фейерверками, а богослужение вел сам генерал иезуитов Аквила, провозглашая: «О, даруй, Боже, яснейшему королю польскому для блага христианской церкви уничтожить коварных врагов московитян». Жолкевский советовал Сигизмунду сразу выступить на Москву выручать гарнизон. Но короля тяжелая война уже утомила, хотелось тоже отпраздновать победу. Да и многие паны стали разъезжаться, а на оплату наемников не осталось денег. И под предлогом участия в сейме Сигизмунд предпочел уехать, поручив ведение дальнейших боевых действий Ходкевичу, который застрял из-за недостатка войска.

Зато под Москвой появился Сапега с 5 тыс. конницы. Он успел съездить к королю, понял, что там нажива не светит, и вернулся к русской столице, предложив услуги обеим сторонам, кто больше заплатит. При таком торге перевес был, естественно, у Гонсевского, предложившего «в залог» царские драгоценности на полмиллиона злотых. И Сапега со Стру-

сем нанесли удар с двух сторон на острожек у Лужников, потом пробовали отбить Тверские ворота, но потерпели поражение. После этого договорились, что полезнее будет Сапеге идти собирать продовольствие для осажденных. С ним Гонсевский отправил 1,5 тыс. воинов Руцкого, многочисленных панских слуг и русских сторонников боярского правительства под командованием Ромодановского – им комендант не доверял и воспользовался случаем удалиться.

Но и земское ополчение, едва Сапега ушел и гарнизон уменьшился, перешло к активным действиям. Атаковали редут Борковского, построенный у Тверских ворот, 200 поляков перебили. А 5 июля последовал общий штурм. Перед рассветом ополченцы по лестницам забрались на стену Китай-города у Яузских ворот. Их выбили контратакой, но на других участках были взяты Никитские, Арбатские и Чертольские ворота Белгородской стены. В Никитской башне отбивались 300 немцев. Когда кончился порох, они пробовали сдаться, но разъяренные сожжением Москвы ополченцы в плен не брали. В башне у Трехсвятских ворот тоже защищались 300 человек. В нижнем ярусе у них лежали порох и гранаты, русские пустили туда зажженную стрелу. Башню охватило пламя, а тех, кто пробовал выпрыгнуть, убивали. Поляки потеряли весь Белый город.

Псков и Новгород терпели удары со всех сторон. Едва ушел Ходкевич, в их края ворвалась банда Лисовского, грабя все подряд. Из Ивангорода совершал вылазки Лжедмитрий III. И новгородцы начали переговоры о помощи со шведами, а тут и посольство от Ляпунова подоспело, прося Делагарди выступить под Москву. Карл IX и его полководец ситуацией воспользовались. За гипотетическую помощь от послов потребовали уступить Ладогу, Орешек, Ивангород, Ям, Копорье и Гдов. Бутурлин соглашался на все – но это оттолкнуло от него новгородцев. Они стали косо смотреть на посланца Ляпунова, обещающего их земли иностранцам. Наконец зашла речь и об избрании на царство шведского принца. Делагарди вроде бы заинтересовался, встал у стен Новгорода, вел переговоры, даже убавил запросы до Ладоги и Орешка, давал пиры русским... Но действовать он решил наверняка. И, отвлекая партнеров дипломатическими маневрами, подтягивал свои полки и ждал из Выборга Горна с артиллерией и боеприпасами.

Наконец Бутурлин понял, что шведы его дурачат, потребовал отвести наращиваемые силы от города. Делагарди высокомерно отказал. Посол плюнул на инструкции Ляпунова, стал организовывать новгородцев к отпору, однако ему уже не верили, подозревали в измене. 8 июля шведы стали в открытую окружать Новгород и вести осадные работы, а через день пошли на штурм. Демонстративную атаку Делагарди повел с юго-востока, отвлек туда горожан, а в это время его наемники подобралась с противоположной стороны, подорвали ворота петардой, полезли на вал по лестницам. И все же приступ удалось отбить, новгородцы совершили вылазку, потрепав осаждающих, и... стали праздновать победу. Единого руководства не было. Бутурлина не слушались, воевода Одоевский колебался, не возобновить ли переговоры, а горожане пьянствовали, отпуская со стен насмешки врагу.

Делагарди выждал 7 дней, не предпринимая ничего. Осажденные расслабились. А в ночь на 17 июля предатель Иванко Шваль подвел шведов к Чудинцевым воротам, где от колес образовалась колея. Охрана спала. Шваль прополз по колее под ворота и открыл их. В город ринулся отряд, взорвал соседние, Прусские, ворота, и хлынула вся армия, громя и убивая. Жители спросонья выскакивали из домов, метались в панике. Соппротивление носило только очаговый характер – атаман Шаров, протопоп Аммос, дьяк Голенищев, стрелецкий голова Гаютин собирали горстки смельчаков, дрались и погибали. Бутурлин с отрядом вырвался из окружения через Волховский мост и покинул город.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.